

Евгений Костюченко
Гарнизон не сдается в аренду

Крылов; 2003
ISBN 5-94371-273-9

Аннотация

Русский офицер Вадим Гранцов прошел три войны. Воевал в Африке, и Родина платила ему валютой. В Афганистане он оплачивал кровью интернациональный долг своей страны. За войну в Чечне государство рассчиталось с ним позором и унижением.

И Гранцов решил — хватит воевать. Он выбрал мирную жизнь на заброшенной `точке`, где крошечный гарнизон пытается поддерживать боеготовность вопреки всем стараниям новых хозяев жизни. Здесь он нашел настоящих друзей и встретил любимую женщину. Но чтобы отстоять свой дом и свою любовь, ему снова приходится браться за оружие.

Евгений «Краев» Костюченко
Гарнизон не сдается в аренду

Охранник последний раз прошелся по длинному коридору, подергал ручку двери,

проверяя надежность замка, и вернулся в приемную. Мерцал телевизор, посапывал электрический чайник, на столе раскинулась газета с кроссвордом, в котором оставалось еще много свободных клеток — хватит до утра, если не свалит сон.

Он достал из холодильника бутерброд, початую бутылку пива и поужинал, рассеянно слушая ночные новости. Они не отличались от вечерних, которые он так же равнодушно выслушал пару часов назад. После новостей пошла реклама, и охранник узнал секреты женских прокладок и стиральных порошков. Он смотрел на экран и потягивал пиво. В этом и заключалась его работа. Сидеть взаперти и убивать время. Телевизор, кроссворд, сигареты. Можно и вздремнуть, составив стулья в ряд. Лишь бы не проспать, проснуться до того, как придет утренняя уборщица, и впустить ее в контору. Он пересчитал сигареты и после минутного колебания все-таки не закурил, а сунул пачку обратно в сумку. Свою сегодняшнюю дозу никотина он уже получил, а завтра вместо новой пачки дешевых сигарет он лучше купит бутылку такого же дешевого пива, и тогда можно будет обойтись без завтрака. Он привык рассчитывать все свои расходы заранее, и, получая на двух работах довольно скромную зарплату, умудрялся откладывать на покупку машины. Его мечтой был «Опель-кадет» не старше десяти-двенадцати лет.

Затрещал телефон, и он быстро поднял трубку — если звонит проверяющий, пусть убедится, что на посту не дремлют.

Но голос оказался женским:

— Примите телефонограмму. Сообщение РКЧС.

— Сообщение чего? — переспросил охранник.

— Районная комиссия по чрезвычайным ситуациям. Записываете? «В связи с ожидаемым изменением уровня воды рекомендуем коммунальным службам привести в состояние повышенной готовности технику для откачки воды, а также ликвидировать захламленность подвальных помещений». Кто принял?

— Чего принял? — переспросил охранник.

— Фамилия ваша мне нужна, — терпеливо пояснила женщина. — Как ваша фамилия? Кто принял телефонограмму?

— А-а, — догадался охранник. — Фамилия моя, значит, будет Гранцов. Да, Гранцов моя фамилия.

— Очень хорошо, — сказала женщина.

— А что, наводнение, значит, будет? — спросил охранник.

— Возможно. До свидания.

— А что-то совсем непохоже, — сказал охранник. — Да и не сезон. Не припомню, чтобы летом вода поднималась. Ветер восточный, с чего бы наводнение? Вода-то поднимается при западном ветре, чтобы против течения дуло. Девушка, вы там давно работаете? Я ваш голос в первый раз слышу.

— Извините, мне еще по всем конторам прозвониться надо, — сказала женщина и положила трубку.

* * *

— Станный тип этот Гранцов, — сказала Восьмая, положив трубку. — Реакция заторможенная, голос мягкий, не командирский. По материалам я его иначе представляла.

— Алкаш, полная деградация личности, — сказал Третий. — Это как же пить надо, чтобы даже из армии уволили, ты прикинь. Нормальные люди уходят из армии без позора. Красиво надо уходить. По геройскому ранению. Или через уголовное дело. Алкаш... Он хотел с тобой поболтать?

— Наверно.

— Перезвони ему минут через пять, поболтаете, — сказал Третий и включил свой сотовый телефон. — Ну, как, подошел ключ? Все нормально, сидит у телевизора. Когда зайдете, он будет по телефону болтать. Пускай Прыщ там не выделяется, никаких

фокусов. Вы готовы? А теперь посмотри на часы. Сколько на твоих? Ровно через пять минут начинайте.

* * *

Через пять минут охранник вписал очередное слово в кроссворд и, отхлебнув пива из бутылки, закрыл ее и поставил в холодильник.

Снова зазвонил телефон.

— Примите телефонограмму, — сказала женщина.

— Опять? Только что принимал, — сказал охранник. — Насчет наводнения опять?

— Ой, неужели? Извините, — сказала женщина. — Это я уже заработалась.

— Ничего, бывает, — сочувственно сказал охранник. — Два часа ночи все-таки, самое тяжелое время. А вы, значит, круглосуточно дежурите? Не женское это дело, конечно. Хотя сейчас трудно найти женскую работу. Да и мужскую тоже.

— Да, — сказала женщина. — Выбирать не приходится.

— Ну, зато, наверно, свободного времени много, да? Сутки отсидеть, а потом трое суток свободы, по хозяйству все успеть можно, — сказал охранник. — Да и подработать. Я вот с одной работы сразу на другую. А что делать? На одну зарплату не прожить.

— Да, я вас понимаю, — сказала женщина. — Я слышу, у вас там телевизор работает? Что показывают ночью?

— Да ничего интересного. Одну минутку, — сказал охранник, — потише сделаю, мешает говорить.

Он потянулся через стол к телевизору и вдруг услышал за спиной быстрые шаги.

Охранник не успел оглянуться. Чья-то тяжелая рука упала сзади ему на шею и придавила к столу.

Длинный клинок пробил спину левее позвоночника, между четвертым и пятым ребром, и прошел насквозь, воткнувшись в стол.

Охранник так и остался лежать на столе, а в приемной уже сновали двое в сером камуфляже. Пока один сноровисто разъединял провода компьютеров, второй сорвал с окна штору и расстелил на полу. Компьютеры увязали в узел и перенесли к выходу.

В приемную вошел еще один в сером. Его косая рыжая челка слиплась на лбу, и бледные скулы блестели от пота.

— Ну, вы чё ваще, — приглушенно проговорил он. — Чё телитесь? Завалил? Гля, дергается. Живучий, сука.

— Иди в машину, — сказал тот, кто убил охранника.

— Да ладно, Прыщ, куда она денется-то. Ты чё, ножик тут оставишь?

— Еще пригодится, — сказал убийца, чья кличка вполне соответствовала лицу, изрытому оспинами и прыщами. Он выдернул нож из раны.

Тело охранника дернулось и стекло со стола на пол.

— Я ж говорю, живой! — рыжий брезгливо коснулся тела носком ботинка. — Ты чё, Прыщ, это же брак в работе. Без премии останешься.

— Сумку его возьмем? — спросил убийца у своего напарника, который стоял перед раскрытым холодильником.

— Пошукай гроши, — ответил напарник, допивая остатки пива. — Документы не трожь, только гроши. Ограбление по полной программе.

— Вот сволочь, в кошельке один проездной! — с досадой выругался убийца. — Хоть сигареты забрать.

— Ты ж не куришь.

— На память.

Все трое рассмеялись, и, подхватив узлы с компьютерами, бесшумно исчезли в черноте длинного коридора.

* * *

— Готово, — сказал Третий. — Остались двое — мичман и чучмек. Больше всех меня беспокоил этот Гранцов. С ним могли быть всякие проблемы. Алкаш-то он алкаш, но чему научили в Афгане, то не пропьешь. Может, он вообще спецназовец.

— Был, — поправила Восьмая. — Был спецназовцем.

— Не нравится мне одна вещь. Почерк. Пацаны работают хорошо, но однообразно. Прыщ, конечно, мастер, к нему никаких претензий. Но все-таки почерк виден, менты могут по почерку все увязать в одну цепочку. Ладно, мичмана все равно по-другому не возьмешь, а для чучмека надо будет что-то придумать. Только без стрельбы и динамита. Есть идеи?

— Есть. Хочу в казино.

— С ума сошла? Потерпи. Ты просто устала. В четверг возьму тебя в баньку.

— Фу! К черту твою баню, — капризно фыркнула Восьмая. — Хочу в казино.

Они сидели рядом в черном «саабе», стоявшем на набережной, и следили, как удаляется серая «нива» с убийцами. Женщина, которую называли Восьмой, держала в пальцах незажженную сигарету, а мужчина, которого называли Третьим, листал записную книжку.

— Будет тебе казино, — пообещал он и щелкнул авторучкой. — Вот закончим дело, и на месяц махнем в Вегас. Осталось-то совсем ничего. Мичмана подловить в городе, а чучмека на месте сделаем. Спишем их, и дальше все пойдет по плану.

— Жалко, что я бросила курить, — женщина переломила сигарету и выбросила ее в окно. — У тебя нет в машине коньяка?

— Только не надо распускаться, — сказал Третий. — Я же вижу, ты распускаешься. Нервы. Не надо. Тэйк ит изи¹, девочка. Кто они? Ничтожества. Только и могут, что веничком помахать да пустые бутылки собирать. Одного из армии вышибли, другой вообще прапорщик, третий чурка. Это же не люди, это мусор.

— А мы — люди?

— Девочка, мы лучше, чем люди.

— Все равно, — упрямо повторила Восьмая и достала новую сигарету из пачки. — Хочу в казино. Или коньяку выпить. Ну, подумаешь, прапорщик. Он же не виноват, что он прапорщик.

— Все виноваты, — сказал Третий. — Одни больше, другие меньше.

Он принялся тщательно, густой штриховкой, зачеркивать строчки в своей записной книжке, приговаривая:

— Этих уже нет, они не проболтаются. Гранцов тоже готов. Остались комендант с полячишкой, их я беру на себя. И эти двое, Поддубнов и Керимов.

Он захлопнул книжку и ободряюще потрепал женщину за коленку.

— Подчистим все кончики, и ни одна собака не найдет эту секретную базу!

* * *

О секретной базе перехвата и пеленгации знали не только те, кто значился в черной записной книжке.

Когда-то на вертолетной площадке Базы высаживались десанты засекреченных специалистов. Они сутки напролет проводили в командном бункере, отслеживая полеты разных крылатых предметов, которые назывались еще «изделиями» или «образцами». Предметы иногда падали сразу после запуска, а иногда улетали довольно далеко. Предметы эти были невидимы для локатора (для того и изобретались), и за ними следили с помощью спутниковой системы радиопеленгаторов. Как только «изделие» заканчивало свой полет и

¹ Take it easy — не переживай, (англ.)

падало где-то в карельской тайге, с Базы поднимался вертолет и отправлялся к месту падения, причем пеленгаторщики всегда безошибочно наводили поисковиков.

После разбора полетов полагался законный отдых, для чего и была срублена банька. Она стояла на обрывистом берегу озера, так что из парилки можно было по желобу скатиться прямо в воду. Чтобы при этом страна случайно не лишилась особо заслуженных специалистов, в озере дежурил спасатель, который помогал им забраться по лесенке обратно в парную.

Дипломатические победы Горбачева и компании привели к тому, что специалисты стали посещать Базу все реже, а когда и посещали, то все больше и больше времени проводили не в бункере, а в баньке. Так и превратилась секретная База в особо секретную Баню.

Комендант базы чутко уловил суть происходящих перемен. Он на ходу, «в рабочем порядке», подправил проект реконструкции командного пункта, и вместо Ленинской комнаты получилась просторная сауна, а вместо посеревшего и замшелого барака-казармы была выстроена из красного и белого кирпича уютная гостиница. Чтобы поддерживать уют на должном уровне, на базе появились вольнонаемные женского пола, и специалисты были этим очень довольны. А комендант базы был доволен тем, что в одном из пригородов Ленинграда вырос аккуратный кирпичный домик, целиком построенный из сэкономленных материалов и отходов производства.

После внезапной победы демократии совершенно секретную базу сдали в аренду советско-панамско-ливанскому совместному предприятию. Особисты готовы были от злости и отчаяния повеситься на антеннах Большого дома. Иностранцы повезли в тайгу компьютеров, холодильников, поставили спутниковую антенну и отгрохали грандиозный евроремонт мест наиболее общего пользования. Правда, пользоваться этими местами им не довелось. Оставив на базе своего управляющего, иностранные инвесторы кинулись разыскивать русских партнеров в складках пересеченной местности между Лас-Вегасом и Монте-Карло.

Управляющий был голландским подданным польского происхождения. В тайге ему было неуютно, несмотря на евроремонт, и он предпочел управлять издалека, позванивая с Кипра. А в кирпичном домике в одном из пригородов Петербурга появилась замечательная сантехника. Она была настолько замечательной, что хозяин домика, комендант базы, просто не мог от нее оторваться. По примеру управляющего он перешел на дистанционное управление Базой, оставив «на хозяйстве» старшину.

Как-то незаметно база перешла к бандитам. Сначала они приезжали с иностранцами-арендаторами, потом без иностранцев, потом сами стали кого-то привозить. Они никого не убивали и не грабили, по крайней мере, в бане. А бандитами их называли за особо короткую стрижку и толстые золотые цепи. Во всяком случае, в бане они вели себя смирно, щедро оставляли персоналу недопитые ящики пива, и только вот имели странную привычку — обтершись, бросать простыни на пол, а не вешать на крючок, как делали нормальные люди.

Личный состав базы подобрался из людей проверенных и надежных. Отбором занимался лично старшина базы, мичман Поддубнов. Когда ушел на гражданку последний набор срочной службы, на смену солдатам в баню пришли гражданские специалисты — кандидат физико-математических наук Керимов и бывший майор Советской Армии Вадим Гранцов.

Часть первая. Охота

Глава 1. Мирные будни Вадима Гранцова

«Дневник Партизана № 13.
Запись от 12 июня 1997.

На Большой земле выходной день. У нас просто среда. Обычный рабочий день. Если не считать того, что вчера я опять отказался от бессмертия».

Вадим Гранцов отвел взгляд от монитора и посмотрел в окно. Рыхлое серое небо, полоска озера вдалеке, пятнистый вертолет с поникшими лопастями и рыжая собака под ним. А вот и старшина Поддубнов в блестящем дождевике с остроконечным капюшоном. Он бредет от озера, пиная сапогом поганки, белеющие в траве.

«Утешает только то, что я не одинок в своем зловредном упрямстве. Вместе со мной отказались возрождаться и ДК, и БМП. Так и будем влачить свои последние дни без малейшей надежды на коррекцию кармы.

Мысленно аплодирую изобретателю этого бизнеса — «коррекция кармы». Результаты коррекции, видимо, проявляются очень быстро — уже в следующей жизни.

Вот если бы кто предложил коррекцию погоды! А то весна кончилась, а лето так и не наступило. Такого ненастного июня не помнят даже старожилы, которые вообще ничего не помнят.

Градусник за окном просто засох на цифре 10. К монотонному шороху дождя мы привыкли настолько, что ночью просыпаемся, если он ненадолго приостанавливается. А вертолетная площадка заросла дикой травой, она кучерявится в стыках бетонных плит. И более того — в траве белеют ранние поганки.

БМП объявил их шампиньонами и пообещал откормить гарнизон полноценным белком, как только грибочки нагуляют вес. Но непросвещенный гарнизон при встрече с поганками так и норовит отфутболить наглую блестящую шляпку».

Услышав голоса, Вадим Гранцов снова выглянул в окно и увидел, что Поддубнов присел около вертолета на корточки и о чем-то спорит с рыжей собакой.

— А я говорю, приедут твои сектанты! — басовито твердил мичман. — А я говорю, сектанты. Никакие они не медики, чистые сектанты. А я говорю, приедут.

— Э! На что спорим, не приедут?

Оказывается, под вертолетом, кроме собаки, находился и ее хозяин, Доктор Керимов. Судя по гаечному ключу, которым он азартно размахивал, Керимову срочно понадобилась какая-нибудь железяка от летательного в прошлом аппарата. Но проходивший мимо Поддубнов решил не проходить мимо, и теперь они оба предавались излюбленному пороку словопрения.

Гранцов продолжал стучать по клавиатуре:

«Гарнизону не нужен полноценный белок, гарнизону скоро придется привыкать к тибетским пряностям, рису и кореньям. Потому что скоро уже ступит на нашу территорию нога новых хозяев базы, просвещенных и гуманных вегетарианцев из Института Духовного Возрождения. И начнут они исцелять больных СПИДом с помощью тибетских трав и русской бани. Дело благое, вот только как бы нам самим не попасть в группу риска.

Странная контора этот Институт. Уже третий месяц, как они вступили в права арендатора, а еще ни разу никто оттуда к нам не заглянул. Только звонят и приглашают на свои бесплатные курсы коррекции кармы.

А месяц назад они вдруг предложили всем нам перейти на другую работу. Где-то в городе институт арендовал какое-то помывочное заведение, и там позарез нужны именно такие специалисты, как мы. В полном составе. Зарплату обещали двести долларов. Красота! Любой нормальный человек охотно променял бы нашу глухомань на городскую жизнь. Но в гарнизоне не нашлось ни одного нормального человека. По разным причинам и в разной форме, но все отказались. Причем, что самое забавное, безо всяких советов. Каждый решал сам.

Корректировщики кармы на этом не успокоились и прислали нам кучу анкет. На хорошей бумаге лимонного цвета, с факсимильной подписью директора, с двумя сотнями самых разнообразных вопросов.

Конечно, никто на эти вопросы отвечать не стал. Как выяснилось, мы много потеряли. Оказывается, заполнив анкету правильно и в срок, мы могли автоматически стать сотрудниками Института, не сходя с рабочего места, и получать значительную прибавку к жалованью. Те же самые двести «уев». Это мы узнали из официального уведомления, которое пришло с неделю назад. Мы не прислали правильно заполненные анкеты и поэтому, к сожалению, не стали сотрудниками Института. И более того, мы уже никогда ими не станем, потому что наши имена занесены в особые списки тех, кто сознательно отказался от сотрудничества. И даже у наших родственников возникнут проблемы с поступлением в этот Институт, когда они того пожелают, потому что списки врагов Института рассылаются по всем его филиалам.

Однако, даже оказавшись в стане врагов, мы не избавились от настойчивых приглашений на коррекцию кармы. Наверно, врагами у них занимается один отдел, а кармой — другой. Нестыковочка, типичная для большого хозяйства.

Когда они все же появятся здесь, надо будет им указать на этот досадный дефект. Если только они появятся. Сколько их, таких институтов, еще будут окидывать жадным глазом наше таежное ...»

Он не успел закончить фразу, потому что в комнату дежурного ввалился мичман Б. М. Поддубнов, оглушительно шурша дождевиком.

— Придется сетку ставить. Обнаглела рыба, не клюет, и все! — возмущался Борис Макарович, стягивая резиновые ботфорты, в которых он еще до зари отправился на рыбалку. — Ни одной поклевки! Придется ставить сетку, а то нечем будет гостей кормить, если они приедут.

— Сетку? А смысл? — спросил Вадим Гранцов. — Если рыба ушла, ее сеткой не догонишь.

— Ну, может быть, пяток окуней да пара дурных щук застрянет. Будем ставить сетку, — решительно заявил Поддубнов, однако почему-то продолжал раздеваться. — Прямо сейчас и поставим.

— Прямо сейчас?

— Незамедлительно. Прямо сейчас и поставим. А я пока в сауне погрееюсь. Задубел на озере, и хоть бы одна поклевка! — пожаловался Поддубнов, ласково похлопывая себя по могучим грудям, покрытым медной шерстью. — Бери моторку, бери Керимыча и ставь сетку. Встречаемся в бане. Вопросы есть? Вопросов нет.

К бане вела дорожка, вымощенная булыжником. В эти дождливые дни над черепичной крышей бани постоянно стелился дымок из широкой трубы — приходилось подтапливать печку, просушивать и проветривать. Потому что главная задача банного гарнизона оставалась неизменной, как и задача всех остальных гарнизонов, от дачных до ракетных, — *поддерживать постоянную боеготовность*.

Вадим Гранцов с легкой завистью проводил взглядом Поддубнова, который беззаботно шагал себе голым под дождем, цокая по булыжникам деревянными самодельными босоножками. Вот сейчас мичман войдет в полутемное пространство, насыщенное густым запахом теплых досок и веников, ромашки и хвои. И будет ему хорошо. А ты тут сетку ставь под дождем.

Он переключил телефон на автоматический прием факсов. Так поступал каждый дежурный, отлучаясь по служебной либо внеслужебной надобности. В старые времена приходилось оставлять трубку снятой, однако современный способ гораздо удобнее. Нажал на кнопочку — и ни один гад не докажет, что тебя не было на месте. Спасибо тебе, страна Япония, спасибо, Панасоник-сан.

Гранцов спустился к причальной стенке, чтобы приготовить лодку.

— Еще один рыбак нашелся, — сказал Доктор Керимов своей собаке, наблюдая из-под

вертолета, как Гранцов заливает бензин и укладывает сетку. — Слушай, честное слово, не дают спокойно работать!

Когда же Гранцов уже хотел запустить движки, Доктор Керимов забрался к нему в лодку и предложил:

— Спорим? Ничего не поймашь. Спорим?

— Чего спорить? И так понятно, — махнул рукой Гранцов.

— Есть другой вариант, — Керимов оглянулся и продолжал, понизив голос. — Сетку можешь не брать. Я одно место знаю, рыба сама в лодку прыгает.

— Заглянем и в твое место, — согласился Гранцов. — Но сначала мы все-таки выполним приказ вышестоящего начальника.

Керимов скептически ухмыльнулся и оттолкнулся веслом от бревенчатого причала. Движки слаженно чихнули, взбили желтую пену, и моторка поскакала по мелкой ряби. Гранцов вел ее вдоль берега, высматривая ориентир для поворота, старую караульную вышку.

— Слушай, Димыч, а форель вкусная рыба?

— Как пригото́вишь.

— Лучше, чем осетрина?

— Не знаю. А что?

— Ничего. Просто интересуюсь.

— В озере нет форели. И осетрины тоже, — заметил Гранцов. — Да, похоже, и вообще никакой рыбы нет, если даже Макарыч пришел пустым. День сегодня такой. Пустой день.

— Для настоящего профессионала, — важно сказал Доктор Керимов, — не бывает пустых дней.

Гранцов с усмешкой покачал головой, но промолчал. Сам он себя крутым рыбаком не считал, потому что занимался на Базе, в основном, охотой. Если бы Керимов заикнулся о рябчике, кабане или лосе, Вадим знал бы, что ему ответить. Рыбу же поставлял к столу Поддубнов, и поставлял исправно, пока ему не изменяло рыбацкое счастье. Впрочем, защищать его репутацию от нападков Керимова Гранцов не собирался, потому что понимал — попутчик просто подбивал его к дискуссии, чтобы скоротать время.

Они все-таки поставили сетку, после чего Керимов скомандовал:

— А теперь давай на тот берег. В деревню.

Вадим Гранцов посмотрел на него с уважением. Мало кто знал, что на другом берегу озера пряталась за скалами заброшенная деревня. Ее не было видно с Базы, к ней не вели никакие дороги, и даже на карте она обозначалась только как одиночное строение.

— В деревню? — переспросил Гранцов. — Час туда-обратно. А что мы скажем БМП?

— Э, — всплеснул пальцами у виска Керимов. — Ничего не скажем. Скажем только: «Забирай свою несчастную рыбу и кушай сам, все равно никаких гостей не будет».

— Я думал, что в деревне никого не осталось, — Гранцов развернул моторку и выбрал ориентиром светлую полоску песчаного обрыва на другом берегу. — Но даже если и живут там несколько старушек, откуда у них рыба?

— Слушай, какие старушки? Тебе рыба нужна или старушки?

— Одно другому не мешает.

— Особенно, если старушка лет тридцати, да?

Керимов громко расхохотался, придерживая одной рукой кепку, а вторую подставив ладонью кверху под шлепок гранцовской ладони.

— Эх, Димыч, жалко, что мы раньше не встретились. Я бы тебя с такими девочками познакомил... Какие у меня студентки были! Бриджит Бардо, честное слово! Сыграли бы свадьбу сначала по нашему закону, потом по русскому, весь Баку сидел бы за твоим столом...

— А что, сейчас мне уже поздно играть свадьбу?

— Свадьбу играть никогда не поздно, — помрачнев, ответил Керимов. — Только бакинцев за нашим столом уже не будет. Настоящих бакинцев больше нет.

Он прорычал что-то на родном языке и начал загибать пальцы, ругаясь:

— Этого Горбачева! Этот Народный Фронт! Этих дашнаков! Как мы жили, как мы жили! Какой был Баку!

Доктор Исмаил оглы Керимов родился в карабахской деревне в семье простого председателя колхоза. Было у Доктора несколько сестер и три брата: Тельман, Союз и Местком. Тельман был старшим братом, поэтому стал агрономом и должен был — лет через сорок-пятьдесят — сменить отца на председательском посту. Союзу и Месткому выпало продавать помидоры — понятно, за прилавком они не стояли. А Доктора по разнарядке зачислили в московский вуз.

Доктор не оправдал надежд, навязанных ему вместе с именем. Он не стал ни врачом, ни большим ученым. Не пошел ни по юридической, ни по партийной части. Да еще и женился на русской. Правда, жена была бакинкой в пятом поколении, и это отчасти смягчало нетрадиционность его выбора. Но только отчасти. Потому что сыну председателя полагалось жениться на дочке секретаря райкома, не меньше.

Тем не менее, родня и земляки могли им гордиться. Он стал первым выходцем из района, защитившим кандидатскую диссертацию. Кроме того, на весь район он был единственный мужчина, способный выговорить: «автоматизированные системы управления». Но, конечно, больше всего земляки гордились тем, что Доктор работал в большом Бакинском институте и жил в большой Бакинской квартире (хоть и у жены). Это означало, что у любого мальчишки из этого района теперь есть свой человек в Баку, есть свой уголок в центре города, и есть своя узенькая калитка в неприступной крепости высшего образования.

Но недолго радовались земляки, недолго и сам Доктор наслаждался чистой наукой. Началась война за Карабах... Когда оставаться на родине стало опасно, он собрал все свои регалии, прикупив еще дипломы медвуза и юрфака, и отправился в Ленинград. Доктор принципиально не хотел пользоваться помощью диаспоры (тогда, в 90-м, еще малозаметной), и обивал пороги фирм и кооперативов, хоть как-то связанных с компьютерами. Он методично ходил на собеседования и конкурсы, пока однажды не встретил особо продвинутого менеджера по персоналу.

Холеный белокожий очкарик, перелистав резюме, долго пытал Доктора по-русски и по-английски, по Паскалю и Лексикону, по Фигурнову и черту в ступе, и, наконец, сказал: «О кей. А теперь назовите четыре причины, по которым я должен принять именно вас». Доктор Керимов привстал, набрал воздуха и попытался мысленно сосчитать до двадцати. Но уже на счете «пять» он вдруг обнаружил, что стоит над опрокинутым столом, и, загибая пальцы, перечисляет родственников кадровика, и не только перечисляет, а еще и сообщает их параметры и произведенные над ними операции, причем операции эти проводил якобы лично сам Керимов.

Очнулся он почему-то в бане, где рыжий бородатый гигант посоветовал ему сменить профессию. «Я больше ничего не умею», признался Доктор. «Научим», пообещал Поддубнов...

Когда моторка накатилась на песчаный берег, Доктор Керимов сказал:

— Ты посиди, я на разведку схожу.

— Десять минут тебе хватит?

— Слушай, откуда я знаю? Ты куда спешишь? Сетку проверить? Я тебе и так могу сказать: она пустая.

— Да никуда я не спешу, просто хотел засечь контрольное время. Привычка такая, — сказал Вадим Гранцов.

Кроме контрольного времени ему хотелось еще условиться о связи и сигналах, а также проверить снаряжение, но он сдержался. Поглубже втянувшись в плащ-палатку, Вадим Гранцов застыл под ивой. Он попытался представить себя мокрым валуном на берегу, но тут же передумал, увидев прямо над собой чайку. Та ведь могла и поверить, что он не человек, а валун. Да и украсить его несмываемым «автографом».

Он набрал пригоршню гальки и принялся кидать камешки в воду. После первого броска на воде, рябой от дождя, расплылся круг, и Вадим старался, чтобы все следующие попадания приходились в центр этого расходящегося круга. При этом он бросал камешки прямой рукой из-за спины, по дуге, словно гранату или нож из положения лежа. Гранцов любил упражняться в прицельных метаниях, когда его никто не видел, и когда надо было чем-то занять время.

Прошло семнадцать минут. На восемнадцатой за кустами послышались тяжелые шаги и сопение, на двадцать первой минуте Доктор Керимов появился на берегу с пластиковым ящиком. В ящике были плотно уложены крупные пятнистые рыбины с радужным отливом. На двадцать второй минуте Гранцов смог закрыть рот и сформулировать свои чувства:

— Да это же форель!

— Форель-морель, слушай, какая разница! Мешок давай, — скомандовал Керимов.

На обратном пути они сматывали пустую сетку, освободив пару неизбежных окуней.

Поддубнов критически осмотрел добычу и вынес вердикт:

— Да, товарищи, с экологией у нас хреново. Щука не клюет, а форель набивается в сетку. Делать нечего. Жарить с грибами. Из мелочи сварим ущицу погуще. Что останется — засолим.

Уже сидя на полке в бане, уже отогревшись и пропотев, Гранцов спросил Доктора Керимова о происхождении этой форели. Но тот только усмехнулся и попросил добавить пару.

Вадим добавил пару и взялся за веники. Он стоял спиной к каменке и хлестал себя крест-накрест, закрыв глаза от удовольствия.

— Натуральный шахсей-вахсей, — насмешливо заметил с верхнего полка Керимов. — По-русски, самобичевание.

— Видел я ваш басурманский шахсей-вахсей. — Отдуваясь, Гранцов опустил веники обратно в дубовую кадушку. — Совсем не то же самое. Дервиши лупят себя цепями в полный контакт. А веник — орудие бесконтактное. Он не должен касаться кожи. Он только пар гонит. Ну и чуть-чуть кончиками листьев цепляет. Давай слезай, обработаю.

— Я сам, сам. — Керимыч, сползая вниз, изобразил робкое сопротивление, но тут же был придавлен к доскам.

— Сам? Сам будешь, когда научишься, — заявил Гранцов и хлестнул его по пяткам.

— Вай! Ты же говорил, без контакта будет!

— Все тебе будет! И с контактом, и без контакта!

— Вай-вай!

— Говори, откуда рыба!

Керимыч простонал:

— Из воды! Вай, мама!

Подержав веники над камнями, Вадим приложил их к лохматым лопаткам Керимыча, а потом, потряхивая, провел вдоль боков. Допрос можно было не продолжать. Он уже и сам вспомнил тот участок карты, где была отмечена старая деревня. Речушка, вбирая в себя ручейки из окрестных болот, изгибалась петлей между скалами. Но прежде чем добежать до озера, она разливалась двумя широкими запрудами. На карте там имелась пометка — «разрушенная плотина». Так что обитатели старой деревни вполне могли восстановить плотину и разводить форель в проточных прудах. Осталось выяснить, какое отношение к этим обитателям-рыбоводам имеет Керимыч. Но тот так ни в чем и не сознался.

Согретые и умиротворенные, перебежали они в дежурку, где Поддубнов разливал свежий чай. Гранцов заметил на столе лишнюю чашку, уже опорожненную.

— Пока вы прохлаждались, Железняк заезжал, — сказал Поддубнов. — Заправился.

Участковый Железняк предпочитал заправлять свой внедорожник на Базе. Его «ниссан» воротил нос от любой другой солярки, потому что только из армейской цистерны можно было набрать идеально отстоявшееся топливо.

— Он думает, у нас тут солярка из земли течет. Слушай, а где он заправлялся, пока мы

его к нам не пустили? — спросил Доктор Керимов.

— Ты же знаешь, менты просто так не приезжают. Интересовался, может, мы подозрительное что-нибудь слышали. Опять на трассе беспокойно. Фура с макаронами пропала. Хорошо еще, шофера не убили, просто высадили. Он — к ментам. У тех — план «Перехват». Результатов — ноль.

Вадим Гранцов третий раз долил кипятка в заварной чайник, (отчего Керимов третий раз поморщился), и нацедил себе в чашку соломенно-желтого чая третьей свежести.

— Нет, — сказал он, — лично я ничего не слышал. А давно это было?

— Я не спросил, — сказал Поддубнов. — Нам своих забот хватает. Да он особо и не приставал. Его больше наши гости интересовали. Но как узнал про СПИД, сразу отстал. Чай не допил, завел свою лохматку и погнал.

— Э, между прочим, а где они, твои гости? — сказал Доктор Керимов. — На что спорим, не приедут сегодня!

— А я говорю приедут, — заученно ответил Поддубнов, и Вадим Гранцов встал из-за стола, чтобы избежать роли арбитра.

Он закрылся в комнатке дежурного по станции и потянулся к компьютеру.

И тут он увидел, что из факса торчит бумажка.

«Страстно желаю увидаться. Вопрос жизни и смерти. Живу в офисе. На звонки не отвечаю, свяжись по факсу.

Д-в.»

Гранцов написал на обороте «Жди в понедельник», заправил бумажку и набрал номер.

Таким способом он поддерживал связь с братом, который остался на Большой Земле. Даже брату он не мог раскрыть секрет своего местонахождения, потому что при приеме на работу требовалось дать подписку о неразглашении. База все-таки оставалась секретным объектом, по крайней мере, для особистов.

Вольнонаемные, однако, имели право подрабатывать на стороне. Вадим Гранцов числился охранником в жилконторе, раз в трое суток ему приходилось ночевать в приемной, охраняя пару древних компьютеров и отвечая на идиотские звонки. Чаще всего на боевом посту его подменяли другие охранники, потому что в последнее время у Гранцова было слишком много дел в лесу.

Кроме Гранцова и Керимова, на базе подрабатывали банщиками еще двое гражданских. Они приезжали по четвергам, помогая обслуживать гостей в самое горячее время, и уезжали в воскресенье. Мужики они были надежные, но в прошлый четверг почему-то оба не появились. Хорошо еще, что гостей не было. Тем не менее, Поддубнов намеревался провести с мужиками воспитательную работу, как только они появятся. (Для воспитательных целей на базе имелся дровяной сарай с запасом дубовых поленьев, которые и предлагалось колоть воспитуемым.)

Вадим Гранцов не успел включить компьютер, как в дежурку зашел Поддубнов.

— Я тут в город звонил. Ни хрена не понял. Пропали наши банщики. Один вообще не отвечает, у второго какая-то баба все время трубку поднимает, — сказал он. — Надо, думаю, в город ехать. Если мужики оба ушли в запой, найдешь им замену. Если уже вышли из запоя, скрутишь и привезешь сюда, до субботы очухаются. А в субботу у нас тут будет целая толпа народу. Втроем просто не справимся.

— То есть ехать придется мне, — уточнил Гранцов.

— Есть другие кандидатуры?

— Вроде у тебя завтра тренировка? Мог бы, в принципе, по дороге заглянуть, разобраться.

— Завтра поздно будет, — сказал Поддубнов. — Так что поедешь ты. Но учти. В субботу утром ты мне нужен в бане. Ты и еще двое.

— Ладно, — сказал Гранцов. — Тогда еду прямо сейчас, на шестичасовой электричке. Кстати, успею в контору, там и переночую, отработаю должок перед сменщиками.

— Никаких электричек. Возьмешь генеральский «уазик», — сказал Поддубнов. — На обратном пути не забудь газет с кроссвордами. И хлеба хорошего купи в центре.

— Все понятно, — сказал Гранцов. — Только имейте в виду, товарищ старшина: у меня ни копейки денег. Во-вторых, штаны. Кончились штаны. Доехать-то я доеду, но из машины выйти не смогу.

— Я ж тебе выдавал комплект совсем недавно!

— Выдавал, — согласился Гранцов. — Ровно год назад.

Старшина скрипнул зубами и достал ключи от вещевого склада. Через полчаса Гранцов стоял перед зеркалом в новеньком камуфляже, придиричливо одергивая куртку и подтягивая брюки.

— Вылитый полевой командир, — заметил Поддубнов. — Моджахед. И в кого ты такой черный у нас? Надо бы тебя перекистью водорода побелить, что ли.

— Перекистью? Аллах с тобою, Борис ибн Макарыч, — Гранцов пригладил черные, с проседью на висках, волосы. — Лучше пусть меня принимают за моджахеда, чем за голубого.

Он и вправду был похож скорее на араба или турка, чем на коренного русака. От матери-волжанки, поповской дочки, он унаследовал только широкие скулы и скрытую богобоязненность. Все остальное досталось ему от отца, донского казака — карие глаза, орлиный нос и вредный характер. В училище ему поначалу пришлось изрядно вытерпеть от сержанта-хохла, который не переваривал «черножопых», особенно с русскими фамилиями. Зато все голубоглазые и статные однокашники Гранцова остались служить в Союзе, и многие отправились на Дальний Восток, а он, чернявый — на Ближний.

— Если застрянешь на ночь, позвони, — предупредил Поддубнов. — И без банщиков не возвращайся. Живые или мертвые, они нам нужны в субботу. Вопросы есть? Вопросов нет.

Заодно со склада были прихвачены традиционные сувениры, которые принято было дарить городским обитателям: тушенка из солдатского пайка и коньяк из офицерского.

Из автопарка базы на ходу оставались три машины — «Урал», «уазик» и «ситроен». На «Урале» Гранцов обычно доезжал до станции, а там пересаживался на электричку. На «ситроене», который остался от иностранных владельцев, ездил сам Поддубнов. Садясь за руль, он не забывал процитировать Наставление по индивидуальной гимнастике для командиров РККА: «Работающий орган развивается, лишенный работы — хиреет», и отправлялся к одной из своих подружек.

«Уазик» же выпускали из гаража только в особых случаях — например, когда возили на охоту очень дорогих гостей. Это была безотказная и крепкая машина, но ужасно прожорливая. По крайней мере, так считал Поддубнов, с тяжелым вздохом выдавая Гранцову еще и две полные канистры.

Выехав с грунтовой дороги на шоссе, Вадим Гранцов остановился на мгновение, зажмурился и покрутил головой. Так он делал всегда, отгоняя опасное ощущение животного счастья. Что ж, чем не счастье — сыт и свободен, в чистой одежде, на исправной машине, и всего через час езды по хорошей дороге он будет в Питере!

Глава 2. Начало черной полосы

Гаишники обычно не придираются к военным машинам, но Гранцов все равно ехал очень аккуратно. Привычка к безупречной езде выработалась в нем сразу же, как только он сел за руль своих первых «Жигулей». Перед этим он целый год в Ливии крутил баранку то БРДМ, то тяжелого джипа, зарабатывая на собственную машину. Щеголеватая «пятерка» показалась ему утлой байдаркой, в которую пришлось спуститься с крейсера. Чтобы уцелеть на ней в городе, без оружия, без брони, без группы прикрытия, пришлось научиться ездить осторожно. И Вадим приучил себя не нарушать правил, даже когда этого никто бы и не заметил.

Нелегко было выработать столь ценную привычку, особенно если отцы-командиры столько лет приучали тебя четко отделять правила, уставы и законы от реальной жизни. Желтый свет запрещает движение? Но ехать-то надо! Подслушивать некрасиво? Но зато так интересно! И даже в тексте присяги, который хранился в ротной канцелярии, рукой одного из гранцовских командиров были внесены изменения после слов «торжественно клянусь быть честным, храбрым...». Честности и храбрости было маловато, чтобы служить в отдельном разведбате. Требовалось быть не «дисциплинированным и бдительным», а «дерзким, стойким и решительным». А еще ниже имелась приписка карандашом: «Главная черта разведчика — незаметная наглость».

В разведчиках Гранцов прослужил шестнадцать лет, не считая заграникомандировок, когда его называли советником или инструктором. Он и подсоветных своих, меньших братьев по оружию, учил тому же — «Для разведчика нет дорог, нет заборов, нет законов». Эти формулы придумал, конечно, не он. У Гранцова были хорошие наставники, и они учили его воевать. В мирной жизни их наука была бесполезна.

Вадим Гранцов не выслужил себе ни высоких званий, ни наград. Он дотянул до майора, да и с майорской звездой чуть не расстался. В буквальном смысле. То есть с похмелья пытался у пивного ларька возле бани поменять свою офицерскую рубашку с погонами на кружку пива.

В тот раз ему опять повезло. Рубашку он не продал, но встретил знакомую фигуру — мичман Поддубнов обладал запоминающейся внешностью. Борис Макарович только что вышел из бани, и, распаренный, он казался еще больше, чем был. «Товарищ капитан, откуда у вас майорская рубашка? Неужто трофей?» — пробасил этот гигант, и пропащий алкоголик Гранцов сразу вспомнил, что когда-то был капитаном, и очень боевым капитаном, а этот несокрушимый мичман гонял его по лучшей в Союзе «тропе разведчика» в учебном отряде при Старо-Крымской бригаде. Они выпили по кружечке, обсудили международное положение, и в свою коммуналку Гранцов уже не вернулся. Так майор спецназа превратился в рядового банщика.

Гранцов сбросил скорость до положенных шестидесяти, как только въехал в город, и позвонил из первого же автомата.

— Никого дома нету, — ответил ему незнакомый голос.

— А с кем я говорю?

— Соседка я, стол накрываю. А хозяев нету. На кладбище поехали, скоро уже будут.

— Понятно, — сказал Гранцов. — А что случилось?

— Как что? Помер болезный, лежал-лежал в реанимации, и все ж таки помер.

— Так, понятно, — сказал Гранцов, хотя ему и трудно было понять, с чего бы это здоровый мужик, с которым он еще недавно сам парился в бане, вдруг оказался в реанимации, а потом и на кладбище.

Зато стало понятно, почему банщик не приехал в прошлый раз. И еще стало понятно, что он уже никогда не приедет.

«Опять Поддубнову решать кадровый вопрос», думал Гранцов, продолжая угрюмо слушать соседку.

— ... Ножиком ударили, все забрали, а потом обоих с электрички на ходу выкинули, прямо под колеса. Второго-то даже до больницы не довезли. А вы с работы? Ваши уже подошли, собираются, но за стол не сиделись...

«Надо же семье как-то помочь, — подумал Гранцов. — Вот жизнь! Самолеты падают, пароходы тонут, даже на электричке можно не доехать...» Он набрал номер другого банщика, но там никто не отвечал. Видно, он тоже участвовал в похоронах своего товарища.

Порывшись в блокноте, Вадим нашел нужный адрес и поехал на поминки. Были бы деньги — он отдал бы их семье покойного. Но денег у него не было, и он мог помочь только банкой тушенки и бутылкой коньяка.

В этой семье никто не знал Гранцова. Он собирался представиться как товарищ по работе, и сейчас его немного смущал новенький камуфляж. Ему почудилось, что он

выглядит прапорщиком с вещевого склада. Да ладно, махнул он рукой. Сейчас каждый пятый ходит в военном. Кто охранником работает, а кто по дешевке у того же прапора купил удобную и немаркую одежду.

На лестничной площадке курили пьяные мужики. Гранцов покурил с ними, не заходя в квартиру, откуда доносились приглушенные женские голоса и звяканье посуды. Мужики обсуждали проблему роста преступности. И то, что услышал от них Гранцов, заставило его резко изменить свои планы.

Он кинулся к ближайшему телефону, чтобы срочно сообщить Поддубнову — оба наших банщика убиты.

Но телефон Базы отвечал сигналом автоматического приема факса.

«Все равно, уже ничего не исправишь. В конце концов, раз уж я приехал, придется отдежурить. А наутро быстренько вернусь, и пусть тогда Поддубнов займется этим делом», — решил Гранцов.

Если бы он не был за рулем, то не удержался бы — страшно захотелось напиться. Заглотить стакан водки и с размаху грохнуть его о землю. А как еще может реагировать человек, узнав о смерти сразу двоих своих товарищей? Пусть не самых близких, но товарищей. Вместе одно дело делали, как-никак. Вместе кололи дрова, толкали застрявший грузовик, сменяли друг друга на вахте — и ведь всегда вовремя. И вдруг напороться на каких-то подонков с ножами!

По рассказам соседей, банщики на ночной электричке ехали на работу. Один из них вышел покурить в тамбур и долго не возвращался. Какой-то парень, проходя по вагону, спросил у второго банщика — это, мол, не вашему другу там плохо стало? Он заторопился в тамбур, и тоже не вернулся. А когда подъехали к станции, и народ пошел к выходу, они оба там лежали, истекая кровью. Один был еще жив, но без сознания. Убийцы забрали с собой только деньги — пустые бумажники валялись там же, на полу тамбура, в луже крови.

«Надо бы помянуть мужиков, вот и коньяк пригодится. Тяжелая будет ночь», — подумал Гранцов.

Он подъехал к зданию жилконторы за десять минут до начала дежурства. Поставил «уазик» за углом, в тени старого тополя, и прихватил с собой сумку с коньком. Гранцов уже предвкушал долгую ночную тризну, но у входа в контору его остановил милиционер.

— Закрыто, гражданин, все закрыто, — сказал он.

— Да я на работу, — сказал Гранцов. — На дежурство заступаю.

— Вы тут работаете? — милиционер окинул взглядом камуфляж, пожал плечами и отступил, пропуская Вадима внутрь.

В вестибюле сидел, обмахиваясь газетой, второй милиционер. «Наверх, вверх, к приемной», — пробормотал он. Поднявшись на второй этаж, Гранцов увидел секретаршу и обеих уборщиц. Женщины подавленно перешептывались. Он не ожидал застать здесь столько народу в выходной день, да еще вечером, да еще в компании двух милиционеров.

— Ты же ничего не знаешь, — сказала секретарша. — Тут у нас такое случилось... Ночью залезли в контору, охранника пырнули ножом, утащили компьютеры и документы. Нас весь день допрашивают, так что готовься.

— Что значит «готовься»? — тупо спросил Гранцов.

— Его утром уборщица нашла, — сказала секретарша. — Крови почти не было нигде. Говорят, увезли на «скорой». Вадим, все очень плохо. Следовательно все время спрашивает, как тебя найти, а я не знаю, что ему сказать. Они нас всех подозревают. Только бы он жив остался, только бы не умер.

Дверь приемной распахнулась, и оттуда выглянул худой высокий человек в штатском.

— Гранцов явился? — спросил он. — Как только появится, не отпускайте его, пожалуйста. Или как только выяснится, где он на самом деле проживает, сразу сообщите, мы в адрес товарищей пошлем. Так, теперь прошу зайти вас, девушка.

Вадим Гранцов присел на освободившийся стул, положив сумку на колени. «Вот теперь-то я точно напьюсь», — решил он, барабанил пальцами по выступающей округлости

бутылки. «Как только выберусь отсюда, так сразу и напьюсь. Ну и денек выдался».

Секретарша вышла неожиданно быстро и сказала, глядя в сторону:

— Вадим, тебя вызывают.

Гранцов перекинул сумку через плечо и вошел в приемную. Там слоями висел табачный дым, и было очень душно, несмотря на распахнутое окно. Кроме высокого в штатском, в комнате было еще трое, и все они замолчали, разглядывая его.

— Гранцов? Вадим Андреевич?

— Так точно. А вы кто?

Они переглянулись, и сидевший за столом невнятно представился:

— Мы группа Петренко. Петренко — это я.

Он выглядел старше остальных, и Гранцов мысленно обозначил его «пожилым».

— А теперь вы, пожалуйста, покажите документы.

— Да не взял я документы, — с улыбкой сказал Гранцов, похлопав себя по карманам, где лежали его права и паспорт. — Сегодня новую робу надел, а паспорт остался в старой. Вот такая вот незадача.

— Напрасно, напрасно, — сказал толстый, в очках.

— Да я вам могу наизусть сказать все свои данные. Сказать?

— Ваши данные нам и так известны. Нам важно убедиться, что вы — это вы. Вы уже в курсе? Знаете, по какому поводу вас вызвали?

— Никто меня не вызывал, — сказал Гранцов. — Я на дежурство приехал.

— Сегодня ваша очередь? — спросил тот, который сидел на подоконнике. — В журнале ваша подпись стоит за вчерашнее число. И в графике написано, что вы дежурили одиннадцатого. А сегодня двенадцатое.

Вадим виновато развел руками:

— Ну что скрывать... Сами знаете, как это делается.

— Не знаем, поясните, — сказал толстый в очках.

— Ну, график у нас приблизительный, в жизни всякое бывает, иногда кто-то меня подменит, потом я его. Да, моя очередь была вчера, но я был занят, а сегодня я свободен, вот и приехал.

— Значит, это не ваша подпись?

— Считается, что моя.

— Ничего себе порядочки, — сказал толстый. — Да в три шеи гнать таких охранников надо.

— Да, ребята, вы хорошо устроились, — сказал худой.

— Кстати, а чем вы были заняты вчера, когда не смогли выйти на дежурство? Вы же понимаете, если у вас нет оправдательного документа, то это получается прогул. А если прогул, то вас автоматически увольняют, просто обязаны уволить. Вы же материальные ценности поставлены охранять, вы же...

Он говорил что-то еще, но Гранцов уже не слушал его, хотя и кивал согласно. Дверь в соседнюю комнату, где обычно ночевали охранники, была приоткрыта. И там на темном паркетном полу Гранцов заметил белые линии мела — он видел только часть рисунка, но ясно было, что это силуэт лежащего человека.

«Раненых мелом не обводят», — подумал он и мысленно перекрестился.

— Так что вы можете сказать по существу? — спросил тот, который сидел на подоконнике у открытого окна.

— По какому существу?

Толстый раздраженно хлопнул ладонью по столу:

— Отвечайте на вопросы, берегите свое время.

— Так разве я против? Спрашивайте, я все скажу! — Вадим Гранцов даже вытянулся, всем своим видом изображая готовность отвечать.

Сидевший на подоконнике спросил:

— Мы тут голову ломаем, кому нужны старые компьютеры? Может, их украли из-за

начинки? Какие-нибудь базы данных там хранились интересные?

— Не знаю.

— Знаете, знаете. Вы же целыми ночами сидели за компьютером. Даже утром, когда уже уборщицы приходили.

— Ну, сидел. В игрушки играл. В тетрис. Затягивает это дело, прямо как наркотик, — Гранцов снова постарался улыбнуться. — Да мы все играли, все сторожа. А чтобы базы данных найти, надо пароль знать. Здесь тоже не дураки работают.

— Между прочим, там же паспортные данные целого района, — задумчиво проговорил толстый. — Вся жилплощадь, все пустые квартиры. Ценный материал. Тут вооруженного часового ставить надо было, а не пьяного сторожа. Так почему вас не было на работе, Вадим Андреевич? Как вы допустили прогул?

— Я могу дать вам номер телефона, — обиженно сказал Гранцов. — Позвоните, и вам все расскажут. Где я был, что делал. Прогула никакого не было. Вот он я, на рабочем месте.

— Хватит крутить, — снова заговорил, наконец, пожилой, с землистым лицом, Петренко. — Это ошибочная тактика. Вместо того, чтобы помочь следствию, вы начинаете выкручиваться и оказывать на нас давление. Мы и сами знаем, куда нам звонить. И мы уже позвонили. Кстати, а почему вы не проживаете в своем адресе?

— Это неудобно, — сказал Гранцов.

— Это очень неудобно, — согласился пожилой. — Теперь нам придется задержать вас, а так могли бы отделаться подпиской о невыезде. И документов у вас никаких. По крайней мере, до выяснения личности придется все-таки задержать. А что делать? Сейчас придет машина, и вас отвезут в одно очень неуютное место, очень неудобное. Там очень тесно и душно, и вам придется ждать гораздо больше, чем мы вас сегодня ждали.

— А нельзя как-нибудь по-другому? — спросил Вадим дрогнувшим голосом. — Я же ни в чем не виноват, я же не знаю даже, что тут стряслось...

— У меня есть определенные сомнения в вашей искренности, — сказал пожилой.

Когда Петренко говорил, остальные трое просто замирали, они не могли даже шелохнуться. Как только он делал паузу, они шевелились, чесались, подносили сигарету к губам, — но стоило снова ему открыть рот, как они снова застывали.

Гранцов повернулся к нему и сказал, мучительно заикаясь и облизывая губы:

— Ра... Ра... Разве я что-то скрываю? Разве я прячусь? Разве я в чем-то виноват?

— А вот это и покажет следствие. Невиновен — отпустим. У нас зря не сажают.

— Это мы знаем, — не удержался Вадим.

— Вот вы говорите, что ничего не скрываете. А где вы были вчера во время убийства?

— Так все-таки его убили? — Гранцов опустил голову. — Я еще надеялся, что он выживет. Значит, убили...

— Вот видите? — Пожилой опер обличительно нацелил на него палец. — Вы снова увильваете от прямого ответа на прямой вопрос.

— Да не увильваю я. Зачем мне увильвать? И зачем мне убивать своего товарища, об этом вы подумали? — равнодушно ответил Гранцов, обдумывая, как бы поскорее избавиться от докучливых собеседников.

Они от него не отстанут, это ясно. Могут и в самом деле задержать. И кто тогда будет работать в бане?

— Мотивы могут быть самые разные, — вмешался в разговор толстый. — С целью хищения оргтехники. Из хулиганских побуждений. В конце концов, на почве неприязненных взаимоотношений.

— На почве, говорите? — Гранцов усмехнулся, но тут же согнал с лица улыбку и заговорил жалобным голосом: — Так, значит, никак нельзя по-другому? Запишите хоть номер телефона, я серьезно говорю, или дайте мне позвонить.

Он повернулся к тому, который сидел на подоконнике.

— Ну, запишите номер, что вам, трудно?

Как раз в этот момент затрещал телефон. Худой поднял трубку, но Гранцов не стал

слушать, ему было уже все равно, что они скажут.

Он взял из стаканчика на столе карандаш, дрожащими руками написал пару цифр на бумажке, но карандаш выпал, скатился на пол. Вадим перекинул сумку за спину и наклонился за карандашом.

У него еще мелькнула шальная мысль — подобрать карандаш и воткнуть в глаз тому, кто сидит на подоконнике. Но он тут же одернул себя — нельзя калечить своих. Особенно, если у них есть твои установочные данные.

Карандаш, телефонный шнур, ножницы — в его распоряжении был целый арсенал. Но Вадим Гранцов решил обойтись без крови.

Обеими руками он схватил за щиколотки того, кто сидел на подоконнике, и рывком стянул его на пол. Наступил ему на плечо и выпрыгнул в окно.

Как раз под окном находился козырек парадной. Сколько раз, стоя у открытого окна, Гранцов ронял окурки на крашеное железо — и теперь сам скользнул по нему и соскочил на асфальт.

Как он и рассчитывал, «люди в черном» замешкались с погоней. Они ничего не делали без команды начальника, а начальник никогда не попадал в такую ситуацию. Гранцов забежал за угол, забрался в «уазик», завелся и тронулся, а они еще даже не выбежали на улицу.

И только отъехав на безопасное расстояние, приткнув свой «уазик» среди других на стоянке у Генерального штаба, Гранцов понял, что никакой погони не будет. У них другие методы. Они рассчитывают достать его без погонь и перестрелок.

И совершенно напрасно.

Он достал из сумки спортивный костюм, в котором обычно ночевал на дежурстве, и переоделся в машине. Вытянул из бардачка смятую кепку с длинным козырьком, кое-как разгладил и натянул на голову. Можно было бы и не изменять внешность, но ему не хотелось искушать судьбу. А вдруг они его все-таки начали искать? Зачем же облегчать работу противнику?

Вадим Гранцов прошел на Дворцовую набережную и, спустившись к самой воде, устроился на гранитных ступенях. Сверкала вода, гремели репродукторы на прогулочных теплоходах, болтались на волне пустые бутылки. Он откупорил коньяк и отпил из горлышка. Пора было обработать накопленную информацию.

Итак. Что мы имеем? Имеем потери.

Двое погибли неделю назад в ночной электричке. Нелепая, непонятная смерть. Спокойные трезвые мужики, скромно одетые, чего с них взять? Какие подонки могли позариться на их сумки с веничками и сменой чистого белья? Может быть, ввязались в пьяную драку, или пытались разнять, или кого-то защищали? Никогда теперь этого не узнать... Ну да ладно, хорошие вы были мужики, жалко расставаться.

Он поднял бутылку, отставив локоть, и отпил глоток. Коньяк казался ему слишком слабым.

Так, пошли дальше. Если б вчера ночью он не остался на Базе... Ну, еще неизвестно, что было бы. Еще неизвестно, кому пришлось бы лежать на полу, и кого обводили бы мелом.

Кому нужны старые компьютеры? Что с ними делать? На запчасти разобрать? Бред какой-то. Или и в самом деле — ради баз данных? Так эти сведения проще было бы купить. И обойтись без криминала. И без крови. Бред, дикий бред. Даже когда оптовые склады грабят на сотни тысяч баксов, охранников не убивают. Если только они не делают лишних телодвижений...

Что еще? Ах да, побег главного подозреваемого. Как у них все гладко срасталось, и вдруг такой облом. Какой был отличный подозреваемый — с сомнительным прошлым и не менее сомнительным настоящим, ни кола, ни двора, такого только и сажать. Тем более — мотив налицо, нездоровое увлечение компьютерными играми. Что ж, придется объявлять розыск.

«Вот тебе и поиграл в тетрис», — сказал себе Гранцов. Он с удивлением обнаружил,

что бутылка уже наполовину пуста, и пришел к печальному выводу — при длительном хранении даже на армейском складе коньяк выдыхается, теряет убойную силу. Он встал и судорожно схватился за цепь, чтобы не свалиться в Неву. Ага, все-таки не совсем выдыхается...

Надо было поесть и подумать о ночлеге. Конечно, можно было просто открыть тушенку и переночевать в машине. Но слишком весело сверкала вода, и слишком мало выдохся коньяк — и Гранцов, почувствовав прилив сентиментальности, отправился навестить брата Гошу.

Получая паспорт, Гошка неожиданно для всех выбрал материнскую фамилию. Уже в шестнадцать лет он думал о своем журналистском будущем, и не прогадал. Звучная и запоминающаяся фамилия оказалась очень удобной, когда он стал работать в газете. Его коллеги прикрывались безликими подписями типа «Семенов» или вообще «Иванов», и только Гошка обходился без псевдонима.

Игорь Андреевич Добросклонов еще при социализме неустанно защищал преимущества системы свободного предпринимательства (в кухонных ночных посиделках, а не на газетных полосах). Он доказывал, что мир социализма не рухнет, если одесская клубника, привезенная стюардессой в Мурманск, будет продана там *чуть-чуть* дороже. То же самое с цветами, джинсами, книгами, нефтепродуктами, суперфосфатом и т. д. Неудивительно, что как только Добросклонов вышел из партии, он тут же включился в международное движение коммерческих посредников, используя старые связи с братскими редакциями.

Гранцов не слишком внимательно следил за гошкиной карьерой, замечая только видимые перемены. После «москвича» Добросклонов пересел на «девятку», потом на «рекورد», а в последнее время ездил на «вольво». Иногда при встрече он казался затравленным и растерянным, ругал «систему» и собирался уехать в Штаты. Это означало очередной спад в бизнесе или внеочередной «наезд» со стороны бандитов или государства. Но потом все как-то налаживалось, и он снова был насмешлив, циничен и уверен в себе. Обычно такие кризисы кончались продажей машины, а выход из пике сопровождался покупкой новой.

Добросклоновский офис занимал первый этаж рабочего общежития. Причем самому Гошке офис был не нужен — он просто сдавал его в аренду то одной, то другой фирме, каждый раз немного повышая цену. Чем занимались эти фирмы, откуда они появлялись и куда исчезали — не имело никакого значения для Добросклонова и уж тем более для коменданта этого общежития, которому Гошка платил регулярно, причем наличными.

На стоянке у офиса не было ни «вольво», ни даже «москвича». Гранцов нажал кнопку звонка.

— Сантехника вызывали?

— Вызывали, вызывали! — раздался голос Добросклонова из домофона. — Димка, ты один?

— Похоже на то.

— Заходи быстрее.

Гошка сидел перед компьютером. Преуспевающий предприниматель сегодня был небрит, взъерошен и мрачен.

— Есть будешь? — спросил он.

— Еще как!

Из кухни вышла миниатюрная женщина с подносом.

— Знакомьтесь, — сказал Добросклонов. — Это Вадим, это Регина. Это картошка.

— У меня есть тушенка, — вспомнил Гранцов. — И коньяка немного.

— О! Мясо! — воодушевился Гошка. — Регина, чего ты смеешься?

— Я не смеюсь. Просто получается какое-то офицерское гуляние. Не хватает только шпрот.

— Забыл тебя предупредить, Вадим. Регина Казимировна — жена офицера.

— Бывшая, — спокойно поправила она.
— А Вадим как раз бывший офицер, — сказал Добросклонов. — Ребята, выпьем за вас.
— Есть предложение, — сказал Гранцов. — Сначала обрисуем ситуацию, потом поставим задачи, потом выпьем, а потом я лягу спать. А если мы выпьем прямо сейчас, то я, соответственно, и засну у вас на глазах. Не отходя от кассы.

Регина и Добросклонов переглянулись.

— Только не драматизировать, — попросил Гранцов. — Я сегодня уже выполнил норму по стрессовым ситуациям.

— Ладно, — сказал Гошка. — Не будем драматизировать. Ситуация такая. Мы как бы заложники...

Глава 3. Заложник, брат заложника

Гранцов давно заметил, что жизнь не состоит из черных и белых полос, как это кажется недалеким оптимистам. Жизнь состоит из бомбежки и пауз. Главное — вовремя услышать свист самой первой бомбы, нырнуть в окоп и терпеливо выжидать.

Под настоящую бомбежку Гранцову попадать не доводилось. Что это такое, сполна узнала его мать — девчонкой, в Сталинграде — и, наверно, что-то там отложилось в ее генах, да и передалось по наследству.

Впрочем, случалось и Гранцову бывать под огнем. К тому же под огнем своих, а это еще хуже, чем под вражескими пулями. Свои бьют точнее.

«Да уж, свой не промахнется», — подумал Вадим, выслушав запутанную историю о том, как брат получил выгодный кредит, купил в рассрочку два грузовика с товаром и отправил их в Архангельск, да только по дороге все исчезло — и грузовики, и товар, и водители.

— Если я правильно понял, — сказал он, как только Добросклонов сделал паузу, — то меня сюда пригласили в качестве сменного заложника. То есть ты оставляешь тут самое дорогое, родного брата, а сам отправляешься искать деньги.

— Ты правильно понял. Новое время, новая мораль. Лично я не вижу тут ничего особенного. Кредиторы заперли меня в моем собственном офисе, а не в холодном подвале. И к тому же даже не заперли. Я могу спокойно искать деньги. Просто боюсь покинуть офис. А если здесь будешь сидеть ты, мне будет спокойнее, да и кредиторам тоже. А Регина составит тебе компанию.

— Сколько времени тебе нужно?

— Максимум три дня.

— А потом?

— Потом я отдаю им эти несчастные восемьдесят тысяч, и ты свободен.

— А если ты не вернешься? — спокойно спросил Гранцов. — Брат за брата отвечает?

— Я вернусь, — твердо ответил Добросклонов.

— Еще вопрос. С кем мы имеем дело? Это чеченцы?

— Ты что! Нет. Я с чеченцами не стал бы связываться. Нет, это приличная публика.

— Жаль. С приличной публикой все гораздо сложнее выходит.

Регина Казимировна сложила пустые тарелки и встала из-за канцелярского стола.

— Пора мыть посуду. Кому чай, кому кофе?

— Мы еще коньяк не допили, — сказал Добросклонов, разливая по пластиковым стаканчикам. — Давай, Дим, выпьем за то, чтоб я быстрее вернулся.

Шаги Регины затихли в длинном коридоре. Зашумела вода в трубах, звякнула вилка, упавшая в мойку.

— Почему ты до сих пор не нашел денег? — негромко спросил Вадим.

— Меня не выпускали. Им нужен залог. Регина не годится, она просто бухгалтер.

— А брат — годится?

— Да. Я все согласовал с ними. Брат их устраивает.

— У меня работа, — напомнил Вадим Гранцов. — Без меня люди не справятся. Я не могу все бросить и куковать тут у тебя три дня.

— Тогда мне конец, — пожал плечами Гошка.

— Погоди, погоди. Допустим, я останусь. А что будет, если за эти три дня со мной тут что-нибудь случится? Например, если меня в милицию загребут?

— Тебя? В милицию? За что?

— Да я только теоретически рассуждаю, — спохватился Гранцов. Конечно, сейчас неуместно рассказывать о своих проблемах с законом. — Нет, надо продумать все варианты. Кстати, грязная «пятерка» БМВ у поворота — это что, охрана? Тебя тут пасут?

— Пасут, — кивнул Гошка.

— Здесь есть запасной выход? — спросил Гранцов, оглядываясь.

— Где-то есть, но он заколочен.

— А как насчет окон?

— Брось, я не собираюсь убегать, — сказал Добросклонов. — Зачем ссориться с мальчиками в БМВ? Это опасно и бесполезно.

— Чем опасно? Убьют при попытке к бегству?

— Хотя бы.

— Это вряд ли, — сказал Вадим. — Им заплатили, чтобы стерегли, а не убивали. Убивают за отдельные деньги.

— Откуда я знаю, за что им заплатили? — Добросклонов пожал плечами.

— Ты просто смирился. Ты сдался, — сказал Гранцов.

— Я не крейсер «Варяг», я малый предприниматель, — сказал Гошка. — Я имею право сдаваться на милость победителя.

— С чего ты взял, что они победители? Они шарлатаны, пустое место. Ну что они тебе могут сделать? Вот если бы им в руки попала твоя дочь, к примеру. Но у тебя нет ни дочери, ни даже тещи. Ты же неуязвим. Нырни поглубже, спокойно разберись с деньгами, у тебя такие фантастические связи...

Бесшумно вошла Регина, держа на подносе кофейник и чашки.

— Дим, извини. Но у нас, у гражданских, немножко другие понятия.

— Это ты меня извини, — Гранцов примирительно улыбнулся. — Я просто устал сегодня. Зло берет на эту вашу «гражданскую» жизнь. В лесу жить легче.

Он принял из рук Регины чашку, в которой кофе был налит только на треть. Густой аромат черной маслянистой жидкости заставил его удивленно поднять брови. «Эта женщина кое-что умеет», — подумал он.

— Дочери и тещи у меня нет, зато есть очень ценный брат, — сказал Добросклонов, поднимая одноразовый стаканчик. — Спасибо хотя бы за то, что отозвался и приехал.

— Не стоит. Надо выспаться, побриться, переодеться, — сказал Гранцов. — Создать товарный вид.

— Значит, ты согласен? Остаешься?

— Все равно мне спать негде.

— Я знал, что ты не откажешь. Регина, пожалуйста, организуй гостю какую-нибудь постель в приемной, на диване.

— А вы где ляжете, Игорь Андреевич?

— Подежурю у факса. Не привыкать.

Судя по щетине, Гошка уже не первую ночь проводил в своем кабинете, у факса, в ожидании хоть какого-нибудь ответа от своих многочисленных друзей. Регина Казимировна готовила ему кофе, перебирала бумаги, натирала мебель — она не могла остановиться.

Засыпая в прохладной чистой постели, Гранцов слышал ее шаги за стенкой. «А ведь она была довольно красивой, — подумал он. — Акцент прибалтийский, взгляд надменный. Интересная девочка. Какие у нее пальчики тонкие...» Поймав себя на этих мыслях, Гранцов понял, что коньяк вовсе не выдохся. Он повернулся на правый бок, назначил себе проснуться в семь ноль-ноль и скомандовал: «Рота, отбой!»

Бывали времена, когда ему приходилось терять и больше, чем троих за день. Но и тогда он не страдал бессонницей. Остаться в заложниках он не собирался. По крайней мере, дольше, чем до утра. Конечно, Гошка сам во всем виноват, но сейчас ему нужна была помощь, а не воспитательная работа. И помочь ему мог только Гранцов. «Если не я, то кто?»

Вадима Гранцова многие считали упрямым и вредным, потому что никто не мог заставить его делать то, что казалось ему бессмысленным, или просто почему-то не нравилось. А если он все-таки брался за дело, то выполнял его по-своему. Как ни странно, но с таким-то норовом он прекрасно вписывался в армейскую жизнь. Получая приказ, Гранцов сразу же старался схватить, в чем его суть. Если сути не было, а была только дурь, то он и выполнял такой приказ по-дурачки, то есть спихивал исполнение по инстанции. Если же в приказе содержалась задача, то он решал эту задачу, не спрашивая, как ее решать. На его счастье, он достаточно долго послужил в подразделениях, где приходилось больше заниматься боевой работой, чем строительством генеральских дач.

Сейчас перед ним стояла вполне конкретная задача — выручить брата. Для этого совершенно необязательно поступать именно так, как просит Гошка. Его просьбы продиктованы излишними эмоциями и неверной информацией. Противники сознательно выводят его из равновесия и подталкивают к ошибочным действиям. Вот он и мечется. Но противники — кто бы они ни были — еще не знают, что в дело вступил майор Гранцов.

Он даже засмеялся во сне, потому что все это было похоже на детские разборки. Пацаны не поделили игрушку, один надавал другому тумаков, а пострадавший позвал старшего брата.

Отставить романтику. Итак, наш план. Он состоит из двух вариантов. Если кредиторы отпустят Гошку на поиски денег, то Гранцов постарается исчезнуть незаметно. Если не отпустят, придется пробиваться. В любом случае следовало вывезти брата из города и спрятать на Базе. А там, кстати, можно и воспитанием заняться: в дровяном сарае хватает бревен.

Засыпая, Гранцов уже держал в голове два подробных плана мероприятий по разблокированию офиса, и во сне продолжал их детализировать, иногда сбиваясь на взаимодействие с авиацией. Среди ночи он услышал звук стартера и, незаметно подойдя к окну, увидел, что вражеская машина уехала.

Наутро он застал брата там же, где оставил ночью — в вертящемся кожаном кресле перед компьютером. Гошка безразлично играл в тетрис.

— Ну, что нового?

— За ночь набралось семнадцать тысяч, — сказал Добросклонов. — В виде обещаний беспроцентных ссуд.

— Не так плохо.

— Нет. Плохо. Очень плохо. Как висела восьмерка надо мной, так и осталась висеть, — Добросклонов выключил игрушку и повернулся к столу. — Смотри, я должен 80. Это восьмерка — восемь плюс ноль. Сейчас мне обещают 17. Это тоже восьмерка — один плюс семь. Остаток — 63, это девятка. Кошмар. Девятка — бандитская цифра.

— Что плохого в восьмерках и девятках? Переведи, — попросил Гранцов.

— Не хочу. Не обращай внимания, это все мысли вслух. Считай это легким бредом. Я тут столкнулся с новой модой. И теперь понемногу примеряю ее на себя. Ничего, забавно. Вот, например, сегодня тринадцатое, да еще и четверг. Две четверки...

— В сумме дают восьмерку, — подхватил Гранцов.

— Вот именно. Значит сегодня у нас будет тяжелый день. Крушение надежд. Обман и потери.

— Понятно. Значит, восьмерка — это плохо. А вчера у нас был легкий день?

— Двенадцатое, среда. Три плюс три — шесть. Вчера был день любви и покоя. Например, вчера могли соединиться члены семьи. Что мы и сделали.

— Ловко у тебя получается, — сказал Гранцов. — А завтра?

— Отстань, — сказал Гошка. — Или ты собрался вступить в эту идиотскую академию?

Они так себя называют: Академия меры и чисел. Только о том и мечтают, как бы расширить свои ряды. Я сам чуть не попался. Как они меня подловили? Я же у них ничего не просил. Это был частный разговор. Слово за слово, они предложили обдумать один проект, что-то типа хосписа или коммуны для наркоманов, а я в ответ своим проектом поделился — снабдить наших «качков» настоящими пищевыми добавками. Надо было просто слетать в Штаты, закупить эти копейчные протеины и как гуманитарную помощь для бастующих шахтеров забросить на Север.

— Почему на Север?

— Там народ любые деньги заплатит за еду. Тем более за чистый протеин. Если человек занимается накачкой мускулатуры, то он уже ни о чем другом не думает. А где-нибудь в Норильске или Воркуте у ребят есть большие деньги, есть штанги и гантели, есть даже видеофильмы с описанием тренировок. Но вот протеиновых добавок там нет. Поэтому они заплатят за этот протеин ровно столько, сколько мы запросим. Вот и все. Хороший проект. Не хуже, чем все остальные мои проекты. В общем, наутро я и забыл, о чем шумел. А через пару дней мне приносят бабки, загранпаспорт и визу. Оказывается, эти «академики» не только цифры складывают, но и лекарствами приторговывают. Они связали меня с медицинской фирмой. Фирмачи согласились на огромную скидку, раз уж это для голодающего Севера. Все срасталось прекрасно. И я полетел.

— Ты что, был в Америке? — изумился Гранцов.

— А что такого? Тоже мне, событие, — сказал Добросклонов. — Люди уже и на Луне побывали, а тут какая-то Америка. Тем более что это Канада.

— Ну и как там, в Канаде?

— Да как везде. Только очень много турков, индийцев и китайцев.

— Долго там был?

— Неделю, — сказал Добросклонов. — Шесть суток и два часа. Это с трехмесячной визой, представляешь? Просто рассчитывал быстро обернуться, а потом уже не возвращаться, осесть там на ПМЖ... Как все удачно начиналось, и как быстро кончилось... Ничего, все обойдется. Надо только отдать им потраченные деньги, плюс то, что они могли на этом заработать. Такой договор. Они мне — шестьдесят, я им — восемьдесят. Все остальное — мое. Хороший был проект. Все, забудь об этом. Ты чего так рано встал?

— Привычка. Между прочим, ты сегодня смотрел в окно?

— Зачем?

— По крайней мере, чтобы знать обстановку снаружи.

— Ну и как обстановка? — равнодушно спросил Добросклонов, переключая тетрис на другой уровень.

— Уехали твои сторожа. Может быть, у них сейчас смена караула. А может быть, они нас провоцируют на попытку к бегству.

— Не начинай снова, — сказал Гошка. — Какое бегство? Куда бежать? Ленинград — маленький город.

— Ну, тебе виднее. Здесь у вас завтракают?

— Спросишь у Регины, когда она встанет.

— Ты с ней живешь?

— Боже упаси, — сказал Добросклонов. — Я ее боюсь.

Раздался мелодичный сигнал факса. Добросклонов даже не посмотрел в его сторону.

— Регина — это святое. У меня бухгалтерия уже второй год нулевая. Нет прибыли, нет работы, нет банковских операций. Но я держу бухгалтера. Я плачу ей зарплату еженедельно. Я без нее просто пропал бы.

— Береги ее, — сказал Гранцов. — Вам, капиталистам, не прожить без хорошего бухгалтера.

— Да она такой же бухгалтер, как я капиталист, — усмехнулся Добросклонов. — Врачиха, вся жизнь прошла в госпиталях. Муж вышел в отставку, из Прибалтики их погнали как оккупантов, и они переехали в Питер. Тут он и умер. Осталась совсем одна. На

последние копейки закончила курсы. Нет, она хороший бухгалтер, но не это главное.

Из факса поползла бумага. Треск отрываемого листа заставил Добросклонова повернуться и подхватить очередное послание.

— Ну что? — спросил Гранцов.

— Ничего особенного, — бросил Гошка. — Так вот, о Регине. Она, конечно, специалист. Дебет, кредит. Ну, и, само собой, бумажные тонкости она тоже все знает. Там подпись не та, здесь даты не совпадают... Но есть у нее один маленький недостаток. Она человек недоверчивый от природы. Но если уж во что-то поверила, то будет верить до упора. То есть слепо и глухо.

— Какой же это недостаток?

Добросклонов оглянулся на дверь и продолжил, понизив голос:

— Это недостаток, потому что ее нельзя выпускать на улицу. Она же будет тупо переходить на зеленый свет и не смотреть по сторонам. И если на нее налетит пьяный тракторист, то она даже не подумает уступить ему дорогу. И в эти *числа* она верит слишком серьезно. Она даже ходит на какие-то курсы. Тайком от меня. И с академией меня как раз она-то и свела. Ты же меня знаешь, я со всякими ясновидцами и экстрасенсами не стал бы связываться. Но тут вдруг...

Он откинулся в кресле и развел руками с беспомощным видом.

— Слишком хотел заработать, наверно, — сказал Гранцов.

Гошка махнул рукой:

— Да я всегда хочу заработать, даже когда сплю. Иначе зачем работать? Но тут было другое. Не мог же я ей в глаза сказать, что она связалась с аферистами! Решил потянуть резину, почесать языком с интересными собеседниками. Но я не знал, как ловко они умеют чесать языками. Переговоры я вел с исполнительным директором, а это чудеснейшая женщина. Обворожительная. Знаешь, такая Снежная Королева. Высокая и белая, все время улыбается, и говорит так мягко, так по-женски.... Сейчас-то я вижу, как они меня подставили. А теперь вот, пожалуйста, моя королева сама не появляется. Шлет факсы.

Он безразлично потряс листком:

— «Просим освободить офис. Напоминаем, что последний срок оплаты 1 июля».

— Да у нас еще вагон времени, — облегченно сказал Гранцов. — А причем тут офис?

— Это тоже такая форма залога. Я их впускаю в свой офис, они тут работают, пока я не верну долг.

— И что тебя не устраивает?

— Ха-ха, — сказал Добросклонов. — Мне вспоминается русская народная сказка. Как там? Была у зайки избушка лубяная, а у лисы ледяная?

— Ладно, потом разберемся, — Гранцов встал. — Пошли домой.

— Это не так просто, — сказал Добросклонов, собирая бумаги в папку. — Я квартиру им отдал. Оставил в залог.

— Кому?

— Да «академикам» этим. Вычислителям. Ладно, лучше не спрашивай о них, — вздохнул Гошка. — Это такое, брат, страшное дело... Как бы я хотел ничего о них не знать. И главное, чтобы они обо мне ничего не знали. Но они знают все. Про всех.

Гранцов взялся за спинку кожаного кресла, в котором сидел брат, и выкатил его из-за стола. Выключил компьютер и принялся отсоединять его.

— Это эвакуация? Или мародерство? — поинтересовался Добросклонов, кружась и катаясь в кресле по кабинету. — Учти, я должен оставить им офис со всеми потрохами. В идеале, конечно, в углу должен стоять полный холодильник, на подоконнике — горшочки с цветами, под потолком — чешская люстра, а на люстре должен висеть я. С объяснительной запиской в зубах.

— Так, — сказал Гранцов. — Даю тебе час. Я пошел за машиной. Собирай все нужные документы и вещи. Жить будешь у меня. Гарантирую чистоту и трехразовое питание.

— Спасибо. Но это бесполезно. Я не могу прятаться от них всю жизнь. Надо делать то,

что тебе говорят более сильные. Таковы правила игры.

— Осталось пятьдесят девять минут.

— Оставь ты свои солдафонские штучки, — Гошка нехотя выбрался из кресла. — Думаешь, я продамсья за трехразовое питание?

— Прибавь свежий воздух и приятное общество, — сказал Гранцов. — А если будешь хорошо себя вести, получишь увольнительную.

— Подожди, Дим. Ты это серьезно? Как, по-твоему, я найду деньги, если буду сидеть в какой-то глухомани?

— Телефон тебя устроит? Интернет тебя устроит? А до города час езды — это тебя устроит? Собирайся, я уже все решил.

— Решил! Он решил! А ты уверен, что решил правильно? Думаешь, там нас не найдут? Так ты ошибаешься. Они найдут нас везде. Под землей, под водой, на Луне. Поэтому я и не убежал до сих пор. Нет, поверь, твою базу они вычислят за пять минут.

— Маловероятно. Хотя, конечно, при нынешней коррупции все возможно, — нехотя согласился Гранцов. — Но даже если они сунутся на базу, то получат сокрушительный отпор. Это во-первых. А во-вторых, даже на базе они нас не найдут. Есть еще тайные партизанские тропы, о которых не знает вообще никто.

— Ты зовешь меня в партизаны?

— Шумел сурово Брянский лес! — пропел Гранцов и встряхнул брата за плечи, но тот замотал головой и попытался вырваться.

— Это невозможно! Ты ломаешь весь мой план. Давай все оставим, как договорились. Ты ждешь меня здесь, я через три дня возвращаюсь... Пойми, я же не могу Регину тут одну оставить!

— Почему?

— Ей некуда идти! Ее квартира тоже у них.

Гранцов ненадолго задумался. Одно дело — спрятать в лесу от «наезжающих» аферистов родного брата, и совсем другое дело — брать на себя ответственность за совершенно незнакомую женщину.

Но сейчас База казалась ему самым безопасным местом на свете. И он сказал:

— Найдется местечко и для твоей Регины.

Добросклонов странно улыбнулся, вздохнул и перекрестился:

— Ну, брат, поступай как знаешь.

Глава 4. Как уходят в партизаны

«1. Разобраться с прогульщиками — *разобрался*.

2. Визит к Д. — *нанес*

3. Газеты и хлеб.

4. Травы в аптеке».

Гранцов захлопнул блокнот и глянул на светофор. Оказывается, уже зеленый. И давно, судя по нервным гудкам сзади. Он помахал рукой, извиняясь, и проскочил на моргающем зеленом через перекресток.

Тяжелая это работа — ездить по городу, прожив в лесу безвылазно всю зиму и весну.

Он пропотел насквозь, пока добрался до офиса.

— Ну и агрегат, — сказал Добросклонов, легонько пнув колесо «уазика». — На таком доставляют в вытрезвитель.

— А мы примерно туда и едем, — сказал Гранцов.

— А номер-то, номер, «00-07»! — восхитился Гошка. — Три нуля означают власть, а семерка вообще твое число. Номер для тебя гармоничный.

— Для меня сейчас гармоничны не три нуля, а два, — сказал Гранцов.

— То есть я должен проводить тебя в туалет?

— Сам дойду. И еще мне надо отзвониться на базу. Хочу предупредить, что везу людей.

Набирая номер базы, Гранцов не сомневался, что Борис Макарович разрешит приютить Гошку с Региной, но все-таки хотел договориться обо всем заранее.

Трубку поднял Керимов.

— Дежурный по «Редуту»!

— Дежурный, дай-ка мне старшину.

— Старшина на занятиях, — четко доложил Керимов.

— Давно убыл?

— Только что.

— Вас понял. Конец связи.

— Как у тебя дела, брат? — голос Керимова потеплел. Ему быстро надоедали правила радиообмена. — Все в порядке?

— Потом расскажу, брат, — Вадим Гранцов решил не засорять эфир.

Может быть, это и к лучшему, рассудил он. Встретившись с Поддубновым на тренировке, можно будет подробно обсудить ситуацию. Вероятно, после такого обсуждения придется изменить план. Гранцову еще не приходилось убегать от милиции. В каждом новом деле очень важно не торопиться, обдумывая каждый шаг. Он не сомневался, что быстро освоится со своим новым положением, но сейчас ему бы не помешал толковый и опытный советчик.

Вот и первая поправка к плану. Вместо того чтобы ехать в лес, придется сначала посетить спортзал.

Борис Макарович Поддубнов прослужил большую часть сознательной жизни начфизом учебного отряда. Пояснение для невоеннообязанных: начфизом называют главного физкультурника подразделения, который имеет право выгонять на зарядку даже самого командира подразделения, будь он хоть майор, хоть генерал. И уж Поддубнов этим правом попользовался вволю.

Хотя в учебном отряде и не занимались офицеры старше капитана по званию, все же это были командиры, белая кость. И многих втайне коробило то, как сурово обходится с ними какой-то мичман. Правда, в строю перед ним все они стояли без знаков различия, потому что любимой «формой одежды» у начфиза Поддубнова был голый торс в любую погоду. А любимым видом разминки перед занятиями — «пятерочка», то есть пятикилометровый кросс. Опять же в любую погоду. И никто не получал у мичмана зачет по физподготовке с первой попытки. Даже Герои Советского Союза. Даже командиры воинских частей, которые в своих подразделениях сами гоняли и чихвостили всяких мичманов да старшин.

Учебный отряд расформировали одновременно с Советским Союзом, и свирепый начфиз сменил бригаду спецназа на захолустный гарнизон. Оказавшись в сугубо мирной жизни, Поддубнов быстро сориентировался и принялся добирать необходимые адреналиновые взрывы, обучаясь всем известным видам единоборств. В его комнатке висел Боевой листок, на котором красовался учебный план на оставшуюся жизнь. К моменту появления на базе вольнонаемного Гранцова в списке уже были зачеркнуты «боевое самбо», «бокс» и «греко-римская борьба». Оставались нетронуты «карате-до», «таеквондо» и «дзюдо».

Гранцов недрогнувшей рукой приписал еще три позиции: «кендо», «айкидо» и «*либидо*».

Так вот. В настоящее время мичман Поддубнов успешно заканчивал обучение в секции айкидо. И Гранцов с замиранием сердца предвкушал тот сладостный момент, когда БМП зачеркнет предпоследнюю позицию, наберет «09» и спросит у невидимой барышни, где он может продолжить свое самообразование по части либидо.

Гранцов часто бывал на занятиях вместе с Поддубновым, иногда даже участвовал в разминке. Ко всем этим «единоборствам» он относился снисходительно, но айкидоки ему

нравились. Во-первых, они оказались девушками. Мужчин в секции было двое — тренер Ерофеич и сам Поддубнов. Во-вторых, все относились друг к другу с каким-то трепетным вниманием: крутанув партнера в воздухе и с хряском распластав на полу, они помогали ему подняться, сочувственно приговаривая. А Поддубнов пользовался в секции особым авторитетом. Барышни звали его Батей и старались бросать поаккуратнее.

— Ты поговорил? — спросил Добросклонов. — Я могу отключать телефон?

— Отключай.

— Я собрал вещи, — Гошка держал под мышкой системный блок компьютера и пару пухлых папок. — Но тебе придется поработать с Региной. Ей нужен контейнеровоз. Какая у тебя грузоподъемность?

— У меня лично?

— Не трать на меня свой скудный запас юмора. Иди лучше помоги слабой женщине, — сказал Добросклонов, забираясь на заднее сиденье.

Мешок сахара. Мешок риса. Запечатанная коробка с консервированной кукурузой. Распечатанная коробка с зеленым горошком. Связка книг. Три одинаковых чемодана. Синий костюм в чехле.

Это первое, что увидел Гранцов в коридоре офиса. Где-то в дальнем конце раздавались шаги Регины, она несла что-то еще.

— Понятно, — сказал Гранцов. — Берем только чемоданы и книги.

Регина Казимировна бросила все на пол и сказала издали:

— А можно хотя бы костюм? Я даже книги могу оставить, но костюм такой хороший...

— Он что, свадебный?

— Он представительский, — сказала она с почтением.

Гранцов повертел чехол с костюмом перед собой, прикинул размер. Оказывается, костюм был не просто синий — он был синий в черную полоску. И голубая сорочка была под пиджаком, и галстук подходящий свисал из кармашка, а еще из кармашка торчали очки.

— У нас в роду очкариков не было, — сказал Гранцов, щелкнув по роговой оправе.

— Не беспокойтесь, — холодно произнесла Регина Казимировна. — Это нулевые стекла. Очки чисто представительские.

— Понятно, — сказал Гранцов. — Не возражаете, если я надену?

Переодевшись в представительский костюм, нацепив на переносицу представительские очки и встав во весь рост перед зеркалом в холле, Гранцов решил, что теперь его никто не узнает.

— Король паркета, — оценил перевоплощение Добросклонов. — Неужели я тоже выглядел таким арабским шейхом на всех переговорах?

— Ладно, ладно, — сказал Гранцов сквозь зубы, отрабатывая новую дикцию. — Давай за руль.

— Мы так не договаривались, — вяло возмутился Добросклонов. — От меня перегаром разит. Мне бы сейчас глоток пива...

— Будет тебе пиво. Вот техпаспорт, вот путевой лист, — Гранцов запихнул документы в карман камуфляжной куртки и набросил ее на плечи брата.

— С ума сошел? Кто поверит, что это мои документы?

— Ну, в таком камуфляже тебя ни один гаишник не посмеет тормознуть.

— Знаешь, — задумчиво сказал Гошка, — рядом с тобой мне всегда кажется, что мы снимаемся в кино. Но ты знаешь сценарий, а я нет.

— Сценарий всегда одинаковый, — сказал Гранцов. — Сначала тебе хреново, потом чуть хуже, а в итоге тебе кранты. Поехали, поехали.

— Дай завестись-то!

— Поехали! Потом заведешь!

Как и предполагал Гранцов, они приехали в спортзал слишком рано. Те, кто занимался здесь с утра, перед работой, уже ушли. А дневные группы еще не собрались.

В глубине зала маячила одинокая фигура в черном кимоно — человек застыл, присев

на широко расставленных ногах. Вполне возможно, что он стоял так еще с утра. Хорошо, если не с вечера.

Из душевой вышел тренер, приглаживая руками влажную бороду (из-за этой бороды его и называли Ерофеичем).

— Эт вы ведете группу айкидо? — спросил Гранцов сквозь зубы, совершенствуя новую дикцию. — У ва-ас знимается тэкой Ба-арис Ма-акарович...

— Да занимается, занимается, — нетерпеливо ответил тренер, причесываясь перед зеркалом. — Но днем, с двух до четырех. Я же вам все объяснил.

— Мне? — не понял Гранцов.

— Вы же на той неделе звонили несколько раз, — тренер обернулся и тут же изменил тон: — Ох, Вадим, я тебя не узнал. Богатым будешь. Что за маскарад?

— На презентацию собрался, — отмахнулся Гранцов. — Я заеду к четверем, а ты предупреди Макарыча, чтоб он меня дождался.

— Предупрежу.

— Если до половины пятого меня не будет, пусть уезжает. Кстати, а кто это спрашивал про Батю? Чего хотел?

— Встретиться хотел, назвался земляком. Сильный московский акцент, — сказал тренер. — Вот точно, как ты начал. «А-алё, эт спартза-ал ?» У Бати есть земляки в Москве?

— Да у него везде земляки, — сказал Гранцов.

Он вернулся к машине, забрался на сиденье и долго молчал.

— Мы уже больше никуда не едем? — наконец, спросил Добросклонов.

— Не знаю, — сказал Гранцов и повернулся к заднему сиденью, где среди сумок и пакетов расположилась Регина. — Вам придется еще потерпеть немного. Наша поездка затягивается. Ничего?

— Ничего страшного.

— Что случилось? — недовольно спросил Гошка. — Ты держи меня в курсе событий. Я же за рулем, я должен знать маршрут.

— Вот я как раз и обдумываю маршрут. Как там по твоей теории, удачный сегодня день или нет?

— Смотря для кого. Тринадцатое число вообще не может быть удачным. Но для семерок и четверок оно не так страшно, как для всех остальных. Так что тебе нечего бояться. Ты чистая семерка.

— Это хорошо?

— Сегодня да. Завтра — не знаю.

— Завтрашние проблемы меня не волнуют, — сказал Гранцов. — Мне бы сегодня разобраться. Так, понятно. Действуем по старому плану. Давай к моей жилконторе, где я работал, — помнишь, на Мойке? — потихоньку мимо проедем, глянем краем глаза, разнюхаем обстановку...

— Ты там больше не работаешь?

— Похоже, что не работаю.

— Вот, значит, в честь чего была вчерашняя пьянка, — догадался Гошка. — Тебя с работы выгнали?

— Сам ушел.

— А подробнее?

— Подробности в газетах.

Добросклонов медленно проехал по набережной, так что Гранцов смог разглядеть все машины, припаркованные у жилконторы. Некоторые были ему знакомы, остальные нет — но он не заметил подозрительных, с правоохранительными признаками. Он уже хотел попросить остановиться, как из-за угла вырулила черная «газель» и встала прямо перед входом в контору, перегородив дорогу. Добросклонов резко тормознул и выругался шепотом.

Гранцов быстро надел очки и достал носовой платок, имитируя борьбу с застарелым

насморком. Прямо перед ним из милицейского автобуса выбрались один за другим все четверо вчерашних оперов — или кто они там?

— Трогай, Гошка, трогай, — сквозь зубы проговорил Гранцов.

Оперативники дружно закурили, толстый в очках начал рассказывать анекдот про «новых русских», а пожилой повернулся к водителю и сказал:

— Мы тут еще на сутки застрянем. Всех отсылайте сюда, в жилконтору. На обед не поедем, привезите какой-нибудь колбасы, что ли. И «эссендуки». Не забудете?

Добросклонов тронулся, объезжая «газель», и Гранцов сунул платок обратно в карман. Он увидел в зеркале, что дежурный милиционер распахнул дверь жилконторы, и вся четверка вошла внутрь. Судя по их помятому виду, они провели здесь всю ночь, с утра съездили куда-то — поесть или просто отметиться — и теперь вернулись в свой «оперативный штаб».

— Гони, — приказал он. — Отставить! Не гони! Никаких нарушений! Чтоб не остановили.

— Да ладно тебе, — сказал Добросклонов. — Сейчас стыдно останавливать такие машины. Вот когда я ездил на «ягуаре», это было что-то. Тормозили на каждом перекрестке. А за город просто нельзя было выехать, не заплатив по дороге полтинник, а то и стошку. Причем ни за что, просто так.

Он быстро освоился с тугим военным рулем и через несколько перекрестков был-таки остановлен. Удивленный гаишник изучил документы, принялся, получил свои тридцать сребреников и посоветовал держаться подальше от центра. Добросклонов принял совет слишком близко к сердцу и начал удаляться от центра с недозволенной скоростью, благодаря чему еще несколько гаишников заработали на обед.

— Нет, я так больше не могу, — сказал Гранцов после очередной остановки, отнял у Гошки документы и сам сел за руль. — Нельзя же так. Где ты учился ездить?

— А в чем дело? — сухо спросил обиженный Добросклонов, который считал себя лучшим водителем Санкт-Петербурга и ленинградской области.

— Очень интересная трактовка правил, — сказал Гранцов.

— Тогда скажи, что я нарушил, ну что?

— Ну, к примеру, не пропускаешь встречных при левом повороте. Ни разу ведь не пропустил.

— Так ведь им еще не горел зеленый, — возмутился Добросклонов. — Они должны стоять, пока зеленый загорится. А я просто чуть-чуть раньше стартовал.

— Ага, на красный, — сказал Гранцов и увидел взмах полосатого жезла. — Не понял.

— Это тебе, тебе он махнул, — кротко подсказал Добросклонов.

Гранцов вышел из машины и протянул свои документы. Румяный лейтенант внимательно их изучил и сказал неожиданно:

— Это ваши права? А почему лицо совсем другое?

Дискуссия была короткой. Она сопровождалась придушенным смехом Добросклонова и завершилась штрафом за грязные номера.

На оставшиеся деньги Гранцов купил в аптеке разных трав для парилки. Эвкалиптовую настойку любит Поддубнов, Керимыч предпочитает мяту. Настой липового цвета пригодится гостям — он подстегивает потовые железы. Пусть новые работники базы пропотеют как следует, пусть выгонят из себя городскую грязь и злость.

Вадим Гранцов любил покупать что-нибудь для бани. Наверно, с таким же чувством родители покупают игрушки детям, а влюбленные юнцы — безделушки для своих неприступных красавиц.

— У нас есть время, давайте посидим где-нибудь у воды, — предложил он.

— А что дальше? — спросила Регина Казимировна. — Я даже не знаю, куда мы едем.

— О, это дивное место, — протянул Гошка. — База отдыха на лесном озере. Никакой промышленности в радиусе трехсот километров. Ключевая вода. Рябчики чирикают на ветках. Тебе там понравится.

— Но что мы там будем делать? Прятаться?
— Вы там будете работать, — сказал Гранцов.
— Это что-то новое, — Добросклонов насторожился. — До сих пор речь шла только об отдыхе.

— Лучший отдых — смена деятельности. Ты слишком долго сидел в кресле. Пора потрясти суставами. Дровишки попилить, например.

— Я тоже буду пилить дрова? — поинтересовалась Регина Казимировна.

— Нет. Но и вы без дела не останетесь. Работы у нас много, а людей мало, — сказал Гранцов. И добавил: — Было мало. А теперь стало еще меньше.

— Что, текучесть кадров? — насмешливо спросил Гошка. — Неужели кому-то может наскучить отдых в лесу? Или обнаружилась аллергия на рябчиков?

— Нет. Не аллергия.

Вадим Гранцов до этой секунды не собирался ничего рассказывать брату. Но сейчас ему вдруг захотелось немного осадить Гошку. Тот был слишком поглощен своими проблемами, которые, с точки зрения Гранцова, не стоили даже того, чтобы о них говорить. Временные трудности с бизнесом, вот и все. Не в первый и не в последний раз. А сколько суеты, сколько страхов...

— Нет, не аллергия, — повторил он жестко. — Убили наших работников. Просто убили. Двоих.

— Как убили? — растерянно переспросил Добросклонов.

— Зарезали. На прошлой неделе. В ночной электричке. Так что в нашем штатном расписании освободились как раз две единицы.

— Зарезали? Наверно, цыгане. Или кавказцы, — неуверенно проговорил Гошка. — Наши сейчас предпочитают огнестрельное оружие. ТТ. АКМ. Или топор по пьяному делу. Ножи сейчас не в моде.

— Отчего же, напротив, — возразил Гранцов. — Не далее как вчера у меня на работе точно так же зарезали моего сменщика. Охранника в той самой конторе, на которую мы краем глаза глянули. Ночью кто-то забрался в помещение, пырнул человека ножом и унес оргтехнику.

— Кошмар, — произнесла Регина Казимировна. — Из-за какой-то оргтехники!

— Самое интересное в этом кошмаре то, что покойник дежурил вместо меня, — сказал Гранцов. — Если бы я вышел на работу в точном соответствии с графиком, могла получиться очень занятная история. А если бы мои банщики опоздали на электричку, с ними ничего не случилось бы. Вот как опасно жить по графику, Гошка. А ты все планируешь чего-то, все рассчитываешь. Больше импровизации, старик. Смелее сворачивай в стороны с накатанных дорог. И тогда, может быть, тебе повезет. Как, например, повезло мне.

— Ты считаешь, что тебе повезло? — спросил Добросклонов.

— По крайней мере, я жив.

— Случайность. А я стараюсь исключить случайности, — Гошка в задумчивости почесал щетину. — Но, знаешь... А ведь таких совпадений не бывает. Трое твоих знакомых были зарезаны. В течение одной недели, если я правильно понял. Знаешь, на твоем месте я бы поостерегся.

— А на твоем месте я бы не сел со мной в одну машину, — в тон ему ответил Гранцов, барабанив пальцами по баранке. — Вот что. Ты знаешь заправку на Мурманском шоссе, сразу за постом ГАИ?

— Конечно.

— Садись за руль. Отправляйтесь туда и ждите меня. Я подъеду где-то около пяти. Если до шести меня не будет, возвращайся к себе в офис, там и встретимся.

Добросклонов обреченно кивнул, пересчитал деньги и протянул долларовую десятку:

— Вот тебе на такси, чтоб не тратил время. Не спрашиваю, что ты затеял, чтобы не сглазить. Но ждать тебя мы будем до девяти, договорились? До девяти, и ни минутой больше.

Глава 5. Незаконченная тренировка

Поджидая Поддубнова, Вадим Гранцов с беззаботным видом прогуливался по улице перед залом. Он наслаждался тихим солнечным деньком — первым по-настоящему летним днем в этом году. Жмурясь, он смотрел, как вспыхивают легкие женские фигурки, попадая под встречные лучи солнца.

Как и брат, Вадим Гранцов тоже не верил в случайности. Поэтому для начала он обследовал все закоулки спортзала в поисках *случайных* посетителей. Не обнаружив никого, он устроился у входа с толстой газетой, которую подобрал в пустой раздевалке, и делал умное лицо, изучая биржевые котировки. Время от времени он выходил на улицу, чтобы проконтролировать подходы к зданию. Но до сих пор никаких тревожных признаков не обнаружил.

Девчушки-айкидочки прибыли гурьбой. Направляясь в женскую раздевалку, они прошли мимо Гранцова, не узнав его, и это было приятно. Маскировка продолжала действовать. Мужская раздевалка находилась в другом крыле, и Гранцов перебрался в коридор, чтобы Поддубнов не смог бы проскользнуть туда незаметно. Он и не проскользнул. Борис Макарович бочком прошел между узких стеклянных дверей вестибюля и с порога пробасил:

— Вадим? Что с тобой? Почему в костюме?

— Потому что мы не в лесу. Ты нормально доехал?

— Да. Нет, ты ответь, что случилось? Откуда такой смокинг?

Не отвечая, Гранцов увлек его за собой по коридору. В раздевалке, кроме них, никого не было. Поддубнов расправлял свое кимоно и аккуратно вешал снятую одежду, слушая доклад, и лицо его становилось все более озадаченным.

— Жалко ребят, — проговорил он и принялся расхаживать по раздевалке, задумчиво постукивая кулаком по ладони. — Надежные были работники. Таких больше не найдешь... Надо бы женам как-то помочь. Да чем тут поможешь... Сами без денег сидим. Может, им консервов подбросить? Ты как думаешь?

— Я сейчас о другом думаю.

— Что-нибудь еще случилось? — насторожился Поддубнов. — Давай выкладывай все.

— Нет. Пока не случилось. Но может случиться очень скоро. Нам бы не о вдовах сейчас думать надо, а о себе. Да-да, о себе. Ты соберись, Борис Макарыч, разговор-то серьезный.

— Добро, слушаю тебя, — Поддубнов перестал ходить из угла в угол и сел рядом.

— Вот мои предварительные выводы, — сказал Гранцов. — Сменщика моего убили по ошибке. Целились в меня. Кто-то убивает тех, кто работает на базе. Убивает тогда, когда они находятся не на базе. Сейчас мне неважно, кто это делает и зачем. Сейчас мне важно, что будет дальше. А дальше будет вот что. Точнее, может быть. Тобой интересовался какой-то земляк. Звонил сюда, в зал, Ерофеичу. Спрашивал, когда ты появишься.

— Нет у меня никаких земляков. Никто не знает, что я хожу на айкидо.

— Ну-ну, — сказал Гранцов. — Любая девчонка из этой секции могла рассказать о тебе другой девчонке и так далее. И в конце концов докатилось до земляка. Логично?

— Да нет у меня земляков. Даже самому интересно, кто бы это мог быть.

— Вот и посмотрим.

— Димыч, ты что затеял? — сурово спросил Поддубнов.

— Ничего я не затеял. Просто интересно.

— Вижу я, что тебе интересно. Ты ноздри-то не раздувай.

— Господь с тобой, Борис Макарыч, какие ноздри? Просто хотел посмотреть на встречу земляков, и все.

— Думаешь, будет засада?

— На девяносто процентов уверен. Десять процентов добавлю на следующей

тренировке.

— Значит, ты задумал контрзасадное мероприятие. Хочешь подловить гада на меня, как на живца?

— Ну да. Сто десять кило отличного живца.

— Сто семь, — ревниво поправил Поддубнов. — Значит, ты его тут караулишь? Навряд ли он сюда полезет. Здесь все на виду. Вот разве что в городе? Например, в кабаке или, допустим... Да нет, не представляю, как он может ко мне подступиться. Подпоить меня? Усыпить? Нет, Вадим Андреич, ты что-то намудрил. Если я — следующий, то для меня нужен снайпер. Или самосвал на встречной полосе.

— Борис Макарыч, давай соберись, — еще раз попросил Гранцов. — Может быть, я и намудрил. Но ты не расслабляйся. Самосвал самосвалом, но люди, бывает, и в корыте тонут. Давай к худшему готовиться. Лучше потом ты будешь надо мной смеяться, чем я потом буду плакать.

— Интересно посмотреть, как ты плачешь.

— Это метафора такая, — сказал Гранцов.

Поддубнов одернул кимоно, хлопнул в ладоши и запрыгал в боевой стойке, надвигаясь на Вадима. Но тот приподнял стол за край и, вообразив себя танком, попытался припечатать противника к стенке. За этим занятием их и застал Ерофеич, одетый по полной форме, в белой куртке и черных штанах-хакама:

— Батя, в строй! Димыч, присоединяйся, а то у Бати пары нет.

— Пусть пока тренируется на девочках, — небрежно бросил Гранцов, унимая одышку.

Он перекинул пиджак через плечо и снова вышел на улицу. Запыленный «ситроен» Поддубнова стоял рядом с «хондой» тренера. На другой стороне улицы стояла серая «нива», и Гранцов отметил, что в прошлый обход ее не было. На ней могли привезти кого-то из девчонок? Да, могли, но почему не подвезли прямо к залу? Интересная машина, подумал Гранцов, новая модель, удлиненная. Стекла тонированные, не разобрать, кто внутри. Но если там противник, то он сейчас, несомненно, наблюдает за входом в зал. Только бы не спугнуть.

Не останавливаясь, Гранцов пошел прочь от зала. Навстречу двигались двое в белых рубашках и черных брюках:

— Вы можете уделить нам минуту?

— Минуту? Могу.

Обычно Гранцов проходил сквозь таких назойливых незнакомцев, имитируя внезапную слепоглухонемоту. Если они не успевали посторониться или отдернуть ногу, то он не жалел их обуви. Но сейчас эта парочка была очень кстати.

— Вам приходилось думать о том, правильно ли вы живете?

— Ребята, вы кто? Мормоны? Иеговисты? — спросил Гранцов. — Учтите, что я ни в какие кружки и клубы по интересам не записываюсь. Так что не теряйте время.

— Не надо записываться. Мы можем просто поговорить, — сказали они. — Вы думаете, что знаете, как надо жить?

— А что, надо жить? — задумался Вадим. — Вот вам, лично вам — надо жить?

Сектанты замаялись, неуверенно улыбаясь, и отступили на шаг.

— Ладно, даю вам еще минуту, — сказал Гранцов и развернулся так, чтобы не терять из виду «ниву». — Докажите мне, что жить НАДО, и я ваш.

— А вы думаете иначе?

— Я не думаю, — ответил он. — Светит солнышко, дождь кончился, женщину красивую встретил сегодня, товарищей похоронил. В общем, я не думаю, я живу. Но неужели это кому-нибудь НАДО? А, ребята? Кому это надо — это солнышко, этот дождь, эти несчастные мужики, которых убили ни за что? Так, минута кончилась, а вы даже не вспомнили о Боге. Плохо, очень плохо. Все свободны.

— Знаете, нам нужен такой человек, как вы, — сказали сектанты.

— Такого человека надо очень долго делать, — сказал Гранцов. — Начните с себя. Все, все, спасибо за внимание.

Он устыдился своей болтливости и перекрестился, отгоняя нечистую силу. Сектанты презрительно улыбнулись и пошли себе дальше, приглядываясь к прохожим.

«И легко же им учить нас жизни!», — мысленно ворчал Гранцов, снова натягивая пиджак на плечи и поправляя галстук перед витриной. Они сами по себе наглядное пособие: вот живи правильно — и ты тоже будешь таким. Живи правильно, молись правильно, плати правильно, и ты тоже родишься в штате Юта, и в десять лет сядешь за руль, а к пятнадцати сам купишь поношенный «фордик», а в сорок лет у тебя будет дом, ты только живи правильно, и все у тебя будет. Ты только не забывай отдавать нам десятую часть своих доходов, а мы уж позаботимся о том, чтобы доходы росли и преумножались, к твоей и нашей радости.

Глубокие философские изыскания не мешали Вадиму выполнять основную задачу, и он не прозевал — он заметил, что в «ниве» запахнулась дверь, и оттуда выскользнула фигура с портфелем. Фигура выглядела совершенно безобидно, но она пересекла улицу. И в следующий миг вся сигнализация внутри Гранцова взревела десятком сирен — *в спортзал вошел чужой*.

Он огляделся, оценивая ситуацию. В машине мог оставаться, как минимум, еще водитель.

Это могли быть обычные посетители спортзала, но Гранцов никогда не видел здесь эту «ниву». Возможно, они заехали сюда по каким-то делам к тренеру — к нему часто приезжали за ценным советом. Но тренер сейчас был занят, и он не отвлекался, когда вел занятие. Что ж, правильно, поэтому они и остались в машине, осаживал себя Вадим. Обычные посетители. Но номер машины все-таки запомним.

Он следил за выходом из спортзала. Чужой не вышел сразу. Значит, он будет ждать не в машине, а внутри. Самое время с ним познакомиться.

Гранцов вошел в вестибюль, как раз когда чужой обрабатывал местную медсестру.

— Наша канадская фирма медицинской косметики проводит рекламную кампанию, — торопливо говорил он, раскладывая перед ней пестрые футлярчики и коробочки.

Сам продавец, видимо, никогда не пользовался своим товаром по назначению. Его щеки были изрыты кратерами старых чирьев, и новый прыщ лилово выпирал над бровью. А густой запах одеколона «Шипр» выдавал привычку к отечественной продукции.

Гранцов присел в сторонке и развернул газету. Торговец работал небрежно. Путал названия кремов, перебивал медсестру, и все время порывался пройти со своим товаром в спортзал. Но вахтерша твердо преграждала ему путь со словами: «Все равно наши ничего не купят, только время потеряете». Медсестра ушла, отказавшись взять даже подарок. И тогда торговец повернулся к Вадиму.

— Здравствуйте, — сказал он, широко улыбаясь и протягивая руку. — Знаете, у вас сегодня очень удачный день.

— Я знаю, — сказал Гранцов, не замечая руки.

«Удачный день! Могли убить, но не убили. Могли засадить в тюрьму, но не засадили. И вправду удачный день. Но откуда тебе это знать, ловец человеков?», — думал он, скользя невидящим взглядом по строчкам газеты.

— Вы даже не представляете, как вам повезло! — не унимался торговец. — Вы же выиграли замечательную записную книжку! Это последняя разработка нашей фирмы. Электронная записная книжка! С будильником и приемником! Вот, возьмите, она вам очень пригодится.

— Спасибо, не надо.

— Первый раз вижу человека, который отказывается от такого подарка. Вы хоть знаете, сколько она стоит в магазине?

Гранцов молча развернул и снова сложил газету. Торговец усмехнулся и сложил все свои товары обратно в кейс. Посидел, поглядывая на зеркало, в котором отражался коридор. Потом вдруг встал.

— Мамаша, — обратился он к вахтерше, — можно у вас портфельчик оставлю, пока в

туалет сбегая?

— У меня тут не камера хранения, — сказала вахтерша.

— Ну, я же вижу, вам можно доверять. Мужской направо или налево?

— Направо.

Он поставил кейс на пол и торопливо вошел в спортзал. «Приспичило», — проворчала вредная тетка и ногой отодвинула кейс.

Гранцов осторожно взял его за углы и переставил в угол, за колонну. Черт его знает, а вдруг там взрывчатка среди флаконов и тубиков? Вот бы Поддубнов загордился! Тротил — это даже почетнее, чем снайпер или самосвал.

Он глянул в окно. «Нива» оставалась на месте и, несмотря на духоту, стекла были подняты.

Гранцов бесшумно двинулся по коридору на мужскую половину. Проходя мимо зала, заглянул в приоткрытую дверь. Айкидоисты стояли попарно, готовясь к новому упражнению. Самая высокая девчонка стояла одна. Вадим вспомнил, что она была постоянной партнершей Поддубнова.

Он кинулся дальше по коридору и вдруг услышал впереди какую-то возню. Шаркнули подметки по полу, а потом раздался сдавленный хрип.

Гранцов рванул дверь. На полу под писсуарами скорчился «торговец». Поддубнов, голый по пояс и с полотенцем на шее, стоял у умывальника, зажимая ладонью левый бок.

— Неужели зацепил? — удивленно сказал он.

— Ты как?

— Все нормально. Касательный удар. Посмотри, что с этим уродом.

Гранцов наклонился над «торговцем», осмотрел и перевернул на спину. Раненый хрипел и матерился, обхватив обеими ладонями рукоятку ножа, который застрял у него под ребрами.

— Живой, — сказал Гранцов. — Что, на собственный нож напоролся?

— Неосторожное обращение с оружием, — сказал Поддубнов и разорвал свое полотенце. — Смотрю, кто-то нырнул в сторону сортира. Дай, думаю, спровоцирую. Захожу сюда. Никого. Затаился, урод, и не дышит. Ладно, думаю, спиной к тебе повернуться? Пожалуйста! Пристраиваюсь к писсуару. А он все не начинает. Тогда я начал свистеть, чтоб шаги его заглушить. Такие условия создал. Ну, тут-то он и не выдержал, кинулся.

— С-суки! — захрипел «торговец». — Ах вы падлы, падлы опущенные!

— Смотри-ка, у него в животе клинок, а он еще ругается, — удивился Гранцов. — Тебе, брат, молиться надо, а ты все матом да матом.

— Обидно, — пожаловался Поддубнов. — Меня хотели зарезать вот этим недоноском. Да я таких пальцем протыкал.

— Что делать, инфляция, — сказал Вадим.

— Как бы не загнулся. Может, «Скорую» вызвать? — сказал Поддубнов, обматываясь полотенцем.

— Нет, постой. Есть более продуктивная идея.

Холодной водой из-под крана он плеснул в лицо «торговцу». Тот перестал хрипеть и открыл глаза.

— Не шевелись, — сказал ему Гранцов. — У тебя нож в кишках застрял. Не будешь дергаться, все будет нормально. Только не шевелись. Главное, не вытаскивать лезвие, понимаешь?

— Дышать... больно... — сказал «торговец». — Мужики, не сдавайте ментам... Сукой буду... Сколько надо заплатим, базаров нет... Есть доктор... К нему надо ехать...

— Соображаешь, — сказал Гранцов. — Борис Макарыч, ты иди в зал, не нарушай тренировочный процесс. А мы пока побеседуем.

— Вы чего, мужики... — раненый поднял голову и тут же уронил ее, вскрикнув от боли.

— Тихо, тихо, — сказал ему Вадим. — Все нормально, крови нет, тебя заштопают за

полчаса. Ты меня слышишь? Только не шуми, не дергайся, и все будет нормально. Ты зачем вообще полез в такие дела? Ты же нормальный парень, не отмороженный.

— Должок отдавать надо было... Если не отдам, мать убьют, сестренку на иглу посадят...

— Так, понятно, пошли народные предания, — сказал Гранцов. — Эти песни будешь петь на зоне. А мне отвечай конкретно. Борис Макарыч, ты еще здесь?

— Мне же тоже интересно, — сказал Поддубнов. — В конце концов, это меня касается.

— Не только тебя, — заметил Гранцов и в задумчивости щелкнул ногтем по рукоятке ножа. — За этот должок придется многим рассчитываться, так я понимаю? Кого еще заказали? Охранника в жилконторе ты порезал?

— Ой, больно... Не могу говорить...

— Можешь, можешь, — сказал Гранцов, слегка надавив ладонью на торец рукоятки.

— Не надо, а-ы-ы, не надо! Я это, я! Он первый напал, я напугать хотел только!

— И за что же вы нас так не любите? Отвечай, за что?

— Не знаю!

Вадиму не хотелось вести допрос пленного при Поддубнове. Но времени оставалось все меньше, и он перестал церемониться. «Светлые волосы, голубые водянистые глаза, бледная кожа. Северный тип. Плохо переносит боль. Зрачки расширены, не притворяется. Потееет. Боится. Чего? Сейчас он боится того, что боль станет сильнее. Она и станет, но не сразу. Сначала его надо напугать посильнее», думал Гранцов, барабанил пальцами по рукоятке ножа, который всем лезвием сидел в ране.

Когда-то его учили, что добывать информацию можно разными способами, и один из них — пытка. Он и сам, бывало, висел с заломленными локтями на кольцах в спортзале учебного отряда, а однокурсники стояли вокруг и все спрашивали да спрашивали. Пытка — всего лишь способ получения информации, и довольно ненадежный способ. Допрашивающий должен знать, как боль действует на собеседника, и разумно дозировать ее.

Поэтому Гранцов и не старался сделать больно, а только пугал раненого ожиданием новой боли. И раненый реагировал правильно. Он отвечал почти на все вопросы, и только иногда вдруг задышался, лицо его багровело, а потом внезапно становилось серым, и Поддубнову приходилось обливать его холодной водой.

Закончив допрос, Гранцов вытер лицо «торговца» и сказал:

— А теперь прижми тряпку вот сюда. Держи обеими руками, а то кишки вывалятся!

Отцепив от его пояса мобильный телефон, Гранцов спросил:

— Кому ты должен сейчас позвонить?

— Ры... Рыжему.

— Звони.

Раненый замотал головой и прохрипел слабым, еле слышным голосом:

— Сам звони, у меня руки заняты! Нажми зеленую кнопку, номер сам наберется!

— Что ты должен сказать?

— Все ништяк, — сказал раненый и уронил голову, облизывая серые губы.

От мобильного несло цветочным одеколоном, и Гранцов держал его подальше, стараясь не касаться ни ухом, ни щекой. Он услышал сквозь треск и шорох в трубке чужой голос и быстро проговорил:

— Все ништяк. Сваливайте. Я сам уйду. Потом перезвоню.

Потом он вышел из туалета, вытолкав перед собой растерянного бледного Поддубнова, плотно закрыл дверь и сказал:

— Иди в зал. Минут через десять приведи сюда Ерофеича. Не хочу, чтобы у него были лишние проблемы.

— А с этим что делать? Давай я вызову «скорую», — проговорил Поддубнов. — Пацан совсем плох.

— Нет. Иди в зал и возвращайся с Ерофеичем, — повторил Гранцов.

— А «скорую» кто...

— Я все сделаю, — заверил Вадим.

Он проследил, чтобы Борис Макарович вернулся в строй, не отвлекаясь на телефонные звонки. «Скорую» вызывать было поздно. Из раны вокруг лезвия сочилась, вяло пульсируя, черная кровь. Это означало, что длинный нож пробил печень. Были и другие признаки того, что раненый не дотянет до больницы.

Такие вещи запоминаешь на всю жизнь. Когда-то капитан Гранцов сам бинтовал своих бойцов, и в горячке боя успевал сообразить, кому надо наложить повязку поплотнее, кого грузить в вертолет первым, а кому просто вколоть еще одну дозу промедола, потому что ему уже все равно не дотянуть до госпиталя.

Незаметно выглянув в окно, он обнаружил, что «нива» еще стоит на старом месте, но из выхлопной трубы уже вылетают колечки белого дыма. Все ее дверцы были распахнуты для проветривания. В машине, как оказалось, находились двое спутников «торговца». Они непрерывно прикладывались к своим мобильникам, и чужой телефон в кармане Гранцова трещал, не переставая. Наконец, они громко захлопнули двери и уехали. Но Вадим успел их разглядеть и постарался запомнить.

Когда Поддубнов привел тренера, «торговец» уже затих, накрытый газетными страницами.

— Что с ним? — подавленно спросил мичман.

— Готов, — коротко ответил Гранцов. — Ерофеич, тут у нас что-то вроде харакири. Посмотри.

Он отогнул газету. Тренер наклонился, поглядел и, выпрямившись, спокойно кивнул.

— Он на меня напал... — начал Поддубнов, но осекся, когда тренер взял его под локоть.

— Не надо, Батя. Бывает, — сказал Ерофеич. — Что делать-то будем? Через два часа придут вечерники заниматься. У меня есть полиэтилен. Можем упаковать и припрятать в кладовке, а ночью выбросим в Неву.

«Вот тебе и тренер, — подумал Вадим Гранцов. — Воспитатель молодежи. Из него мог бы выйти неплохой рукопашник».

— Сделаем так. Через пять минут звони 02, — распорядился он. — Никаких подробностей. Скажешь просто, что имеешь труп неизвестного с колото-резаными ранами. Когда его будут увозить, проследи, чтоб он был как следует завернут. Возможно, за спортзалом наблюдают. Выведешь Батю через пожарную лестницу, по чердаку во двор. Борис Макарыч, а ты оттуда быстренько переходишь улицу и сидишь на автобусной остановке. Я тебя там подберу. Давай ключи от «ситроена».

— Надо наши показания согласовать. Что говорить ментам? — спросил тренер.

— Что труп обнаружил посетитель. Фамилия — Гранцов. Дашь мой домашний телефон и адрес. Все вопросы ко мне. Семь бед, один ответ. Дальше: вахтерша и медсестра видели, как *этот* входил. Они с ним общались. Пусть показывают все как есть, ничего не придумывают. Растолкуешь им?

— Добро. Батя, раздевайся, давай перевяжу, — тренер раскрыл настенную аптечку и достал индпакет. — Вадим, если нужна будет помощь, дай знать. У меня занимаются хорошие адвокаты. Организуем юридическую поддержку. И всю остальную тоже.

— Добро.

Пока тренер обрабатывал и бинтовал Поддубнову порез, Гранцов позвонил в свою жилконтору и продиктовал телефонограмму для следственной группы, которая, как видно, получила там постоянную прописку: «В спортзале на Октябрьской набережной новый эпизод по вашему делу. Рекомендую ознакомиться. Особенно с ножом.

Подпись: доброжелатель Гранцов».

Он почти не надеялся, что от этого звонка будет хоть какая-то польза. Судя по всему, ребята в штатском предпочтут отрабатывать собственные версии. Но это уже их проблемы. А Гранцов занес в блокнот новые данные. Данных, впрочем, было негусто.

Первое. Киллер-неудачник не испытывал личной неприязни к своим жертвам. Вместе

со своими напарниками он просто отрабатывал заказ. Чей? О заказчике он ничего толком не мог сказать. Знал только, что приезжий.

Второе. Заказчик дал подробные наводки на пятерых. Эти люди, по словам заказчика, вырезали всю его семью в Приднестровье и разграбили его ювелирный цех, пока румынские гэбисты пытали его в застенках Кишинева. (Хорошая легенда, дающая киллерам моральное основание для работы). Трех эта шайка уже «списала». «Торговец» их перечислил: «молдаван», «босьяк» и «майор». Осталось «вычеркнуть» двоих последних — «толстого» и «хачика». Шайка получила тысячу долларов на карманные расходы. Но это не плата за убийство. Им не причиталось никаких денег за выполнение заказа, потому что это было что-то вроде вступительного экзамена. Когда работа будет закончена, шайка вольется в «структуру» заказчика.

Третье. Где сейчас этот заказчик? Как с ним связаться? На эти вопросы раненый не мог ответить — он просто терял сознание. Может быть, прикидывался. Может быть, Гранцов что-то делал не так. А еще можно было заподозрить предварительную психическую обработку. Теоретически Вадим представлял, как это делалось. Когда-то он знал и о том, как преодолевать такую блокировку. Сейчас на это не было ни условий, ни времени. Хорошо еще, что умирающий продержался так долго.

Два перечеркнутых кружка слева, а справа два кружка со звездочкой внутри. От них отходили линии к большому флагу, под которым он написал «База». Так Вадим обозначил на схеме свои потери и победы: двое погибли, но ему с мичманом удалось выжить. От Базы еще несколько линий к пустым кружкам, которые означали Доктора Керимова, коменданта Базы и иностранного управляющего. Кого еще? Он подумал и пририсовал еще два кружка: для Добросклонова и Регины.

Теперь ему предстояло сделать все, чтобы ни один из этих кружков не пришлось перечеркивать.

Глава 6. Пополнение прибыло

Поддубнов подбросил его на «ситроене» до места встречи с Добросклоновым, высадил и умчался: по шоссе он не мог ездить, как Гранцов, «гусиным шагом».

Скинув дорогой пиджак и натянув на плечи камуфляжную куртку, Вадим Гранцов ощутил прилив спокойной уверенности.

— Не могу понять, куда ты нас везешь, — говорил Добросклонов. — Я же вижу, там дальше ни одной дороги нет.

— А нам дороги не нужны, — ответил Гранцов, съезжая на незаметную колею.

«Уазик» забирался все глубже в лес. Гранцов, тайком поглядывая в зеркало, видел, что Регина Казимировна оглядывалась скорее с любопытством, чем с тревогой. Наконец машина остановилась перед густой стеной кустарника.

— Всё? Приехали? — спросил Добросклонов.

— Почти. Нужна твоя помощь. Видишь вон ту толстую ветку? Подойди к ней и оттяни на себя. Она у нас вместо шлагбаума.

Гошка, ворча, выбрался из машины и потянул за ветку. Она с шелестом распахнула проем в кустарнике, и «уазик», взревев, полез прямо в листву. Ветки звонко хлестали по стеклам и брезенту, и Регина непроизвольно закрыла лицо ладонями. А когда открыла, машина уже стояла на бетонной трассе. Из кустов выбрался мокрый Добросклонов.

— Ну, спасибо, — приговаривал он, отряхиваясь. — Ну удружил. Я же весь в клещах теперь, энцефалит обеспечен.

— Да ладно тебе причитать, — сказал Гранцов. — Сейчас мы вас обоих сразу в баню, всю заразу выбьем.

— Ненавижу баню, — простонал Добросклонов.

— Я тоже, — сказала Регина.

— Отставить разговорчики.

Бетонка то взбиралась на сопку, на миг показывая озеро за кронами сосен, то круто ниспадала обратно в лес. Поворот, еще поворот, облезлый щит «Запретная зона», и вот она, родная колючая проволока поперек дороги, и железные ворота со звездой. Приехали.

— Посидите пока в машине, — приказал Гранцов. — Сначала надо определиться, где вас разместить.

Шагая по каменной тропинке к штабу, Вадим вдруг почувствовал, что чего-то не хватает. Он огляделся и не сразу понял, что просто кончился дождь. «Ну, теперь жди гостей», подумал он. И первое, что он услышал от Доктора Керимова, было:

— Э, теперь жди гостей. Как отдежурил?

— Да не очень удачно, — сказал Гранцов. — У нас небольшие проблемы, брат.

Керимов настороженно поднял голову, оторвавшись от пришивания пуговицы к рубашке.

— БМП приехал перевязанный, ты про это? Ничего не говорит. Он думает, я ничего не заметил. А я все вижу, только ничего не говорю. Что за проблемы?

Гранцов доложил все, что узнал за последние шестнадцать часов, исключая только дело Гошки Добросклонова. Если в тексте встречается непонятное место, мы перечитываем его несколько раз, чтобы понять. Так получилось и здесь. В очередной раз поведав историю своей поездки в город и коротко изложив показания «торговца», Вадим уверенно заключил:

— Кажется, нам пока придется занять оборону. Противник настроен серьезно.

— А я как раз завтра хотел на почту съездить, — сказал Керимов.

— Знаю, — кивнул Гранцов. — Почта отменяется.

По пятницам Доктор Керимов получал всю свою корреспонденцию в отделе «до востребования». Сейчас ему особенно важно было навестить почту, потому что он давно уже ожидал писем от своей жены и двух дочек, которые были отправлены на лето в Баку.

— Слушай, кому я нужен? — сказал Керимов. — К тому же тот негодяй, который на нас охотился, сейчас уже в морге. Чего нам теперь бояться?

— Я тебя понимаю, Доктор-джан. Но эту неделю надо отсидеться. Затаимся на время.

— Э, спорим, ничего не будет? Спорим, я спокойно уеду-приеду, и меня даже комар не укусит? Если не веришь, поехали вместе!

Поехать вместе с Керимычем на почту? Об этом Гранцов думал с той самой минуты, как накрыл покойника газетой. Их осталось всего лишь двое. Двое. И *им* осталось убрать только одного. «Толстого» (в смысле Поддубного) убили почти у них на глазах. А уж с безобидным «хачиком» справиться гораздо легче, чем с остальными. *Они* пойдут на это даже вдвоем. Что ж, надо сделать вид, что мы ничего не знаем. Выманить *их*. И прихлопнуть.

— Ладно, брат. Придумаем что-нибудь. Но об этом позже. Будем решать задачи по ходу. Что сегодня главное? Приготовить достойную встречу новым хозяевам.

— Уже звонили, э! Будут абсолютно точно. Человек двадцать. Еда и питье — все везут с собой. Едут с ночевкой.

В дежурку вошел Борис Макарович в новенькой тельняшке, которую он явно только что выдал сам себе на вещевом складе.

— Гости — вот задача номер один, — провозгласил он. — Война войной, а баня баней. А работать некому.

— Справимся, — сказал Гранцов. — Я привез двоих: мой брат и с ним женщина. Согласны на любую работу. Я ручаюсь.

— Выбирать не приходится. Керимыч, займись новыми людьми, — сказал Поддубнов. — Сначала только устроиться помощи. Женщину в медсанчасть. Мужика в гостевую. Срочно вводи в курс.

— Есть, начальник, — козырнул Керимов.

Наблюдая через окно, как Доктор помогает выгружаться гостям, Поддубнов спросил:

— Как он пережил, что завтра почта отменяется?

— А она не отменяется.

— Димыч, опять ноздри раздуваешь? Не сидится тебе на месте, как я погляжу.

— Хочется поскорее отвязаться от этих уродов.

— Отвязаться? — Борис Макарович осторожно присел на табурет, стараясь не наклоняться. — От одного ты уже отвязался. Удивил ты меня, майор, удивил.

— Ты насчет «скорой»?

— Эти десять-пятнадцать минут могли спасти пацана. Если бы сразу позвать. Не допрашивать, а врача вызвать. Или перевязку хотя бы...

— Не было смысла, — как можно деликатнее сказал Гранцов. — Я видал такие раны. Никаких шансов. Печень, внутреннее кровоизлияние.

— Получается, это я его угробил?

— Он сам виноват. Ты же не бил его ножом в живот, он сам напоролся. Сам.

— Нет. Это я его насадил на клинок. Сам не заметил, как вышло, — Поддубнов недоуменно поднес ладони к лицу. — Блок, разворот, заломил локоть. И готово.

— Так как насчет почты? — Вадим Гранцов не хотел показаться еще более черствым, чем был на самом деле. Но сейчас у него не было времени на покаянные речи. — У них есть наводка на Керимыча. Они знали про мое дежурство, знали про твое айкидо. Скорее всего, они знают, когда он покинет базу и появится на почте. Считаю целесообразным снова сыграть на опережение.

— Я против, — отрезал Поддубнов.

— Основание?

— Вот оно, основание, — мичман осторожно похлопал себе по забинтованному боку. — Хватит нам одного трупа. Ты что же думаешь, майор, они завтра поднимут лапки и побегут сдаваться на явку с повинной? Ты же их валить собрался, я же вижу!

— Слова-то какие, «валить»! — протянул Гранцов. — Было бы чем, завалил бы, не сомневайся. Нет, товарищ мичман, мы будем действовать строго в рамках капиталистической законности. Сколько из нас Железняк солярки выдоил? Цистерну, не меньше. Вот пускай и отрабатывает.

— Железняк тебе отработает, — смягчившись, проворчал Поддубнов. — Как же, от него дождешься.

— Мы не можем ждать милостей от милиции, — продекламировал Вадим Гранцов. — Взять их у нее — вот наша задача.

Но мичман Поддубнов был иного мнения о первостепенных задачах. Он открыл холодильник и вытянул початую бутылку водки.

Вадим, не дожидаясь распоряжений, запер дверь на ключ, открыл тумбочку с документацией дежурного и достал оттуда два стакана.

— Помянем, — обреченно произнес Поддубнов. — По семьдесят грамм, не больше.

Он расстелил на столе льняное полотенце с украинским орнаментом на краях и принялся нарезать свежий хлеб. Отрезав горбушку, Поддубнов остановился и поглядел на свой нож.

— Клинок у *него* был — будь здоров, — сказал он. — Знаешь, майор, не меньше, чем штык-нож от «калашников». Я даже удивился. Подумал, что он на меня с кухонным ножом прет.

Мичман накромсал еще пару неровных ломтей, после чего разбил кулаком луковицу и налил водки.

— Не чокаемся, — предупредил он.

Вадим Гранцов понимал, что любые его слова сейчас покажутся лишними. Поддубнов держался отчужденно, словно скрытая обида жгла его изнутри.

— Давай добьем, что ли, — мичман понюхал горбушку и снова плеснул водку в стаканы. — Не берет ни хрена.

— Да, клинок был длинный, — сказал Вадим. — Слишком длинный. Таким свиней забивают.

— Пей, говорить потом будем, — приказал Поддубнов.

Он устало отодвинулся от стола и прислонился к стене. Лицо его покраснело, и на лбу выступил мелкий пот. Вторая доза подействовала быстрее.

Гранцова тоже охватило приятное тепло, он снял пиджак и повесил его на спинку стула. Еще больше распустил галстук и закатал рукава сорочки. Одна из запонок упала на пол и закатилась под стол, но он не стал за ней наклоняться. Эта запонка ему больше никогда не понадобится, потому что он больше никогда не станет наряжаться в представительский костюм.

— Обманул ты меня, майор, — глухо заговорил Поддубнов. — Обманул. Всего-то и нужно было набрать 03. Погоди, не говори ничего. Я знаю, что ты скажешь. Но когда человек умирает, надо вызывать «скорую». Пусть он умрет на руках у врачей. Я теперь до конца жизни буду его вспоминать. Ты это понимаешь? Понимаешь, знаю, понимаешь. Погоди, не отвечай. Он мне снится будет каждую ночь. Я же знаю, из-за таких снов люди с ума сходят.

«Во-первых, с ума сходят не из-за снов, а из-за бессонницы, — хотел сказать Вадим. — Во-вторых, ты об этом довольно быстро забудешь. В-третьих, самое главное: когда снятся убитые враги, это приятно. Ты удивишься, тебе будет стыдно, и ты никогда в этом не признаешься. Но видеть труп того, кто хотел убить тебя — это приятно». Он мог бы сказать и больше, но сейчас Поддубнов не нуждался в его словах.

Гранцов думал о том, как неожиданно раскрываются люди, сталкиваясь со смертью. Ерофеич, тренер-самоучка и бывший учитель географии, ничуть не смутился при виде трупа. Наверно, потому, что он был на работе и думал прежде всего о работе. А вот Поддубнов — раскис. Начал переживать. То есть думать о себе, о своем драгоценном душевном покое, которого он лишился. Да он просто пороха не нюхал, подумал Гранцов — не пренебрежительно, а сочувственно. Борис Макарович подготовил к бою сотни отличных солдат. Многие из них остались живыми только благодаря ему. Он был в Афганистане и застал там горячее время, 86-й год. Но воевать мичману Поддубнову не довелось. Свою командировку он провел в Кабуле и занимался, в основном, отправкой цинковых гробов. Несколько раз ему пришлось сопровождать убитых героев на родину. Он мог бы привыкнуть к виду смерти. И, наверно, привык, иначе давно бы спился. Почему же он раскис на этот раз? Потому что до сих пор он противостоял смерти, а сегодня оказался с ней заодно?

— Мы убили его, понимаешь, майор? — Поддубнов сосредоточенно разглядывал пустой стакан. — Парень мог бы выжить, а мы...

— Не мог, — коротко сказал Гранцов. — От таких ударов человек кончается сразу.

— Но он же не кончился!

— Потому что боялся, — Вадим торопливо заговорил, не давая мичману возразить: — Чтоб умереть быстро, надо расслабиться и спокойно ждать конца. А если цепляешься за что-нибудь, то можно протянуть долго. Этот парень цеплялся за страх. Он очень боялся боли. И очень боялся умереть. Страх держал его на плаву. И пока он держался, он успел нам все рассказать. Может быть, своими показаниями он спас твою жизнь, мою жизнь и жизнь Керимыча. И может быть, ты спас еще много других людей, когда убил его.

— Я не убивал!

— Не убивал. Но убил, — безжалостно сказал Гранцов. Он понимал, что водка уже затопила последние островки самоконтроля. Он знал, что говорит лишнее. Но остановиться было бы нечестно. Для того и пьем, чтобы высказать невысказанное. — Постой, не перебивай, старшина! А знаешь, почему ему было страшно умирать? Потому что он вдруг понял, что его ждет после смерти. Не конец мучений, а только самое начало! Вот тебе — страшно умирать? Жалко, обидно, противно. Но не страшно. А ему было именно страшно!

— А тебе? — спросил Поддубнов.

— И мне будет страшно, — признался Вадим, решительно вставая и натягивая тесный пиджак. — Но обо мне поговорим в следующий раз. А сейчас нам пора на разведку. Ты готов?

— Готов, — послушно кивнул Поддубнов.

— Тогда пошли.

— Пошли.

Они слаженно и быстро навели порядок в дежурке, то есть вытряхнули стаканы и спрятали их обратно в тумбочку с документацией. Поддубнов завел свой «ситроен».

— Вы куда такие красные? — недовольно спросил Керимов, распахивая ворота.

— Скоро будем, — как обычно, безо всякой логики, ответил Гранцов.

«Ситроен» остановился перед поворотом, и Поддубнов щелкнул какими-то тумблерами, отчего машина задрожала и начала медленно приподниматься над дорогой.

— Чуешь, как растет клиренс? — гордо спросил мичман. — За что люблю эту тачку, так только за переменный клиренс.

Он свернул на узкую лесную дорогу, и машина понеслась, раскачиваясь, как лодка на высокой волне. Гранцов уперся ногами в пол и с небрежной улыбкой откинулся в кресле, незаметно вцепившись руками в обивку сиденья. Только так он мог спасти свою голову от слишком частых ударов о потолок. Поддубнов гнал «ситроен» по своей любимой дорожке, которая самым коротким путем вела на станцию, где была почта, и где жила одна из его подружек.

— Сначала заглянем к Танюшке, — говорил Поддубнов, с пугающей резкостью вертя руль, чтобы увернуться от набегающих сосен, ухабов и колдобин. — Танюшка нас покормит, а то какая ж это разведка на пустой желудок.

— Нет, — подумав, решил возразить Вадим. — Сначала обследуем местность, продумаем возможные варианты. Нам нужна ясная голова, чтобы все продумать. Чтобы ничего не упустить. Я лучше соображаю, когда голодный.

Поддубнов едва заметно нахмурился и задержался с маневром, отчего машину подбросило на ухабе. Причем удар пришелся как раз по правой стороне, где сидел Гранцов. Вадим успел вовремя стиснуть зубы, иначе бы прикусил язык.

— Я с утра не евши, — пробасил мичман жалобно. — А у Танюшки супчик грибной. Со сметанкой. Да с водочкой.

— А после водочки что? — поинтересовался Гранцов. — Отправишь меня домой своим ходом? Да? А сам останешься до утра, как в прошлый раз? Нет уж. Сначала дело, потом Танюшки и Валюшки.

— Вредный ты, майор, — заключил Поддубнов.

Он остановил «ситроен» сразу за переездом, прижавшись бампером к домику стрелочницы. Отсюда, глядя в просвет между кустами сирени, они видели небольшую площадь с непросыхающей лужей посередине. На одном берегу лужи белело здание почты, где размещались еще и сберкасса, и аптека, и книжный магазин. Все эти учреждения обслуживались тремя расторопными тетками пенсионного возраста.

Напротив почты стоял стеклянный павильон, в котором когда-то была пивная, прокуренная и мутная. Сейчас витрины сверкали чистым стеклом, в дверях колыхалась пестрая бамбуковая занавеска, а вход украшала расписная арка. По краям арки красовались силуэты Эйфелевой башни, а в середине пылали пунцовые буквы: МАРСЕЛЬ.

Глава 7. Наши в «Марселе»

— Новая шашлычная открылась, — задумчиво проговорил Поддубнов. — Можно и оттуда наблюдать. Обзор первоклассный.

— Каким маршрутом обычно Керимыч выходит на почту? — спросил Гранцов, сделав вид, что не расслышал намека. — Он подъезжает по шоссе, сворачивает и оставляет «уазик» на повороте. Так? А сам идет вдоль забора, обходит лужу, заглядывает в аптеку, если надо, а оттуда по веранде проходит к отделу доставки. Получается, что минуты две-три он на виду и без прикрытия.

— Что же он, по-твоему, три минуты идет через площадь?

— Нет. Минута — туда, минута обратно. Плюс-минус еще минута. Такая ситуация

подсказывает применение огнестрельного оружия. Могут подкараулить в своей машине у поворота. Как только он выйдет из «уазика» — выстрел, контрольный, и по газам.

— Какая у них машина?

— «Нива».

— Давай теперь пройдемся вокруг. Может, еще что-нибудь придумаем, — предложил Поддубнов. — А вдруг они сейчас сидят в шашлычной и обсуждают свои действия?

Гранцов молча набросал на страничке блокнота схему площади и провел три пунктирные линии. Если Керимыч пойдет так же, как обычно, его будет трудно подстраховать. Если же отправить его каким-то иным путем, нападающие могут и отказаться от своих планов. И тогда их будет труднее обнаружить.

Задумавшись, он рассеянно поглядел сквозь пыльное лобовое стекло — и тут же захлопнул блокнот, потому что к «ситроену» направлялся участковый Железняк.

— На кого засада? — спросил он весело, наклонившись к окну водителя.

— Какая засада? — Поддубнов покраснел. — С чего ты взял? Сидим, разговариваем, никого не трогаем.

— Когда два старых браконьера сидят в кустах, да еще в машине с запотевшими стеклами, это точно засада, — Железняк по-свойски распахнул заднюю дверь и забрался в салон. — Колитесь, граждане. Чистосердечно колитесь, все равно узнаю. Кого высматриваете? Новые бабы на базу едут, что ли?

Вадим Гранцов знал, что участковый не отвяжется. Кроме того, он знал, что участковый просто так не привязывается. Поэтому он спросил:

— Мы тебе нужны?

— Да, — серьезно ответил Железняк. — Короче, надо присмотреть за двумя клиентами, пока я за нарядом слетаю. Мне их одному не скрутить.

— Кого надо скрутить? — оживился Поддубнов.

— Никого не надо. Ваше дело — сидеть спокойно и смотреть. Никого не трогать. Поможете? Я быстро. Димыч, Макарыч, помогите?

— Что за клиенты? — спросил Гранцов.

— Двое приехали. Сидят в шашлычной. Раньше их не видел. Сегодня появились. Короче, не нравятся они мне. Ведут себя вызывающе, на замечания не реагируют. Задержу, промариную в обезьяннике, потом начну вопросы задавать.

Поддубнов и Гранцов переглянулись, и Вадим сказал:

— Ты будешь смеяться, капитан, но мы сюда приехали как раз для того, чтобы увидеть двоих клиентов. И наши клиенты нам тоже не нравятся.

— Есть проблемы?

— Наехали на нас, капитан. Наехали очень серьезно.

— Рэкет? Чего хотят?

Поддубнов сказал обиженно:

— Хотят, чтоб нас не было.

— Выкуривают из бани? — Железняк ничуть не удивился. — Давно к этому шло. Короче, мне все ясно. Это коменданта вашего надо брать за яйца. От него все идет, точно говорю, к бабке не ходи. У меня уже с весны на него запросы идут. Короче, или он нахапал слишком много, или не поделился с кем надо, или и то и другое. А теперь зачисткой занялся, тварь. Вас выкинет, склады спалит, и на вас же все спишет. Точно говорю, это комендант вас выкуривает, чтоб вы с базы ушли. Так значит, Димыч, эти уроды по твою душу явились?

— Не знаю. Надо посмотреть на них поближе, — сказал Гранцов, надевая «представительские» очки.

— Значит, ведут себя вызывающе? — уточнил мичман. — И на замечания не реагируют? Может быть, они и побить кого-нибудь захотят из хулиганских побуждений?

— Да нет, на почве неприязненных отношений, — поправил его Гранцов. — Ладно, капитан, мы за ними присмотрим.

— Только не трогайте никого там! — попросил Железняк.

— Это уж как получится, — протянул Поддубнов, и Вадим понял, что мичман пришел в себя.

Они еще постояли у входа в шашлычную. Щелкая зажигалкой, Гранцов успел через витрину оглядеть зал. Посетителей было немного. Какой-то здоровяк в кожаной куртке торопливо доедал шашлык. В другом углу зала за сдвинутыми столиками сидела развеселая компания. Три девицы и двое парней с тонкими шеями.

— Это не наши, — сказал Гранцов, отбрасывая сигарету.

— Жалко, — Поддубнов раздвинул бамбуковые гирлянды и шагнул внутрь.

Не успели они устроиться за угловым столиком, как к ним подлетел чернявый улыбчивый толстячок в белоснежной поварской куртке на голое тело.

— Что кушать будем?

— Пока посидим, подумаем, — солидно ответил Поддубнов.

Гранцов знал, что в заведениях общественного питания мичман покупает только пиво, и только бутылочное, и пьет его прямо из бутылки, не доверяя общественным стаканам. Толстячок-официант этого не знал, поэтому продолжал улыбаться и стоять над душой, а его круглый животик нависал над столом:

— Зачем подумаем? Шашлык из баранины, из свинины, из курицы.

— Верно, зачем зря думать, — сказал Гранцов и достал из кармана смятую долларовую десятку, которую брат дал ему на такси. — Валюту принимаете? Организуйте нам что-нибудь вкусное на эту сумму.

— Пить будем?

— Мы за рулем.

— Тогда так, — официант на секунду задумался, щелкая калькулятором. — Шашлык ассорти, нарзан, копченая форель, два пива. Нормально?

— Добро, — кивнул Поддубнов. — Начнем с нарзана.

В руках у него уже появилась зеленая бутылка с этикеткой цвета хаки. Вадим понял, что со склада мичман прихватил не только новую тельняшку. В таких сосудах емкостью 0,250 л содержалась жидкость с аппетитным названием «Спирт пищевой», и в особых случаях старшина Поддубнов использовал ее по назначению, то есть как добавку к пище. Сегодня был как раз такой особый случай.

Если бы Гранцов с мичманом обнаружили в кафе тех, кого искали, то, конечно, они не позволили бы себе продолжить выпивку, начатую еще на Базе. Но двое наглых юнцов не требовали к себе особого внимания, поэтому Вадим расслабился. К тому же сегодня был последний день, когда можно выпить. Завтра будет засада, послезавтра приедут новые хозяева, а с ними не загуляешь. Ничего, утешал его Поддубнов, ко всякому начальству можно приноровиться. И не таких обламывали. Подумаешь, институт! Да у нас академики спиртягу хлестали не хуже бортмехаников. Лауреаты, Герои, секретоносители высшей категории! И похмеляться не брезговали. Ничего, обломаем и твоих сектантов. Поправим ихнюю карму в нашу, русскую сторону, заключил старшина и снова разбавил спирт нарзаном.

Приятный туман обволакивал сознание, но Вадим краем глаза продолжал следить за подопечными Железняка. Что-то не нравилось ему в их поведении. Но только после того, как они заказали еще пять бутылок шампанского, Гранцов насторожился. Он понял, что эти парни не пили. Девочек поили, но сами только поднимали стаканы, чокаясь. Они вели себя шумно, они явно хотели казаться пьяными, но они притворялись. Такое притворство способен заметить только пьяный, похвалил себя Вадим.

Теперь он стал внимательнее прислушиваться к соседям. Судя по всему, это были два «дембеля», у которых еще продолжались празднества по случаю ухода на гражданку. Неделию назад, как стало понятно из их реплик, они выбрались из города на дачу к одной из девиц, да и загуляли тут, на глухом озере, пропивая свои шальные деньги. Деньги они привезли из Ингушетии, где служили в охране фильтрационного лагеря. В боевых действиях не участвовали, хотя и пытались рассказать о своих подвигах. Но майор Гранцов, даже в не

самом трезвом виде, быстро различал, когда солдат говорит правду, а когда врет. Про вдову, которая запихивала им доллары в подсумок, чтобы ее пропустили к телу мужа — это правда. А про зачистку на окраине Моздока — вранье. Во-первых, Моздок находится не в Ингушетии. А во-вторых, конвоиров, топтунов и прочих овчарок не берут на зачистки. Гранцову уже хотелось вмешаться в их беседу и внести кое-какие поправки, но он сдерживался. Потому что был пьян, а дембеля оставались трезвыми. А трезвые не терпят замечаний от пьяных и отвечают обычно кулаками, не находя других аргументов.

— Да не смотри ты на них, — Борис Макарович наступил ему на ногу под столом. — А то испугаются и убегут. Ты на меня смотри.

— Насмотрюсь еще, — ответил Вадим и нехотя повернулся к окну. — Где там этот Железняк? Он шел на Одессу, а вышел к Херсону?

— Не пой, ты что? Развезло тебя с двух стаканов? Ты закусывай, закусывай плотнее. Смотри, какая форель! Финская, небось. А помнишь, яйца продавались финские по рубль тридцать?

— По девяносто копеек, — поправил Гранцов.

Мичман Поддубнов подпер щеку кулаком и принялся перечислять цены на продовольственные товары. Чувствовалось, что он не в силах расстаться с тем временем, когда люди были уверены в завтрашнем дне, верили партии и ходили строем. Вадим не слушал его, потому что за спиной раздавались гораздо более интересные речи.

Дембеля «наезжали» на официанта. Тот попросил расплатиться за шампанское, а в ответ услышал, что он еще слишком юн, чтобы требовать денег от дедушек. Вадим обернулся и увидел, что официант почесал каракулевый затылок, пожал плечами, улыбнулся, да и пошел к себе обратно на кухню. А вслед ему неся звонкий девичий смех.

— Да где ж он застрял, твой Железняк? — проворчал Поддубнов. — Обстановка осложняется.

Вадим встал из-за стола, аккуратно отодвинув свой стул, и по идеальной прямой вышел на буфетную стойку. Официант сидел за ней, низко пригнувшись к большой кастрюле, стоявшей на полу, и быстро чистил картошку длинным сверкающим ножом.

— Один вопрос, — произнес Гранцов, поправляя надоевшие очки. — Форель у вас финская?

Он сказал первое, что пришло в голову. На самом деле ему хотелось сейчас просто немного поддержать этого толстяка, который оказался один против пьяной агрессивной толпы. Нет, поправил себя Гранцов, пьяные там только девки. А с парнями надо повнимательнее.

— Зачем финская? — официант вытер руки и встал, жизнерадостно улыбаясь. — Сами делаем. Нашли старые бассейны, купили мальков, оборудование. Выгодное дело. Лучше, чем бараны или свиньи. Чистота, тишина, красота. На следующий год попробуем осетровых делать.

— Я знаю, где вы нашли старые бассейны, — догадался Гранцов. — За озером? Старая деревня?

— Была старая, теперь совсем новая, — поправил его официант.

— Как же вы туда добываетесь из города?

— А зачем нам город? Мы там живем. Хорошее место, лучше, чем в городе.

— Так мы соседи, — сказал Гранцов. — Мы тоже на озере живем. На другом берегу. Будем знакомы. Вадим.

— Очень приятно, — еще жизнерадостнее улыбнулся официант. — Марсель.

— Марсель? Редкое имя.

— Армяне любят редкие имена.

— Не только армяне, — сказал Гранцов. — Я знаю азербайджанца по имени Доктор.

— Э, Керимова все знают. Видите, как бывает, да? Там у армян с тюрками война, а здесь мы дружим. Честно говоря, мне очень приятно познакомиться с такими соседями. Доктор для нас много сделал. Очень, очень приятно. Зовите меня просто Маро. — Официант

тщательно вытер руку и протянул ее поверх прилавка.

Вадим пожал мягкую, но сильную ладонь, и услышал за спиной насмешливый голос одного из парней: «Сейчас целоваться начнут. Это зверье все педики. Обнимаются, целуются. Им даже бабы не нужны. Мальчика поймают и рады. А не поймают, тогда козу. Чего вы ржете, я дело говорю! Сам видел. Нет, я вам отвечаю, все они педики».

— Извини, Маро, — Гранцов медленно развернулся.

Стекла его очков запотели, поэтому ему пришлось низко опустить лицо, чтобы поверх оправы разглядеть говоривших о его сексуальной ориентации. Нет, эти парни были совершенно трезвыми. Не надо с ними драться. К тому же они говорили даже не о нем, а вообще о народах кавказского региона. Он перехватил беспокойный взгляд Поддубнова и приложил палец к губам.

— Я молчу, — пьяно растягивая звуки, произнес Вадим Гранцов. — Я ничего не слышал и никого не трогаю.

— Еще бы ты, жидовня сраная, кого-то трогал, — засмеялись за столом.

Гранцов, покачиваясь, подошел к ним и с укоризной поглядел в глаза. Глаз было много, и он старался уследить за всеми, отчего слегка закружилась голова.

— Ну что уставился, урод очкастый? — спросил один из дембелей и лениво привстал.

— Урод? Очкастый? — Гранцов снял очки и спрятал их в кармашек пиджака. — А так лучше?

Не дожидаясь ответа, он отступил на шаг, потому что парень резко выбросил вперед руку. Вадим перехватил запястье и с разворотом сильно потянул, как бы продолжая направление удара.

Дембель оказался не готов к такому ходу событий. Он перелетел через стол, сметая бутылки, и приземлился у порога, наполовину скрывшись за бамбуковыми занавесками.

Девки взвизгнули. А Вадим спокойно подсел к их столику. Улетевшего он доверил заботам Поддубнова, и сейчас ему хотелось поговорить с оставшимся. Тот растерянно открывал и закрывал рот. Его пальцы впились в край стола. Парень был готов кинуться в драку, но Гранцов так вежливо говорил и так мирно улыбался...

— Ну, отслужил, сынок? — участливо спросил он, глядя в побелевшее лицо. — Чем думаешь заняться? На стройку или в колхоз?

— Дай ему, козлу старому! — лениво проговорила толстая девица с сигаретой в уголке накрашенного рта. — Чего пристает к молодежи.

Лицо дембеля покрылось розовыми пятнами. Он занес бутылку над головой. Гранцов только этого и ждал.

Коротким быстрым движением он ударил парня в подбородок основанием ладони, да при этом еще и привстал, вкладывая в удар всю силу. Под пальцами у него щелкнули зубы. Гранцов, не отрывая руки от челюсти противника, выпрямился и шагнул вперед, опрокидывая его на пол вместе с занесенной бутылкой, вместе со стулом и вместе с девкой, которая сидела слишком близко.

А вот теперь он резко развернулся к первому. Как там дела? Все отлично. Дембель лежал на животе, обе его руки были аккуратно сплетены за спиной, и мичман Поддубнов уже накидывал на них какую-то веревочку. У хорошего старшины всегда найдется веревочка.

Вадим обернулся к поверженному противнику, который пытался выбраться из-под стула и девицы. Что-то сверкнуло рядом, и он пригнулся. Пустая бутылка вспорола воздух над его виском, словно осколок хорошей мины. Толстая девица уже наклонилась за вторым метательным снарядом, но Гранцов неделикатно припечатал каблуком ее рыхлую спину, и она распростерлась на полу. Сзади послышался возмущенный голос Поддубнова:

— Димыч! Уклонист хренов!

И Вадим понял, что бутылка все же попала в цель.

Глава 8. Керимов, инструктор-дровосек

Доктор Керимов больше других обрадовался появлению Регины. Так уж исторически сложилось, что именно ему приходилось заниматься *кухней* — приготовить легкую закуску и какое-нибудь специфическое угощение (раки, дичь, шашлык), красиво сервировать стол, и, в конце концов, помыть посуду. Эта последняя обязанность была для него сущим наказанием. И вот, наконец, появилась женщина, которая хотя бы на эту субботу облегчит его жизнь.

— Да пожалуйста, — сказала Регина. — Могу и судомойкой служить, если надо. Где посуда?

— Посуда пока еще чистая, — сказал Керимов, входя на кухню. — Посуды немного, только плохо, что вся разная, несолидно получается.

— Это вы называете чистой посудой? — сурово спросила Регина, разглядывая на свет граненый стакан. — Есть мыло? Порошок? Как сделать горячую воду?

— Уно моменто, синьорина!

— Синьора, — поправила Регина. — Как хорошо, что я положила в чемодан все свое хозяйство. У вас же ничего нет!

— Сразу видно, что на землю секретного объекта не ступала нога женщины, — заключил Добросклонов.

Это было ошибочное заключение. Доктор Керимов давно уже мог бы призвать на помощь свою жену. Но здесь имелось непреодолимое препятствие — его русская жена была воспитана в строгих бакинских традициях. И к *мужской бане* она принципиально не приближалась. Во всяком случае, никто из гостей никогда и не догадывался о том, что на территории базы проживает женщина.

Когда Доктор Керимов появился на базе, для его семейства был выделен домик при гарнизонном подсобном хозяйстве. Предполагалось перевести все воинские части на самообеспечение мясом. Не в смысле выхода на большую дорогу, а в смысле животноводства. И на базе появились какие-то загончики и сарайчики. Но ни свиней, ни коров на это дело не мобилизовали. Доктор Керимов оглядел инфраструктуру, щелкнул пальцами и, слетав на родину за женой, детьми и вещами, прихватил с собой пару собак с отцовского двора.

Через год он попытался выйти на собачий рынок Питера, но потерпел фиаско — его свирепые алабаши ушли по бросовой цене. Тогда он купил пару сенбернаров и приступил к генетическим экспериментам. Через два года за его щенками «московской сторожевой» начали записываться в очередь.

Керимов начал дело, но вести его дальше пришлось жене. На ее хрупкие плечи легло слишком много: дом, дети, собаки. Доктор, само собой, заикнуться не мог о какой-то помощи по бане.

А когда жена с дочками улетала на все лето в Баку, Керимычу приходилось не только нести службу, но и заботиться о пропитании гарнизона. Втянувшись в непрехотливый холостяцкий быт, он растерял последние навыки по культурному обслуживанию гостей. Естественно, Доктор Керимов просто порхал вокруг Регины, готовый сделать все, чтобы она не отказалась от предложенной работы.

Регина выставила всю посуду на стол перед мойкой, деловито огляделась и скомандовала:

— Все, можете идти, мне больше никто не нужен.

— Есть! — сказал Добросклонов и подтолкнул Керимова к выходу. — Ну, теперь начнется борьба за чистоту. Только держитесь. Ну ладно, а мне-то вы найдете занятие?

— Конечно, слушай, у нас всем найдется занятие, — сказал Керимов. — Кстати, давай на «ты».

— Давай. Тогда зови меня Гоша.

— Очень приятно. А меня зови Керимычем. Я так привык. Пойдем, покажу фронт работ.

Они подошли к дровяному сараю. Увидев дубовые поленья, Добросклонов бодро

сказал:

— Лесорубы, наточите топоры! Была такая производственная песня.

— Подожди с топорами. Сначала распилим пару штук. С короткими тебе легче будет, — сказал Керимов.

Уложив длинный чурбак на козлы, они долго распиливали его на короткие поленья. Нудная работа располагает к разговорчивости. Керимов поведал свою историю, Добросклонов — свою.

— Ты смотри, — удивился Керимов. — Как же можно было машины с таким товаром отправлять так далеко и без охраны?

— Да вот, сам не знаю, понадеялся на милицию, — признался Добросклонов. — Но все случилось по закону Паркинсона. Если что-то может исчезнуть по дороге, то оно обязательно исчезнет в самый неподходящий момент.

— Значит, теперь ты остался ни с чем, и еще должен целый вагон денег? Извини, но это очень похоже на бандитскую подставу, — заметил Керимов. — Они всегда так делают. Сначала дают деньги, потом их отнимают, а потом говорят, что ты им должен.

— Но я не имею дела с бандитами. Это очень приличные господа. «Академия Меры и Чисел». Про бандитские штучки я тебе тоже много могу рассказать. Но мои «академики» — это не бандиты. Это гораздо хуже.

Они вытащили извивающееся полотно из глубокого распила, и Керимов с размаху развалил чурбак пополам.

— Здорово! — сказал Добросклонов. — Всю жизнь завидую тем, кто умеет вот так, одним решительным ударом все кончать. Сознайся, Керимыч, ты ведь, наверно, мясник?

— Наверно, — сказал Доктор Керимов. — Вообще-то я программист. И мясник тоже. Люблю мясо.

— И что программист может делать в этом банном комплексе? Какие программы ты составляешь? Алгоритмы запаривания веника березового при температуре 44 градуса Цельсия?

— Бери топор, — сказал Керимов с усмешкой. — Поднимай прямо над башкой. Смотри сюда, на середину палки...

— На середину полена, — поправил Добросклонов, занеся топор. — Трубка двадцать, прицел пятнадцать, бац-бац, и мимо.

— Мимо не будет. Когда будешь рубить, глаза не закрывай, смотри в одну точку. И чуть-чуть ноги сгибай. Пошел!

Добросклонов рубанул, но его топор завяз в чурбаке.

— Ай, молодец, хорошо попал! Только присел мало, — ободряюще сказал Керимов. — Давай вторую попытку. Алгоритм тот же самый. Это не я придумал. Это Вадим меня учил. Вот он рубит — просто Паганини! Учись у брата, дорогой, учись. Все умеет лучше всех, клянусь.

— Ты понимаешь, Керимыч, — Гошка с видом смертельной усталости опустил топор, — у меня все детство прошло под лозунгом «Учись у брата». Он такой правильный всю жизнь был. Я не помню, чтобы его когда-нибудь наказывали или ругали. Он четко шел по жизни, а я за ним тянулся. Смешно получилось. Он в школьном сочинении написал, что хочет стать военным журналистом. Чтобы ездить по свету и описывать, как угнетенные народы бьются за свое освобождение. И что из этого вышло? Он стал военным, а я — журналистом! Смешно? Но вот сейчас он сторож, а я... А кто я, собственно говоря? Никто. Ученик сторожа.

— Так не говори, — сказал Керимов. — Никогда не ругай себя. Пусть другие этим занимаются. Во-вторых, Димыч не сторож. Его, знаешь, как все уважают? Вот. А ты его брат. Поэтому тебя тоже все будут уважать.

Добросклонов криво улыбнулся, поглаживая лезвие топора. В наступившей тишине послышались нетерпеливые сигналы какой-то машины.

— Наши вернулись?

— Нет, — сказал Керимов, оглядываясь, — у наших сигнал другой. Сейчас посмотрим, кто это приехал. Ты пока в сарае посиди, хорошо? Вдруг начальники приехали, увидят посторонних, ругаться будут. Нам это надо? Посиди тут спокойно, я тебя потом позову. Топор дай.

— Хочешь начальство топором встретить? — спросил Добросклонов. — Ну, правильно, надо же создать картину бурной деятельности.

— Все правильно понимаешь, — сказал Керимов, прикрывая за ним дверь сарая.

Он хорошо помнил, как Гранцов попросил его запереть ворота. До сих пор замок на ворота вешался только тогда, когда ожидалось большие неприятности. Типа внезапной проверки. Но сегодня опасность была иной. Сегодня угроза была такой, что замок на воротах ее не остановит. Но, может быть, хотя бы задержит.

А может быть, и нет никакой угрозы. Не стала бы реальная угроза так явно и настойчиво обозначать себя, подъехав к воротам Базы и громко сигналив.

Из запыленного джипа «чероки» выскочил грузный невысокий человек в черной рубашке и белых брюках. У него был острый носик и торчащая седая челка, и говорил он, поминутно шмыгая.

— Салам алейкум, Док! Как дела, как жизнь? Как жизнь, как дела?

— Приветствую вас, Валентин Афанасьевич! Как ваши дела? Как здоровье?

Керимов чинно обменялся затянувшимся рукопожатием с известным бандитом Валькой Ёжиком, чья группировка недавно была вытеснена из города, понесла большие потери в живой силе и технике, и теперь окапывалась где-то на новом месте. По крайней мере, так гласила местная легенда.

Официально же Ёжик до недавнего времени владел частным охранным предприятием «Невский Атаман». Он долго и успешно «охранял» придорожную торговлю на мурманской трассе. Когда на Базе стали появляться иностранцы, Валька и с ними подружился. Наверно, он как-то сумел доказать, что только под защитой «невских атаманов» робкие капиталисты смогут безбоязненно ездить по нашим трассам. Потом иностранцы куда-то подевались, а Ёжик со своими «атаманами», наоборот, стал наведываться в баню даже еще чаще, чем раньше.

Все знали, что он чем-то очень помог коменданту базы, но никто не мог сказать, чем именно. Наверно, эта услуга была достаточно весомой, потому что Ежову разрешалось пользоваться баней в любое время дня и ночи. Он и пользовался, и вел себя вполне по-хозяйски. Он даже присвоил всем бойцам гарнизона клички на американский манер. Керимыча он называл Доком, Поддубнова — Маком, а Гранцова — почтительно — Босс.

Вдоль трассы как грибы появлялись все новые и новые торговые точки, и Валька Ёжик жил припеваючи, пока его «атаманов» не стали вдруг отстреливать невидимые враги. Конкуренты и коллеги, прослышав о такой напасти, дружно заявили о своей непричастности. Ёжик был готов к любой войне и даже мог пойти на уступки. Но противник все не проявлялся, а в бюджете охранный предприятия пора было заводить отдельную статью: «ритуальные услуги для сотрудников». Наконец, Ёжик сообразил, что однажды и сам может попасть под пулю. Поэтому он без колебаний продал свой «охранный» бизнес первому попавшемуся покупателю, уехал с остатками коллектива из города в область и вложил все трудовые сбережения в развитие грузовых автоперевозок.

В прежней жизни Ёжик был майором Ежовым, комбатом. Поэтому в его фирме была почти армейская дисциплина, то есть единоначалие, бардак и пьянка.

— Здоровье совсем, братан, запустил, — пожаловался Ёжик. — Спину ломит, сердце останавливается, дышалка ни к черту, уже на бабу залезть боюсь. Одна надежда на вашу баньку. Баня горячая есть хоть одна? Ну, ведь есть, я же чую дымок, а, Док? Ну, пусти меня на пару часов, ты ж меня знаешь!

— Э, что такое пара часов, — махнул рукой Доктор Керимов. — Сто двадцать минут вас устроит?

— Никаких проблем, — сказал Ёжик и махнул водителю, подзывая к себе. — Сделай

нам с Косым баньку на две персоны. Венички запарь дубовые. А мне бы с Боссом надо перетереть. Перетереть надо бы с Боссом.

— Гранцова нет, — сказал Керимов.

— Нету? А что случилось?

— Отлучился по делам.

— Отлучился? Но у него все в порядке?

— Конечно.

— Значит, нету. — Ежик задумался. — Да нет, все равно мыться-то надо. Давай так. Мы в бане посидим, а ты сразу организуй мне Босса, как только он возникнет.

— Зачем он вам? Может, я могу его заменить?

— Э нет, — мрачно сказал Ежик. — В этом деле его никто не заменит. Даже ты, братан.

Доктор Керимов принес в баню стопку простыней и полотенец, бросил в дубовую кадку пару веников и залил их кипятком. Пока Ежик и водитель раздевались, он покрыл стол свежей клеенкой, расставил чашки и вскипятил воду в электрочайнике. Обычно Доктор выступал яростным противником чая в пакетиках, сравнивая такое чаепитие с безопасным сексом. Но сейчас, обслуживая гостей на скорую руку, он достал из шкафчика коробку пакетированного чая.

На этом его функции закончились. Теперь два часа гости будут наслаждаться теплом и уютом.

Доктор Керимов прохаживался перед воротами, напряженно прислушиваясь и поглядывая на часы. Рыжая собака подбежала к нему, вильнула хвостом и вопрошающе заглянула в глаза.

— Иди, иди, не мешай думать, — отмахнулся от нее Керимов.

Подумать было о чем. Все, что рассказал Гранцов, не казалось ему таким уж невероятным. В последнее время никто уже не удивлялся сообщениям о загадочной смерти или исчезновении людей. Удивляет только, что это может произойти с тобой. Или с твоими близкими. Кого-то убивают из-за больших денег, кого-то из мести. Но нас-то — за что?

Доктор Керимов верил, что в жизни все закономерно. И главным законом является закон любого кабака — за все надо платить. И если ты живешь слишком хорошо, за это придется расплачиваться. Рано или поздно, но придется.

Логика подсказывала, что опасность нависла над всеми, кто работал на базе. Наверно, кто-то решил, что мы тут слишком хорошо живем.

А ведь так оно и есть, размышлял он. Красивое чистое место. Огромная жилплощадь. Из окна — вид на воду. Работа нетрудная и приятная сама по себе, а ведь за нее еще и деньги платят. При этом полная независимость. Свободный рабочий график. Никакого начальства, если не считать Поддубнова. А все прочие начальники, приезжая сюда, вместе с мундирами и дорогими костюмами снимают с себя и грязную корку власти, превращаясь в простых распаренных мужиков. И ведь они по-настоящему благодарны нам за эти несколько часов покоя и радости. Нет, мы тут живем слишком хорошо, заключил Доктор Керимов. Такое счастье не могло продолжаться слишком долго.

Он оглянулся. Непроницаемый лес за колючей проволокой показался ему враждебным. Доктор Керимов почему-то вспомнил, как в Черном январе он стоял со своими студентами в живом кольце на бакинских холмах. Народный Фронт согнал туда людей, чтобы не пропустить в город войска, которые бесконечной дымящей колонной стояли на шоссе. Он вспомнил странный шелест в воздухе. Это были пули, но понял он это слишком поздно, когда за спиной уже начали кричать и падать на землю его первокурсники, которых он сам вывел сюда из аудитории.

Наверно, чувство вины перед погибшими мальчиками и погнало его прочь с родины. Ведь он обязан был разделить участь своих воспитанников. Он обязан был умереть вместе с ними. Но они оказались сначала в переполненном морге, а потом в Аллее Мучеников на городском кладбище. А он просто убежал подальше от войны. Неужели война догнала его здесь, в мирном лесу?

«Завтра меня убьют, — подумал Доктор Керимов. — Пойду на почту, и там меня убьют».

Странно, но эта мысль пришла так легко и просто, словно смерть была чем-то обыденным и не столь уж тяжелым. Словно визит к зубному. Даже нет, не так. Словно визит в библиотеку с книгами, которые ты из-за лени или по забывчивости задержал у себя на несколько лет. Но вот ты, наконец, решился, собрал их в стопку и пошел навстречу разгневанным ядовитым фуриям, которые столько лет пугали тебя штрафами, взывали к совести и грозились донести в партком. Осталось только переступить порог, отдать им эти ненужные книжки и облегченно уйти.

«Куда уйти?» — спросил он себя. Куда собрался, дорогой? А девочек своих на кого оставить хочешь?

Девочки. Жена и две дочки. Вот ради чего он бежал от войны. И неужели он так просто сможет бросить их?

Ему стало немного стыдно, когда он понял — никакой почты завтра не будет. Пускай Гранцов думает, что хочет, но Доктор Керимов завтра на почту не пойдет.

А если кому-то очень надо, чтобы одним Керимовым стало меньше, то пусть он сам сюда придет. «Здесь и разберемся», — сын гордого Кавказа надменно вскинул голову.

«Или, по крайней мере, успеем спрятаться», — скромно добавил он, оглядываясь.

Когда из «ситроена» выбрался Поддубнов с перебинтованной головой, Керимов даже не удивился.

— Так и знал, — сказал он. — Так я и знал, что этим все кончится.

— Все только начинается, — сказал Гранцов. — Только давайте больше не будем зевать, спать на ходу.

— Кто спал? Я спал? — обиделся Поддубнов. — Бутылка-то в тебя летела! Я и не видел ее, заразу.

— Виноват, — засмеялся Гранцов.

— Нет, это я виноват, — сказал Керимов. — Зачем вас отпустил? Такие дела делаются! А вы гулять поехали. Как дети, честное слово.

— Не сердись, брат, — Гранцов обнял его за плечо. — Мы были на разведке и все разузнали, это раз. Второе, мы договорились с милицией, Железняк нас подстрахует завтра. И в-третьих, мы познакомились с твоими друзьями. Маро зовет нас всех в гости. Поехали?

Керимов снял кепку, вытер лоб рукавом и снова нахлобучил свой бакинский «аэродром».

— Маро? — переспросил он. — Толстый такой?

— Не толстый он, а просто круглый.

— Что, уже познакомились? — Доктор поцокал языком. — Эти армяне не могут секрет держать.

— Какие секреты от соседей? — благодушно улыбался Гранцов. — Надо им визит нанести, пока время есть. Я давненько уже в гости не ходил.

— Сначала с нашими гостями разберись, — сказал Керимов. — «Чероки» видишь? Это к тебе.

— Ежик? — спросил Гранцов. — Что ему нужно?

— Ему нужен ты.

— Он один?

— Один. И шофер с ним. Этот, Косой. Я их в маленькую баню пустил. Он хочет, чтоб ты его попарил.

— С чего бы вдруг его в баню потянуло — в будний день, без девок? Непонятно, — сказал Гранцов. — Пойти разве веничком поработать, что ли? Заодно и сам очухаюсь. А то что-то координация нарушена, и на подвиги тянет.

— Отставить подвиги, — сказал Поддубнов. — На всякий случай ворота запираем. Хватит с ними чикаться. Если этот тоже начнет наезжать, тут же и зароем.

Глава 9. Гарнизон окапывается

Бдительный и суровый старшина зря запирает ворота. Ежик искренне обрадовался появлению Гранцова. Он тут же отослал водителя на заслуженный отдых, а сам разлегся на верхнем полке, подставляя распаренную спину под жаркие веники.

— Да, — сказал Ежик через полчаса, прихлебывая чай. — Все эти сауны — для лохов. А баня — она и в Африке баня. Кстати, Босс, об Африке. Вот просвети меня, пехоту, а как вы там мылись, в пустыне-то?

Гранцов вытер вспотевшее лицо и шею полотенцем и снова перекинул его через плечо. В пустыне им приходилось мыться в бочке. По очереди. В одной бочке мылились, в другой споласкивались.

Но, во-первых, можно было и не мыться — в пустыне чисто. Единственный источник грязи — техника, так что банный день совпадал с парково-техническим, когда все русские специалисты основательно пропитывались соляжкой, солидолом и копотью.

А во-вторых, причем тут Ежик?

— Что-то я не совсем понимаю, о чем речь, — сказал он. — В какой пустыне?

— Ладно, ладно, — сказал Ежик. — Здесь все свои, не будем ломать комедию. Ты же был в Афгане? Я-то работал в Кандагаре, там горы. А про тебя знаю, что ты в песках сидел, в Лашкаргахе. Так? А тут у меня намечается интересная тема. Бабки реальные, отдача моментом. Но придется посидеть в песках. В конкретных африканских песках. Буду развивать совместный бизнес. Сафари-центр называется. Вот и чешется в мозгу задача — а мыться-то как?

— Мыться? — Гранцов почесал затылок. — Хочешь честно, Афанасьевич? Если собрался надолго в пустыню, побрей задницу.

Ежов непонимающе уставился на него, а потом загоготал, откинувшись к стенке.

— Ну, спасибо за совет!

— Это не совет, это рецепт от геморроя, — сказал Вадим. — А вообще-то лучше с самого начала так себя поставить, чтобы жить в пустыне с комфортом. Вода, кондиционеры, спутниковая антенна. Тогда тебя будут уважать. Сразу видно, серьезный бизнесмен, а не советский специалист.

— Это, братан, инвестиции. Там вода дороже водки, наверно. Ну, до Африки еще дожить надо. Не суть. — Ежик снисходительно посмеялся, взъерошил челку и заговорил более серьезно: — Тут у нас другая тема. Тема такая. Отправляю колонну в Петрозаводск. Четыре фуры и две «газели». Хочу, чтоб ты заработал с мужиками по сотне баксов. На охране колонны.

— Охрана колонны? Не по адресу, Афанасьевич. Это не ко мне. Для этого дела есть большие конторы. А мы люди маленькие, сидим в лесу. Нам бы баньку истопить, да человека хорошего попарить, вот и весь наш бизнес.

— Босс, не крути. Крутить не надо. Я проконсультировался, мне тебя рекомендовали. Ты пойми, я сам в этом не рублю ни хрена. Автоперевозки для меня бизнес новый. А вы ребята тертые, я знаю. Ну, один день вас не будет здесь. Это вторник, день спокойный, никто и не узнает.

— Так, — сказал Гранцов. — Валентин Афанасьевич, вы серьезный человек, я тоже не мальчик. И не девочка, чтобы меня уговаривать. А сейчас прошу в парную, на крайний заход.

— Постой, ну хоть на бесплатную консультацию могу я рассчитывать? — недовольно спросил Ежик.

— Хорошо. Но за бесплатные советы иногда приходится потом доплачивать, — сказал Гранцов. — Значит так. Для проводки колонны заказывается эскорт в солидной конторе. Будут две-три спецмашины, в них будут сидеть специальные люди. С оружием, со связью. ГАИ в курсе. Так что тебе уже нечего делать, спокойно встречай колонну в Петрозаводске.

— Ладно, усек. Тут я усек. А дальше? Мне еще там развозить по районам. Вот вы бы

мне игодились. Плачу сотню в сутки. Это же реальные деньги, Босс!

— Постарайся договориться с местными. Можно нанять гаишников, но это тоже не гарантия. Не отпускай машины по одной. Держаться колонной. В кабине всегда двое. Спать только на стоянках. И никому не говори, куда поедете завтра. Вот и все, чем я могу помочь.

— Значит, окончательный отказ? До вторника еще есть время подумать.

— Отказ. Мы от бани — ни на шаг.

— Зря я с этим связался, — призадумался Ежик. — Столько хлопот, а отдача еще неизвестно какая будет. И народ у меня не тот. Наверно, сделаю первую ходку, а потом меняю профиль. Сам буду колонны охранять. По пятьсот баксов с трейлера, десять трейлеров в колонне, за сутки пять тонн. А таких суток в месяце тридцать, а в году триста шестьдесят пять, никаких выходных... В общем, через год полтора лимона. Целый чемодан зелени. Нехило. Хватит на бассейн в Африке.

— Как ты быстро считаешь, — сказал Гранцов. — А теперь прошу в парную.

Они попарились еще раз и один за другим скользнули по желобу в озеро. Ежик фыркал и мотал головой, задыхаясь в холодной воде. Гранцов на всякий случай держался к нему поближе: у таких вот красномордых чаще всего начинает барахлить сердце. Особенно, если дать им переохладиться после парилки. Но как раз такие клиенты и любят демонстрировать свою удаль, и ни за что не признаются, что им стало худо, пока не вырубятся. Поэтому он первым полез обратно по скользкой лесенке, подавая пример.

— Ага, замерз, — торжествующе выкрикнул Ежик и сам ухватился за ступеньку. — Эх, ты! А еще афганец!

Когда джип Ежика скрылся за черными елями, Гранцов закрыл ворота на замок и, чтобы окончательно проветриться, решил пройтись по внутреннему периметру.

Он был недоволен собой. Не надо было пить с Поддубновым. Да, мичмана следовало каким-то образом вывести из шока. Но не такой же ценой. Напились, бросили базу, ввязались в драку. Все могло кончиться гораздо хуже. Нет, с этой минуты объявляем сухой закон, решительно сказал сам себе Гранцов.

Рыжая собака увязалась за ним, пока он прогуливался вдоль колючей проволоки. Это была неудачная собака, производственный брак. На продажу она не годилась, служить не хотела, бегала сама по себе, ей даже кличку не удосужились дать.

Гранцов швырял ветку, и собака кидалась за ней, хватала и тут же выпускала из пасти, возвращаясь к нему. С ней явно недоработали команду «апорт».

Так они и шли вдоль колючки, человек швырял ветки и осматривался, а собака бегала туда-сюда. Одну из веток он бросил как-то неловко, и она свалилась на другую сторону ограждения.

— Извини, — сказал Гранцов, — сейчас найду тебе новую палку.

Но собака, не дожидаясь исправления ошибки, кинулась куда-то вдоль проволоки — и вдруг Гранцов увидел ее на другой стороне. Она безошибочно подскочила к ветке, схватила ее в зубы, победно оглянулась на Гранцова и, выпустив ветку, сломя голову кинулась обратно. Он и сам побежал параллельным курсом и увидел, как она нырнула под проволоку.

Гранцов присел на корточки, разглядывая свежерытый подкоп. Глубиной больше чем полметра, он вполне позволял проползти не только собаке. Комья земли были разбросаны далеко в кустарнике, а сам подкоп был прикрыт листом фанеры и присыпан листвой. Только глупая собака могла бы заметить его — по запаху земли.

Он увидел глубокие разрезы и угловатые отпечатки на стенках подкопа, и решил, что копали не лопатой, а широким ножом или топориком. Земля была мокрой, но воды в подкопе не было. Значит, его вырыли после дождя. То есть сегодня. Ах да, он же был прикрыт фанерой? Все равно вода набежала бы. Но воды нет. Итак, что мы тут имеем? Сегодня днем кто-то вырыл топориком (или ножом) подкоп под ограждением.

Сегодня днем? Он еще раз пощупал стенки подкопа и с силой втянул в себя воздух, насыщенный острыми запахами. Пахло растревоженной прелой листвой и хвоей, разрубленными корнями и раздавленными личинками. Да эту яму вырыли только что, а не

«сегодня днем»! Он выпрямился, оглядываясь и отряхивая пальцы. Здесь только что был враг.

Что полагается делать в таких случаях? Заминировать и устроить засаду. Ограничимся сигнализацией, решил Гранцов.

Он положил лист фанеры на место и присыпал листьями. На ночь придется выпустить собак. А днем вся надежда на сигнализацию.

Гранцов вернулся к штабу. Он увидел в освещенном окне, как Регина возится на кухне с посудой. Стопки тарелок и сверкающие ряды рюмок и бокалов выстроились на столе. Сейчас Регина перебирала и натирала столовые приборы. Она придирчиво рассматривала вилки и ножи и раскладывала их по кучкам. Гранцов долго следил за ней через окно, пока она не оглянулась и не увидела его. Он смутился и попытался улыбнуться. Регина сокрушенно развела руками:

— Ну, хоть бы один полный набор! Три сорта вилок, и всех по пять штук. Пять сортов бокалов, но по три-четыре штуки. Я не представляю, как накрывать стол.

— Ничего, — громко сказал он, чтобы она услышала через стекло, — сделайте скидку на полевые условия. Народ и такому сервису рад будет.

— Народ? Возможно. Но я не буду рада, — она махнула рукой и отвернулась к своим вилкам.

— Мне бы ваши заботы... — тихо проговорил Гранцов, с трудом отрываясь от этого уютного окна.

В штабе его ждали старшина и Керимыч. Они, как обычно, о чем-то вполголоса спорили, но замолкли, как только вошел Гранцов.

— Товарищи офицеры, сверим наши трусы, — произнес Вадим тоном Главнокомандующего и достал из сейфа карту, сложенную гармошкой. — Есть у кого-нибудь в этом доме хороший красный карандаш?

— Губки хочешь подкрасить? — спросил Поддубнов.

— Ручка подойдет? — Керимов полез в карман пиджака, но Вадим покачал головой.

— Никакой штабной культуры. Ладно, не будем портить карту. Смотрите сюда, пехота.

Он развернул карту на столе и обвел пальцем внутренний периметр Базы.

— Вот здесь, напротив дровяного склада, под колючкой имеется подкоп. Керимыч, не твоя работа?

— Э, какой такой подкоп?

— Сходишь потом, посмотришь. Подкоп свежий, сегодняшней. Им уже пользовались. Кто-то прополз туда и обратно. Может быть, для пробы. А может быть, и нет. У нас ничего не пропало, старшина?

— Еще не знаю, — хмуро ответил Поддубнов, разглядывая карту с высоты своего роста. — А как в остальных местах? Ограждение целое?

— Выглядит целым. Но я не весь периметр осмотрел. Надо бы проверить. Думаю, что другого подкопа нет. Во-первых, все остальные подходы к ограждению просматриваются, и только в этом месте можно делать что хочешь, потому что там стоит сарай. Во-вторых, чтобы проникнуть к нам, хватит и одного. Какие будут предложения?

— Подать напряжение на колючку, — сказал мичман.

— Собак выпустить, — добавил Керимов.

— Согласен, — кивнул Гранцов. — Выполняйте. Макарыч, врубай ток. Доктор, разведи собачек на посты.

Держать под напряжением проволочное ограждение предписывалось только во время боевой работы, то есть при испытаниях «объектов» и «изделий». Когда же время испытаний осталось в далеком и славном прошлом, отпала необходимость в строгой изоляции, и напряжение отключили. Кроме того, что работа сигнализации требовала большого расхода электроэнергии, новое начальство Базы опасалось и за свою спокойную жизнь. Поляк-управляющий очень боялся конфликтов с местным населением. Он предположил, что по мере развития региона эти дебри станут доступными для всех. Любой грибник или турист

мог бы напороться на проволоку и получить ощутимый удар током. А поскольку всемогущие особые отделы и прочие органы тоже остались в славном прошлом, начальству базы пришлось бы лично отвечать за ущерб, нанесенный настырному грибнику. По этим или иным соображениям, но комендант давно уже отключил сигнализацию и все остальные охранные системы.

Однако с тех пор, как командовать Базой стал мичман Поддубнов, весь ее организм начал постепенно восстанавливаться. В бункерах и подземных ходах сообщения появились новые лампочки, и заработала вентиляция; регулярно включалась спецаппаратура, прослушивая эфир в надежде снова встретить позывные летающих изделий; и сигнализация вновь оплела паутиной периметры Базы, готовая в нужный момент предупредить об опасности.

Кажется, такой момент наступил.

Выпустив собак в ночной дозор, Керимов вернулся на военный совет. Гранцов развернул карту на полу — ему хотелось видеть картину предстоящей обороны более масштабно. Керимыч опустил на корточки, и Поддубнов, кряхтя, присел рядом.

— Какие могут быть направления ударов? — вслух размышлял Гранцов. — Первое — по дороге. Значит, держим ворота на замке. Второе — через подкоп. Значит, следим за ним внимательно. Если бы у нас была хотя бы одна граната, пусть даже только запал от гранаты...

— Проще его завалить хворостом, — сказал Поддубнов. — И дело с концом.

— Может быть, может быть... — Вадим оторвался от карты. — Кстати, о деле с концом. Может быть, завтра есть смысл покараулить у подкопа. С ружьем. Идея, конечно, дикая. Ну, а вдруг? Кто-то же должен им воспользоваться! Вот я его и встречу.

— Понял тебя, — кивнул Поддубнов. — Думаешь, если они не придут на почту...

— Точно! — подхватил Керимов. — Если не увидят меня на почте, придут сюда!

— Если они не увидят тебя на почте, сразу поймут, что мы приняли меры, — сказал Гранцов. — Предлагаю следующий план. Завтра в свое обычное время, после обеда, Керимыч выдвигается к почте. Но утром по маршруту следования прошвырнется дозорная группа на «Урале». Водитель — мичман Поддубнов. В пути следования особое внимание обращать на стоящие у обочины серые автомобили марки «Нива». Желательно разглядеть, кто в них находится. После обеда едем на почту. Я на «уазике» впереди, вы на «Урале» сзади. Железняк обеспечивает юридическое прикрытие. «Ниву» блокируем там, где заметим. При первой же угрозе давить их передними колесами и добивать задними. Потом разберемся, кто первым правила нарушил.

— Хороший план, — сказал мичман. — Мне нравится. Особенно утренняя часть. А ты, значит, заляжешь у подкопа с двустволкой?

— Я найду, с кем залечь.

— Вас понял, — мичман расплылся в улыбке. — Насквозь тебя вижу, майор. Разогнать народ с базы, чтобы никто не мешал с девушкой любезничать.

— Какой хороший план, э! — Керимов подмигнул Вадиму, но тот оставался серьезным.

— Позвольте ваши гнусные шутки считать одобрением моих предложений. Пошли дальше, — сказал Гранцов, раскрывая блокнот. — Обсудим, как продвигается ликвидация личного состава базы. Хорошо продвигается. Счет «три — один» не в нашу пользу. Противнику известны наши адреса в городе, наши связи и маршруты. Возможно, известно также местонахождение базы. Возможно даже, что противник уже здесь. Он знает про нас все. Мы не знаем ничего. Какие будут предложения?

— Один момент, — Керимов поднял палец. — Мы немножко знаем. Смотри. Ты кого-нибудь обидел? На хвост наступил? Деньги отнял? Нет. И ты — нет. И я — нет. Значит, это не какие-то личные мотивы. Значит, кому-то надо перебить всех, кто здесь работает. Кому? Я тебе скажу. Тому, кто сам хочет здесь работать. Это приватизация. Логично?

— В принципе, логично, — сказал Гранцов. — Годится как вариант.

— Это что, новые арендаторы нас гасят? — уточнил Поддубнов.

— Так получается, — сказал Керимов.

— Не очень-то получается, — сказал Гранцов. — Новые хозяева — интеллигентная публика, к тому же при больших деньгах. Чтобы устранить пятерых мужиков, они не стали бы нанимать отморозков, а обратились бы к ментам. В конце концов могли бы просто договориться с нашим начальством, и нас бы просто уволили.

— Уволили? За что? — Керимов поднял палец. — Не забывай, у нас контракт. Чтобы нас уволить, нужна серьезная причина. Сейчас народ грамотный пошел. Уволишь его, он завтра тебе в суд позовет. И судья спросит: уважаемый, ты за что уволил таких прекрасных работников?

— За что? — переспросил Гранцов и потер пальцами в воздухе: — За бабки.

— Слушай, это же «духовная реабилитация», а не мясокомбинат, — сказал Керимов. — Нет, они так не делают. Я снимаю свой вариант. Другой предлагаю. Это Ежик делает. Хочет, чтобы у новых арендаторов работали его люди. Нас убрать, своих поставить. Логично? Годится как вариант?

— Хватит вариантов, — отрезал Гранцов. — Спать иди. Твоя вахта с шести утра. А твоя, Борис Макарыч, сейчас. До трех.

— И крайний вопрос, — Поддубнов замялся, но все же продолжил: — А может, не будем дергаться? Может быть, собраться в кучку, да и свалить куда-нибудь подальше? Есть у меня на примете одно местечко. Домик в Новгородской области, хозяйка надежная, тетка в самом соку. Сестренка у нее лет тридцати, как раз для тебя, Димыч.

— А для меня что-нибудь найдется, слушай? — спросил Керимов.

— Ты человек женатый. Это нам, свободным художникам, надо искать теплое гнездо. Ну что, майор, перебазировемся на время?

Гранцов покачал головой, заботливо разглаживая карту.

— Я уже думал об этом, — помолчав, ответил он. — Не успеем добраться до твоего теплого гнезда в самом соку. Если нас хотят убрать, то легче всего это сделать как раз в дороге. А здесь мы как в крепости. Оружия, правда, маловато. Но отступить все равно некуда. Нет, товарищи, будем разбираться на месте. Все, все, отбой.

Поддубнов накинул на плечи ватник и отправился на пост. Гранцов сложил карту и спрятал ее в сейф. Сейчас он был командиром, а все остальные подчиненными. Он отдавал приказы, а они их выполняли. Почему? Не потому что когда-то у него на погонах было больше металла, чем у них. И не потому, что он так уж любил командовать. Завтра Поддубнов прикажет ему чистить сортиры для арендаторов, и Гранцов будет чистить сортиры, потому что гарнизоном командует старшина. Но в том, что происходило сейчас, старшим был Гранцов. Потому что это была война. Сейчас командовал он, и от него зависела их жизнь.

Глава 10. Беседы в белой ночи

Проходя к себе, Гранцов заметил полоску света под дверью Гошкиной комнаты.

Он заглянул без стука, чтобы не разбудить брата. Но Добросклонов не спал.

— Не спится, няня, здесь так душно, — сказал он. — Я, наверно, отвык спать по ночам. Сегодня днем, признаюсь, полчаса подремал в сарае, прямо на бревнах. И вот теперь — не заснуть. Мне и завтра надо дрова колоть? Отвык я от таких упражнений на воздухе.

— Зато от бессонницы помогает.

— Что-то незаметно.

— Ничего, привыкнешь.

— Я не собираюсь привыкать, — сказал Добросклонов. — Я не собираюсь сидеть здесь всю жизнь. Надо что-то делать, надо звонить, надо носиться по городу, надо в Москву слетать. А я тут дрова колю. Да еще дубовые!

— Дубовые горят жарче, — сказал Гранцов. — Очень они нам пригодятся в субботу поутру. За сауну-то я спокоен, она электрическая. Нам главное дело русскую баню

раскопчегарить. Новых хозяев надо ублажить всенепременно.

— Вот жизнь, — с ненавистью протянул Гошка. — От кого я это слышу? Баня, дрова, ублажить каких-то подонков? Ты же был моим богом... Особенно когда вернулся из Сомали.

— Из Эфиопии, — поправил Гранцов.

— Какая разница? Натуральный бог войны, с непробиваемой кожей, бесцветными глазами, с точными и резкими фразами... Тебя надо было тогда лепить, ваять, увековечивать. И что теперь?

— Знаешь, — сказал Гранцов, — бог войны совсем не такой фотогеничный.

Он присел на край стола, ненадолго задумавшись.

— Я тоже видел бога войны, — сказал Гранцов. — Он был в ватнике и солдатской шапке. И автомат ППШ висел на плече стволом вниз. Не по уставу, но о-очень удобно.

— И где же ты его видел?

— На фотографии. В Военно-Морском музее. Это Цезарь Куников. Был такой командир морпехов.

— Ну, сейчас ты скажешь, что с детства мечтал стать таким, как этот Куников, и все такое.

— Ты сам знаешь, что я с детства мечтал стать военным. И стал.

— Скажи еще, что с детства мечтал убивать.

— Что?

— А то, — мягко произнес Добросклонов. — Быть военным — значит убивать. Такая работа. Ты не знал?

— Об этом не думаешь.

— Ты много убил?

— Не считал.

— Вот не верю, — сказал Добросклонов. — Ты же все считаешь, все рассчитываешь, все запоминаешь. Просто не хочешь признаться. Что, совесть мучает?

— При чем тут совесть? Я не Раскольников, — сказал Гранцов. — Ты же сам сказал, работа такая. И хватит об этом. Сейчас у меня, слава Богу, совсем другая работа.

Братья замолчали.

— Нет, ты не заводишь, — сказал, наконец, Добросклонов. — Я же не подкалываю. Я даже рад, что ты ушел из армии. Довольно тяжело жить рядом с героем. Слишком давит такое родство. Ты герой, а я, получается, говно.

— Еще раз назовешь меня героем, получишь в глаз.

— А что, не так? Я ведь не исполнял интернациональный долг, не ходил в атаку и все такое...

— Я тоже. — Гранцов пожал плечами. — Интернациональный долг? Не про меня. Я просто получил выгодную работу за границей. Благодаря родственным связям. И в атаку никогда не ходил. Сейчас на войне вообще в атаку не ходят. Работает артиллерия, а потом разгребают завалы и хоронят убитых, чтоб не смердели. Вот и все геройство.

— И за это дают ордена? — Добросклонов сел на кровати. — Я же видел тебя при полном параде! С иконостасом, как у ветерана.

— Награды дают по праздникам. Например, «40 лет Победы» и так далее. Дают всем, кто не заработал серьезных взысканий. У меня просто все удачно складывалось. Было много юбилеев. И мало взысканий.

— А орден? Красная Звезда? Тоже за чужой юбилей?

— За выполнение задания, — неохотно ответил Гранцов.

— А точнее можно?

— За то, что перебили кучу народа без единого выстрела и вернулись без потерь. Да, нам давали ордена. А твои братья-журналисты потом называли нас мясниками.

— Журналисты мне не братья, — заявил Гошка. — Мой брат — герой. Бог войны.

Гранцов кинул в него подушкой. Добросклонов успел ее поймать и, смеясь, подложил себе под спину.

— Кстати, бог войны, ты можешь отдыхать. Я-то с настоящими богами столкнулся. Точно, эти уроды из академии — они не люди. Они лучше, чем люди. То есть боги. Или пришельцы, но это то же самое. С виду обычные люди, но они ничего не делают. У них нет работы, но они всегда хорошо одеты, здоровы и сыты. Она может говорить с тобой на любую тему, но она не училась в университете. Еще у нее нет своего дома. Никто не знает, где она живет, откуда приехала, куда уходит ночью. У нее есть только телефон. Мобильный. Набрал номер — и она с тобой. Или не с тобой. Потом появляется и рассказывает, как холодно было в Буэнос-Айресе. А Каракас — город контрастов.

— Так, понятно, — сказал Вадим. — Ты влюбился. Понимаю, все-таки богиня...

— Да, — сказал Гошка. — Богиня смерти.

— Еще не поздно, — сказал Гранцов. — Еще все можно поправить. Ты пробьешься. Разве не было хуже?

— Было, — согласился Добросклонов. — Но это не утешает.

Они проговорили до глубокой ночи, вспоминая времена, когда бывало и хуже. Обоим было что вспомнить. Голодное детство на южной границе. Скитания по чужим домам после гибели отца. А еще были годы, когда обоим приходилось браться за любую работу. Гошка днем сидел в редакции, а ночами занимался частным извозом. А Вадим, когда вылетел из армии и пропил выходное пособие, был то дворником, то грузчиком, то грузчиком, то дворником...

— Вот так отдохнул перед вахтой, — сказал Гранцов, глянув на часы. — Полтретьего! Пойду БМП сменю. А ты давай спи, восстанавливайся. Завтра, а особенно в субботу, ты мне нужен свежий как огурчик.

— У вас тут что, ракетная база? Чего тут по ночам сторожить? Сюда и днем не попадешь... Ладно, нам, гражданским, это не дано понять. Все, сплю, — зевнув, сказал Гошка. — Спасибо за психотерапию.

Гранцов прошел в кухню, чтобы заварить чайку покрепче, и растерянно остановился на пороге. Он не решался наступить на блестящий, только что вымытый пол. Все здесь сияло нереальной чистотой. Даже мусорное ведро, стоявшее под мойкой, отсвечивало помятым, но чистым боком.

Он услышал странный шум где-то рядом и заглянул в столовую. Регина Казимировна в синем рабочем халате стояла на столе, протирая плафон. Халат распахнулся, открыв ее стройные загорелые ноги, и Вадим в замешательстве кашлянул.

— Я вас разбудила? — виновато спросила Регина.

— Вы знаете, который час?

— Сейчас посмотрю.

— Три часа ночи, — сказал Гранцов.

— Возможно, — сказала она. — Уже светло. Вадим Андреевич, не сердитесь. Я все равно не могу спать в белые ночи. А тут столько работы.

— Нет, так не пойдет, — сказал он. — Если вы завтра будете клевать носом, извините, это никого не обрадует. В общем, давайте заканчивать, хорошо?

— Даю честное слово, что не буду клевать носом.

— Извините, но я не могу командовать женщиной, когда она стоит на столе, — сказал он и, крепко взяв ее за талию, перенес со стола на пол.

Она оказалась даже легче, чем он ожидал. «Легкая и теплая, словно птица, — подумал Вадим. — Доверчивая птица. Не вырывается».

— Ну и какая же будет команда? — спросила она. — Давно уже мной никто не командовал.

— Команда будет такая: отбой.

— Я уже забыла, что делают по этой команде.

— Закрывают глазки и начинают храпеть, — грубовато ответил он, однако его руки никак не могли оторваться от этой гибкой и мягкой талии.

— А у нас в полку по этой команде полагалось раздеться за сорок пять секунд, —

сказала она, не делая ни малейших попыток вырваться. — По крайней мере, муж так рассказывал.

— Полки бывают разные, — сказал Вадим.

Краем глаза он заметил в окне какое-то движение и отдернул руки. За стеклом показался Поддубнов и кивком поманил его.

— Спать, спать, — Гранцов решительно повернулся к выходу. — Это не команда, а глубоко личная просьба.

Поддубнов молча повел его за собой к деревянному сараю, подвел к заграждению и показал пальцем на подкоп.

— Ну и что? — спросил Вадим.

— Фанерка-то наша, — сказал Поддубнов. — Это от старого чайного ящика фанерка, я сам эти ящики разбивал еще при старом командире.

— Дальше что?

— Фанерки лежали в сарае, за дровами, — сказал Поддубнов. — Я сейчас посмотрел, одной не хватает.

— Ну и что дальше-то?

— А то, — сказал Поддубнов. — Сегодня в сарае был только твой брат. Он мог и выкопать яму топором. И фанеркой закрыть.

— Мог, — согласился Гранцов. — Ну и? Выводы?

— Твою мать! Какие еще выводы!

— Борис Макарыч, не гони волну, — попросил Гранцов. — Сарай запирается? Нет. Мог Гошка выкопать такую яму за час и при этом еще дров наколоть вон какую кучу? Не мог. Так что по базе ходит нечистая сила. Леший пришел из леса, подкопался, сходил в сарай за фанеркой. Вот и все.

— Как у тебя всегда все гладко объясняется, — проворчал Поддубнов. — Все равно. Гоша твой — фрукт. И за ним надо присмотреть. И вообще, мог бы не обниматься в темном уголке, а сменить меня пораньше. Раненых вообще в наряд не ставят.

— Кто тут раненый? Ты же типичный самострел. Членовредитель. Подставил бок, чтобы отвертеться от нарядов, — неосторожно пошутил Гранцов и тут же схватился за место, где железный палец Поддубнова нашел у него печень. Следующим движением железного пальца был произведен звонкий щелбан. — Сдаюсь, сдаюсь!

— Ты не сдавайся, а женись давай!

Мысль семейная была любимым коньком мичмана Поддубнова. «Даже трава вокруг нас стремится к воспроизведению, — говорил он, вольно цитируя какого-то сэнсэя. — Столько сил тратит она, чтобы выжить, привлечь всяких мошек и птичек и с их помощью оплодотвориться и разнести семена по округе и потом, после суровой зимы, окружить свой иссохший стебелек зелеными ростками потомков. А ты, Гранцов, здоровый мужик, и стебелек вроде не засох, а все не можешь жениться, завести себе нормальную бабу и окружить себя потомками».

Сам Поддубнов успел обзавестись и нормальной бабой, и потомками. Правда, не слишком удачно. Нормальная баба не захотела переехать вслед за законным мужем с теплого Закарпатья в сырое Заполярье. Она успешно развелась и не менее успешно вышла замуж за «бандеровца» (по определению Поддубнова), и теперь окружала себя ростками новых потомков, а мичманские алименты ей в этом хоть немного, но помогали.

— Теперь ты просто обязан на девушке жениться, — заявил Поддубнов. — Разговорчики в три часа ночи ко многому обязывают. А что? Ты жених завидный, еще не старый, да и невеста подходящая, в самом соку. Считай, что мое благословение ты уже получил. Вопросы есть? Вопросов нет.

— А мнение невесты тебе известно?

— Да кто ее спрашивает, — отмахнулся старшина. — Нам главное, чтобы гарнизон прибавлялся. Ты подумал, кому передать пост?

— Ох, подумал, — сказал Вадим. — Ведь некому.

— Вот именно! — и железный палец снова молниеносно щелкнул Гранцова по лбу.

Поддубнов давно уже ушел отсыпаться, а Гранцов все еще потирал лоб, обходя территорию. Пятнистые лохматые псы, дремавшие на своих постях, поочередно поднимали голову при его приближении, и, махнув для приличия хвостом, снова укладывались поудобнее. Они знали Гранцова, и он их знал. Но на всякий случай Вадим к ним не приближался. Когда-то он помогал их натаскивать, нарядившись в тулуп, и до сих пор помнил их жестокую хватку и чисто ментовскую манеру валить человека на землю, заламывая руку за спину.

Подкоп не давал ему покоя так же, как и Поддубнову. Он еле дотерпел до шести часов, растолкал Керимова и вернулся к подкопу. Сдвинув фанерку вперед, как это сделала собака, он пролез под заграждением.

Глядя из глубины леса на базу, Гранцов оценил позицию. В этом месте к заграждению подходил овражек, по которому можно было незаметно выйти прямо к подкопу. Затем из подкопа легко пробраться в сарай — этот участок ниоткуда не просматривается. А из сарая можно было наблюдать за всей базой, особенно если забраться под самую крышу.

Он спустился в овражек по текучему песку и принялся искать следы. Через полчаса он нашел размокший фильтр от сигареты.

До сих пор в запретной зоне бывал только Гранцов, когда нужно было настрелять рябчиков. Иногда здесь ходили кабаны, мог и мишка забрести. Но никто из них не курил сигареты с фильтром.

Еще один час поисков принес ему еще один размокший бычок. По двум точкам уже можно строить прямую, и скоро Гранцов вышел на просеку. Он не удивился, обнаружив сначала следы широких шин, а затем и разрыв в колючей проволоке внешнего периметра. Через такую брешь в заборе можно и на автобусе въехать, с тревогой подумал Вадим.

Он прошел еще немного по объездной дороге и увидел новые следы. Ему понадобилось всего лишь несколько минут, чтобы восстановить картину событий. Итак, несколько часов назад сюда подъехали две машины — джип с широкими колесами и какая-то легковая. Джип свернул на просеку и направился к ограждению, а легковушка осталась на месте. В ней были как минимум двое: со стороны пассажирского сиденья в песке валялись три сломанные сигареты. (Причем сигареты были неприкурными. Кто-то, наверно, бросает курить таким способом — достанет сигаретку, понюхает, да и выбросит,ломав). Легковая машина уехала первой, ее следы терялись под широкими отпечатками колес джипа.

Джип. Чужие здесь на джипах не раскатывают, подумал Гранцов. Это свои. Железняк или Ежик. Нет, Железняк отпадает — у того резина почти лысая, а здесь четко видна глубокая «елочка» новеньких покрышек. Итак, подозревается Ежик.

«Зачем он приезжал? — задумался Вадим. — Что означало его предложение? Отвлекающий маневр, пустые разговоры? Или он и в самом деле хочет выманить нас отсюда? Если так, то значит, он работает на тех, кто хочет нас убить. Или же ему просто нужно оставить базу без присмотра. Хотя бы на один день. И этот день — вторник. Значит, во вторник надо быть готовым ко всему.

Ну, а если все эти умозаключения — полный бред? Значит, Ежик должен не позднее понедельника отправиться с колонной в свой Петрозаводск. Это легко проверить. Вот тогда и станет ясно, чем я страдаю — приступом бдительности или обострением шизофрении. Интересно, а шизофреники знают, что они — шизофреники?»

Он глянул на свои «командирские» и с досадой выругался: девятый час! В одиннадцать Керимыч отправится на почту, в засаду. Надо быть в форме. Надо поспать хоть немного. Вадим расстегнул тесный воротник камуфляжной куртки и припустил бегом к Базе.

Пробежка по утреннему лесу освежила и взбодрила его, и он уже подумал, что можно и не ложиться ради какой-то пары часов сна. Но, подбежав к казарме и заглянув в открытое окно, он увидел, что в его комнате койка застелена свежим бельем, и новое одеяло заботливо отогнуло уголок, словно приглашая прилечь. Вадим не выдержал и улегся спать.

Он умел засыпать в любой обстановке. Иногда ему хватало двадцати минут сна в сутки,

а порой он отключался часов на восемнадцать, отсыпаясь впрок. Но каждый раз, закрывая глаза, он благодарил Бога за прожитый день.

Сегодня был прекрасный день. Он опять остался жив. И его друг остался жив. И враги понесли потери.

Но это неважно. Важно, что сегодня он привез к себе красивую и очень милую женщину. Его тянет к ней, и она не отстраняется. Она легкая и теплая, как птица. Ее так приятно держать в руках.

Он уже почти заснул, но вдруг подумал о том, что его ожидает. Кто-то хочет его убить. Невидимый и неумолимый противник ходит где-то рядом.

Ничего, успокоил себя Вадим. Бывало и хуже. Меня уже убивали не раз, да все никак не убьют. Бывало и хуже, но мы пробились. Пробьемся и сейчас.

Да, бывало и хуже, повторял он, чувствуя, как тяжелеют веки, и тело растворяется под тяжелым одеялом.

Он запретил себе вспоминать Чечню и Афганистан. Поэтому только отметил: «Да, там тоже было хуже, чем сейчас». Но хуже всего было на сомалийской границе... Вспоминать свою первую *командировку* было так же опасно, как и крайнюю. Но он не мог запретить себе вспоминать молодость.

А был он тогда совсем молоденьким, и именно поэтому не было ничего хуже, чем тот проклятый рейд. Нет ничего хуже, чем лежать в пустыне, между горящими машинами и трупами, когда пара вертолетов кружит над колонной и сверху добивает всех, кто еще дергается. И треск пулемета накладывается на рокочущий вертолетный пересвист.

Гранцов тогда служил специалистом по АТТ² в эфиопском полку. Земляки-разведчики попросили его перегнать «газик» с радиоаппаратурой, прицепившись к уходящей колонне бензовозов. Маршрут проходил близко к сомалийской границе, и аппаратура могла перехватить что-нибудь интересное во вражеском эфире. По дороге оказалось, что наливники направились на сопредельную территорию. Гранцов это обнаружил не сразу. Поначалу он даже радовался тому, что его приемник ловит такой чистый и сильный сигнал. (Сомалийцы к тому времени уже окончательно сменили свою технику на французскую и английскую, чем заметно облегчили работу наших радиоразведчиков). Радовался он, впрочем, недолго. Когда за барханами проплыл белый силуэт разрушенного форта, Гранцов понял, что он уже в Сомали. Попасть в руки сомалийцев — это предвещало в лучшем случае концлагерь и ожидание обмена. В худшем — смерть. Но еще хуже было бы попасть в разработку. Ведь у сомалийцев тоже были советники...

Вадим успел связаться со своими и сообщить координаты, после чего связь пропала. Зато перехваты продолжали его радовать: четкие, открытым текстом, на хорошем международном английском. Просто чудо, а не перехваты. Жалко было снимать наушники. Специалист Гранцов испытывал невыносимую душевную боль, на ходу расчлняя свою замечательную аппаратуру и незаметно выбрасывая ее из машины. Катушки с записями он, однако, сохранил, решив до критического момента держать их при себе в одном кармане с гранатой.

Позже выяснилось, что горячее и воду в Сомали отправил предатель. Этот подарок был адресован сомалийскому танковому полку, который как раз выдвинулся к границе. Командир полка и старший колонны наливников были родственниками. Измену раскрыли своевременно, да тут еще успели координаты, переданные Гранцовым — и вдогонку десертирам были отправлены вертолеты.

Гранцов никогда, ни раньше, ни потом, не видел столько вертушек одновременно. Наверно, в Эфиопии проходил боевое слаживание какой-нибудь экспериментальный авиаполк. В первую минуту он насчитал восемь «крокодилов³», они парами вырастали из-за

² АТТ — автотранспортная техника

³ «крокодил» — одно из армейских имен вертолета Ми-24

гребня дюны. Когда появилась девятая машина, «МИ-8», ему уже было не до счета...

«Двадцатьчетверки» заходили на колонну и спереди, и сзади, роняя бомбы и выбрасывая дымные молнии НУРСов, а «восьмерки» зависали сбоку и расстреливали машины из пулеметов. Гранцов, к счастью, воткнулся своим «газиком» в водовозку. Он один остался в живых, потому что не бегал под огнем, а лежал. Причем лежал в луже воды, а вокруг растекался бензин.

Нет ничего хуже, чем умирать на чужой земле. Умирать, не выполнив боевой задачи. Да еще от рук своих же товарищей.

И вдруг Вадим вспомнил, что тогда он молился. Первый и последний раз в жизни молился по-настоящему — молча и со слезами. В грохоте и визге разрывов он мысленно повторял слова, которые сами пришли ему на ум. *Господи, помилуй. Господи, помилуй меня, грешного. Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас, грешных, ныне и в час смерти нашей.* И когда один вертолет остался в небе, а второй сел, и из него выпрыгнула досмотровая группа, лейтенант Гранцов перестал молиться, и только вспоминал всех своих близких, а контрольные выстрелы раздавались все ближе, и он уже попросил прощения у матери, у отца, у братишки... Но вдруг кто-то заорал: «Бензин! Не стрелять! Сгорим тут на хрен!», и Гранцов понял, что он еще поживет.

Слыша приближающиеся русские голоса, он еле удержался, чтоб не закричать что-нибудь вроде «Я свой, братцы!». Братцы, скорее всего, засадили бы в него очередь, чисто рефлекторно, а потом переспросили бы друг друга — что там кричал этот сомалиец? Он чувствовал пьянящий аромат горючего и ждал вспышки. Но вертолеты улетели, а лужа бензина, рядом с которой он лежал, так и не вспыхнула.

Позже, в Афганистане, ему приходилось участвовать в засадах на караваны. И после расстрела, приблизившись с группой досмотра к дымящимся «симургам» и «тойотам», старлей Гранцов всегда негромко окликал по-русски: «Есть кто живой?»

Глава 11. Ложная мишень

Старшина Поддубнов поправил фуражку на голове Добросклонова, отступил на пару шагов и попросил:

— Керимыч, встань-ка рядом для сравнения.

— Рэ-эвняйсь, смирн! — прорычал Гошка, когда Керимыч встал с ним плечом к плечу. — Товарищ мичман, личный состав...

— Отставить шуточки! — Поддубнов крутил на пальце ключи от «Урала». — Игорь Андреевич, вы человек образованный, но я вам все же напоминаю. Ворота за нами запереть на замок и никому, кроме нас, не открывать. На телефонные звонки отвечать строго по уставу. Когда проснется майор Гранцов, он будет недоволен, что его не разбудили. Валите все на меня. Я запретил будить. Пускай спит. Если у нас будут новости, я позвоню со станции. Вопросы есть?

— Вопросов нет!

— Добро. Поехали, Керимыч.

Гошка постоял у открытых ворот, глядя, как громадный грузовик, натужно урча, поднимается по дороге между высоких сосен. Вот его зеленый борт с белыми цифрами скрылся за красными стволами, и завывание мотора стало глуше, а потом и вовсе пропало, когда грузовик перевалил через сопку. «Сам дневальный, сам дежурный, рядовой Ахмед», — пропел Гошка, вспомнив армейскую народную песню, задвинул засовы, повесил замок и вприпрыжку побежал к штабу.

Добросклонов исполнял обязанности дежурного по базе, не отходя от телефона. Он вошел в Интернет и навестил несколько порносайтов. При этом он успевал оглядывать вверенный ему объект во все четыре окна, и от его ревнивого взора не ускользнула экскурсия

Гранцова и Регины. Они зашли сначала в домик с сауной, потом в жилой корпус, а оттуда уже в баньку над озером, и дверь в избушке захлопнулась надолго.

Он помнил инструкцию, полученную от Керимова, и постарался не засиживаться в Интернете, чтобы не занимать канал связи слишком долго. Ожидая проверочных звонков, Гошка забавлялся на компьютере. Сначала он попытался найти в нем какие-нибудь игры, но вместо них нашел «Дневник Партизана». Прочитав пару глав, он не удержался и принялся править тексты брата. Это занятие увлекло его так, что, когда зазвенел телефон, Гошка не сразу сообразил, как поступить.

— Дежурный по «Редуту»! — бодро прочитал он шпаргалку, оставленную предусмотрительным Керимовым.

— Что там у вас со связью, дежурный? — зарычала трубка. — Говорит комендант базы. Кто там у вас сегодня за старшего, позови.

— Никого нет, я один.

— Как это один? А где Поддубнов, где Гранцов?

— Никого нет.

— Никого, говоришь? Ну, оно и к лучшему. Ты новый?

— Новый.

— А, Керимов! Точно? Так слушай, Керимов. Сейчас откроешь ворота для двух машин. Это еду я, понял? Это я с дороги звоню. Понял? Уже проехали знак запретки, давай подходи к воротам, чтоб я там не торчал, как неродной. Понял?

— Так точно, — сообразил ответить Гошка.

Он торопливо натянул солдатскую куртку без погон, нахлобучил фуражку с кокардой и схватил ключ. Машины уже приближались, Добросклонов слышал завывание их моторов, подбегая к воротам.

Это были две «Нивы» последней модели, «пятидверки». Серая и белая. С одинаковыми номерами. Добросклонов протер глаза — и заметил, что номера различались только одной буквой, да и та была заляпана грязью. И номера были непростые — 369. Он по привычке сложил цифры. Получались сплошные девятки. А девяток он боялся. «Возможно, это уже мания. Возможно, это уже требует лечения. Или изоляции от общества. Но это сильнее меня», — думал Добросклонов, вспоминая все свойства числа Девять. Если свести эти свойства к одному понятию, то таким понятием будет Насилие.

Он торопливо распахнул перед ними ворота, но на территорию въехала только белая «Нива», а серая осталась на дороге. Из первой машины выбрался толстяк с пылающим лицом.

— Фу, сварился просто весь! Как хорошо в лесу-то! Жил бы и жил в лесу, — сказал он. — Это ты дежурный? Давно работаешь?

— Не очень, — признался Добросклонов.

— Да, текучесть кадров, — сказал комендант базы. Он повернулся к машине и продолжил с другой интонацией. — Гарнизон у нас особенный. Сюда попадают только проверенные люди, с допусками-пропусками, с подписками-расписками. Так что можете на гарнизон положиться. Не подведут.

— То есть вы сдаете все в аренду вместе с гарнизоном? — раздался скрипучий голос из машины. — А кто будет платить жалованье?

— Ну, тут возможны варианты, — сказал комендант.

— Пушчь остается как ест, — предложил, вылезая из машины, бледный рыжий человек в розовых брюках. — Свой оклад плачит государство, а хозяин дает людям какой-то бонус.

«Поляк», — догадался Добросклонов.

— Никакого государства здесь больше нет, — сказал голос из машины. — Будут хорошо работать, получают свой бонус. Будут пьянствовать, спишем.

Из «нивы» выскочил водитель и распахнул заднюю дверь. Добросклонов увидел еще одного гостя — лысого, в дорогих черных очках и с тросточкой. «Очередной великий слепой, Гомер Мильтонович Паниковский», — подумал он.

«Слепой» поднял очки на лоб и, щурясь, огляделся. Комендант базы подхватил его под локоть, поляк забежал вперед, и началась экскурсия.

— Это вот жилые корпуса на пятьдесят два места, двухместные и четырехместные номера, с удобствами, все законсервировано. Развернуть можно за несколько часов, — говорил комендант.

— Сантехника европейская, — вставил поляк.

— Налево банный комплекс, там две отдельные сауны, массажные кабинеты, тренажерный зал небольшой, — продолжал комендант.

— Сауны на сколько мест?

— Ну, человек на шесть.

— Значит, десяток набьется, если потесниться?

— Набьется, но это как-то не очень...

— Очень, не очень, какая разница? — сказал Слепой. — Нам главное, чтоб они сидели в парилке и не рыпались. Такой метод лечения. Душевые на сколько рожков?

— Две по восемь, кажется, — сказал комендант.

— Ещю ест фригидариум, — добавил поляк, и Слепой остановился.

— Точно? Настоящий фригидариум?

— Натуральный, — сказал поляк. — Финский камень.

— Во дают, — восхитился комендант. — Когда успели построить?

— Ладно, это все я знаю, читал я все ваши проспекты, — сказал Слепой. — А это что за вышка?

— Там сидит дежурный, — сказал комендант. — Эй, боец, как тебя... Можете идти.

— Ворота бы закрыть надо, — сказал Гошка.

— Так закрой, — сказал комендант. — Мы еще погуляем, посмотрим объект напоследок, может быть, еще и в баньку заглянем, попаримся с дороги.

— Нет, не будем время тратить, — отказался Слепой. — Я хожу в баню только по четвергам. И только в одну-единственную.

— Наша баня всем баням баня, — гордо сказал комендант. — Сигизмунд, подтверди!

— О, — сказал поляк.

— Нет, нет, и нет, — повторил Слепой. — В моей бане я парюсь абсолютно один, это раз. И из парилки сразу ныряю в бассейн, это два. Не ванночку, не лягушатник, а стандартный бассейн с дорожками, тумбами, вышкой. И плаваю там абсолютно один. Вот это баня так баня.

— Ну, бассейн тут не нужен, у нас вон озеро под боком чистейшее, — комендант обвел рукой живописную панораму.

— Ладно, это все мелочи быта, — Слепой оглядывался с недовольным видом. — А вот что это за рельсы? Что за антенны? Почему вертолет ржавый не убран? Пейзаж должен соответствовать общей идее. А это все не то, не гармонирует. И, наконец, я не вижу самого интересного.

— Так, боец, не закрывай пока ворота, — сказал комендант, — мы еще к могильнику съездим. Рельсы можно убрать, просто руки не дошли. Раньше по ним катали контейнеры к могильнику, потом туда бетонку протянули, и возили на «урале». А антенны? Ну, не знаю, их так просто не спишишь.

— Антенны не мешают, — сказал поляк. — Они не работают. Это не локация. Это радио.

— Боец, свободен, — сказал комендант.

— Есть, — сказал Гошка и неспешно удалился на боевой пост.

— Что за контейнеры? Радиация?

— Да нет, что вы! Никакой радиации! Обычные изотопные батареи!

Дальнейшее объяснение Гошка уже не расслышал. Вернувшись в дежурку, он тут же подсел к компьютеру и продолжил записки старшего брата. Он описал увиденных гостей, изложил их диалоги и закончил вопросом: «Что еще за контейнеры? И что за изотопные

батареи?»

Поглядывая то в одно окно, то в другое, он следил за странной делегацией. Комендант и поляк вели Слепого, а «нива» медленно катила за ними. Вот они остановились, поляк поднял блеснувшую фляжку и первым отпил из нее. Слепой отрицательно мотнул головой, а комендант приложился за двоих.

Комендант повернулся к дежурке и махнул рукой, поманив Добросклонова — он, наверно, был уверен, что подчиненный не сводит с него преданных глаз.

— Так, боец, запирай за нами ворота, мы еще могильник посмотрим, и на этом все.

— Солдатика возьмем с собой, — сказал Слепой, улыбаясь Гошке.

— Нет, непорядок, — сказал комендант. — Кто-то должен всегда сидеть на телефоне. А ты, боец, не спи на ходу, готовься к субботе, чтоб лицом в грязь не ударили, смотри.

— Постараемся, — вытянулся Добросклонов.

— Да уж постарайтесь, — сказал комендант, усаживаясь в «ниву» рядом с водителем. — При новом начальстве никаких поблажек не будет. И давайте переходите на гражданскую форму одежды.

— Ничего не случится, если человек с нами прокатится, — продолжал улыбаться Слепой, садясь. — Вы бакинец, Керимов? Очень чистое у вас произношение. Типично бакинское, ни малейшего акцента.

— Так точно, бакинец.

— Чудесный город. А где вы там жили?

Игорь Добросклонов за годы журналистской работы побывал только в Москве, Дрездене, Гданьске и подшефном совхозе. Продолжая играть роль бакинца Керимова, он мог бы сказать, что жил в Баку на улице Ленина. Ведь такая улица была везде — и в Дрездене, и в Гданьске, и даже в подшефном колхозе. Но он ответил:

— Где мы жили? За вокзалом, в доме, где обувной магазин.

— Помню, помню эти чудесные завокзальные дворики, — улыбался Слепой. — У нас наверняка найдутся общие знакомые. Поговорим по дороге, идет?

— Никак нет. Не могу оставить пост. Служба.

— Вот так и служи, — комендант захлопнул дверцу.

— Только без этих штучек вроде «так точно», «есть», «разойдись», — дружелюбно сказал Слепой из-за спины водителя. — Будем общаться как люди.

— Есть общаться как люди! — вытянулся Добросклонов.

Все трое расхохотались, и машина развернулась. Гошка запер ворота и долго смотрел вслед двум одинаковым «нивам», которые петляли между соснами.

Хлопнув себя по лбу, он побежал в дежурку и кинулся к компьютеру. «И что такое фригидариум? Если контейнеры радиоактивные, то почему личному составу не выдают свинцовые плавки??»

Он еще успел сделать отредактировать несколько страниц гранцовского дневника, прежде чем услышал гудки клаксона и посмотрел в окно. Серая «нива» стояла перед запертыми воротами.

«Я вам не мальчик на побегушках, — мысленно ответил Добросклонов. — Бегать туда-сюда не собираюсь».

Он действительно не собирался бежать к воротам, не закончив абзац.

Он еще подумал, надевать ли фуражку и куртку, а машина все сигнализировала. Когда же он выходил из дежурки, то увидел, что через ворота перелезают двое в камуфляже. Добросклонов открыл было рот, чтобы крикнуть им: «Эй, вы чего!», как вдруг заметил у них автоматы.

Один из них навел автомат на Добросклонова.

В следующее мгновение Гошка уже был в дежурке за захлопнутой дверью. Пригибаясь, он метнулся в глубину комнаты. Что-то затрещало, зазвенело разбитое стекло.

Он скорчился на полу за столом. Пули с треском впивались в стены. «Вот тебе и девятка, — подумал Добросклонов. — Вот и число насилия. Нет, не ввали гады-

вычислители, не ввали!»

Глава 12. Цветы запоздалые

Он проснулся от нестерпимого запаха какой-то вкусной еды. Часы показывали полдень. «Ничего себе вздремнул, — подумал Гранцов, — как бы не проспять самое интересное».

В его комнатку вошла Регина. Она держала на подносе тарелку — источник умопомрачительного запаха.

— Вы уже проснулись? Я, наверно, вас разбудила? — спросила она, строго по канонам сервировки размещая на столе тарелку, вилку, нож и салфетки.

— Почему меня не подняли в десять?

— Борис Макарович приказал вас не беспокоить.

— Что? Я же сказал ему, поднять меня в десять!

Наверно, он произнес это слишком громко, потому что Регина отступила к двери и вытянула руки по швам.

— Он уехал на станцию, вместе с Керимовым, на грузовике. Игорь Андреевич сидит на телефоне, — доложила она.

— Какой еще Игорь Андреевич? Что, Гошка остался за дежурного? Ну, ребята... — У Гранцова вертелись на языке неуставные выражения, но он сдержался. — Так, а что означает эта тарелка?

— Ваш завтрак, товарищ майор.

— Понятно. Вообще-то у нас тут другие порядки, — смягчился Вадим.

— Вот уеду я, тогда и вернетесь к своим холостяцким порядкам, — сказала она, осмелев. — А пока, будьте любезны, завтрак подан. А грязную посуду прошу сразу на кухню. Не накапливайте по закуткам. Я сейчас обошла все помещения и собрала гору посуды. И как у вас еще тараканов нет, просто удивительно.

— Это рыба? — Гранцов попытался уклониться от больной темы «Неизбывность российского бардака на примере базы».

— Рыба с грибами.

— Регина Казимировна, мы тут каждый день едим или рыбу, или грибы. Но такого запаха я не помню.

— Комплименты не принимаю, — сказала Регина и ушла.

Гранцов унял бесполезную злость. Когда мичман вернется, ему будет сказано все, и даже больше. А пугать слабую женщину своим командирским рыком, конечно, не стоило.

Рыба была приготовлена с рисом. Причем каждое рисовое зернышко было абсолютно отдельным. Гранцов и сам прекрасно готовил (по крайней мере, когда надо было пожарить мясо на костре или сварить суп из тушенки), но сейчас он понимал, что до таких высот кулинарного искусства ему далеко.

Он вошел в кухню, держа перед собой чисто вылизанную тарелку. Регина молча налила ему кофе из начищенного медного кофейника.

— Регина Казимировна, могу я вас просить об одном одолжении? Не будете ли вы так любезны... Ну вот, забыл, что хотел сказать!

— Вадим Андреевич...

— Так, вспомнил. Во-первых, я вам никакой не Андреевич. Меня зовут Вадим. Коротко, понятно и хорошо слышно на любом расстоянии. Да, и Гошку, пожалуйста, называйте Гошкой. Соответственно и вас я буду звать просто Региной. И вообще, давай на «ты»?

— О нет, — сказала она. — Мне это тяжело дается. Это получается только с очень близкими.

— Так, во вторых, — сказал он, проглотив обиду. — Считаю, что вы сейчас на положении прикомандированного бойца. И должны быть в курсе. Могут случиться разные странные или страшные события. Главное, не теряйте голову. Без эмоций. Делайте то, что

вам скажут. Если услышите стрельбу, ложитесь за любое укрытие и не вставайте, пока все не кончится.

— Вот даже как, — сказала она спокойно. — Даже стрелять будут. Очень интересно. Что еще?

— Так, в-третьих, — сказал Гранцов. — Этот кофейник. Постарайтесь варить кофе в чем-нибудь другом.

— Жаль, — сказала она. — Вещь ценная, и ужасно удобная. Настоящий кофе можно приготовить только в такой посуде.

— Правильно. Там, где я был, пьют только настоящий кофе, — сказал Гранцов. — И бедняки, и императоры. А конкретно эту вещь я получил, конечно, случайно. Сопровождал одного инспектора. В конце поездки он подарил водителю свои часы. А мне вот вещь досталась, в хозяйстве полезная.

— Вам так дорога память об этом инспекторе?

— Неважно.

— Договаривайте, если начали, — потребовала Регина. — Да не бойтесь. Кто же вам это подарил? А, догадываюсь. Этот инспектор был женщиной? И вы...

— Нет. Этого инспектора зовут Рауль Кастро. Знаете такого?

— Знаю, — сказала Регина и горько улыбнулась. — Боже мой, куда мне деться из этого заколдованного круга? Мой муж был советником, работал в Анголе. Он был очень похож на вас. Вы тоже там были?

— На другом берегу, — иносказательно выразился Гранцов, подчиняясь привычке никогда не упоминать места, где служил. — Вы хорошо варите кофе.

— Ты, — поправила его Регина, и быстро отвернулась к мойке, вытирая глаза фартуком. — Извини... Что-то я хотела спросить... А откуда здесь горячая вода?

Ему показалось, что сейчас она расплачется. Вадим терпеть не мог слез, но если бы она расплакалась, он был бы только рад. Потому что ему хотелось обнять ее, усадить к себе на колени и гладить по голове, утешая. «Она мужа вспомнила, а ты этим хочешь воспользоваться», — обругал он себя и встал из-за стола.

— Я тебе потом покажу все наше хозяйство, — сказал Гранцов. — Газовая колонка. Есть еще котельная, есть подстанция, водопровод, канализация, есть даже очистная установка. Огромное хозяйство. Но сначала я покажу тебе наши бани. Пошли.

— А убирать кто будет?

— Дежурный уберет. Захвати свои принадлежности, и — в баню. Надо обязательно попариться сегодня, завтра будет не до того.

— Ой, а нельзя ли как-нибудь без бани?

— Никак нельзя.

У нее не оказалось никаких «принадлежностей», и Вадим выдал ей большое вафельное полотенце и две льняные простыни. Потом придвинул к ней корзину с банными шлепанцами:

— Выбери что-нибудь по размеру.

— Откуда на военном объекте женские тапочки? — спросила она, примеряя маленькие «вьетнамки». — Только не говори, что они детские.

— Откуда? У нас тут работали женщины. А ты что подумала?

— Я так и подумала, что они тут *работали*, — язвительно улыбнулась она.

Он пропустил ее вперед и вошел следом. Прежде чем запереть за собой дверь, он еще раз огляделся по сторонам. Все тихо, все спокойно, собаки на постах, Гошка в штабе, сигнализация включена. «За эти полчаса ничего не случится», убедил он себя и задвинул засов.

— Как здесь хорошо, как тепло, — сказала Регина, оглядывая предбанник. — Знаешь, я ужасная мерзлячка.

— У нас не замерзнешь, — сказал Вадим, раздеваясь.

— Ты женат?

— Хороший вопрос, — засмеялся он. — Особенно в бане. Не волнуйся. Во-первых, я не женат. Во-вторых, это неважно. Я не собираюсь к тебе приставать. Вот простыни. Налево душ, направо туалет, прямо — парилка.

— Какой сервис, — сказала она. — А снаружи просто избушка на курьих ножках.

— Маскировка, — он с важным видом поднял палец, и она рассмеялась.

Он ополоснулся под холодным душем, юркнул в парилку и лег на верхнем полке. Регина, закутавшись в простыню, присела на краешек рядом с ним.

— Как хорошо, — сказала она. — Не ожидала. Чистенько. Пока это самое лучшее, что ты мне показал. Чудесная баня.

— Хорошая баня, — согласился он. — Наверно, она-то нас и держит здесь, в лесу. В городе такая роскошь недоступна.

— В городе это стоит очень дорого, — сказала она.

— В городе нет озера под полом, — сказал он. — Нет леса вокруг. Нет такой тишины.

— Я хотела сказать, что можно жить в городе и приезжать, например, в загородную баню, но это очень дорого.

— Жить в городе, — повторил за ней Вадим. — А зачем? Что тебя ждет в городе? Шум, грязь, кругом одни уроды. А здесь чисто и тихо, и вокруг только свои.

— Тебе легко говорить, — вздохнула она. — Ты мужчина, и ты один, тебе ничего не нужно. А вот если б у тебя была семья, дети...

— Тогда я бы возил детей в школу. А жену — в Эрмитаж и Русский музей, если она без них жить не может. Хорошо, добавим концерты Пугачевой и «Лебединое озеро» в Кировском театре. Буду возить. Это час езды, плюс полчаса по городу. Ладно, не проблема. Те, кто живет в этих высотных трущобах на тысячу квартир где-нибудь на Ржевке, они ведь не быстрее добираются до Эрмитажа, верно?

Он говорил как бы сам с собой, обмакивая руку в ковшик с настоем ромашки и стряхивая воду с пальцев на шипящую каменку.

— Вот есть у меня приятель, местный участковый. Он тоже жил в городе, в коммуналке. Двенадцать метров на троих. Работал в угрозыске. Был хорошим опером, коллектив был приличный, и работу он свою любил. Но вот померла у него какая-то троюродная тетка и оставила в наследство дом. Дом на озере, сад, огород, лодка. И он все бросил, переехал сюда. Не думаю, что его семья что-то потеряла. Здесь он еще двоих пацанят настругал. Корову завел. Жена — медик, тоже без работы не сидит. Но и не надрывается.

— А дети? — спросила она. — Что они видят в деревне? Грязь, пьянство. Что их ждет?

«Об этом не беспокойся, наши дети не увидят ни грязи, ни пьянства», — хотел ответить Вадим, но вовремя спохватился. Он вдруг почувствовал, что со вчерашнего дня вся его жизнь разделилась на две части. Жизнь без Регины. И жизнь с Региной. Теперь ему следует вести себя очень осторожно, чтобы не отпугнуть ее. Она останется с ним, если захочет. И он сделает все, чтобы она этого захотела. И потом он будет делать все, чтобы она никогда не пожалела о своем выборе.

— Дети видят то, что им показывают родители, — улыбнулся он. — Согрелась? Раскутайся немножко, а то тепловой удар заработаешь.

— Ах, какая забота, — сказала Регина, скидывая простыню и расстилая ее на нижнем полке.

«А ты давно не загорала», — чуть не сказал он, увидев ее белую спину, на которой не было никаких следов купальника.

Регина опустила голову на скрещенные руки и блаженно протянула:

— Как тепло, как приятно. Просто Крым, пляж, август. Ты был в Крыму?

— Никогда, — быстро ответил он и снова устыдился этой лжи.

«Не надо врать ей, — подумал он. — Даже по мелочи. Нет, особенно по мелочи. Потому что из мелочей вырастает привычка. А я не хочу, чтобы мы привыкли врать друг другу. Рано или поздно я проговорюсь, что был в Крыму, что именно там познакомился с Макарычем, и она сразу вспомнит этот наш разговор. Все, больше не врать. Лучше бы

промолчал».

— Я был в районе Джанкоя, это совсем не тот Крым, какой ты имеешь в виду, — сказал он и свесил руку, коснувшись ее спины. На белой гладкой коже с веснушками на плечах уже проступали капельки пота.

— Какая у тебя рука прохладная, — заметила Регина.

— Как ты относишься к венику?

— А это не больно?

— Я не могу тебе сделать больно, — сказал он. — Я очень добрый и мягкий. Особенно сейчас.

Веники были запарены с утра, и он выбрал самые мягкие и нежные. И первые движения его были ласковыми и уверенными, он почти не касался кожи, нагнетая пар к ее разомлевшему телу.

— Можно посильнее, — сказала она.

— Как прикажете-с, — сказал он и хлестнул по пяткам.

— Ой! Нет-нет, продолжай...

Он плеснул на камни. И, надев войлочную шапочку и рукавицу, принялся охаживать Регину по всем правилам банного искусства.

Наклонившись, Гранцов распахнул в бане маленькую дверцу.

— А сюда мы ныряем, — сказал он и потянул Регину за руку.

— Ой, нет, ни за что!

— Смотри, это же так здорово, — он присел, свесив ноги в люк, и с плеском скатился в озеро. — Ну, где же ты?

— Нет, ни за что, — решительно отказалась она, присаживаясь на край люка. Конечно, он тут же схватил ее за лодыжку и просто стянул в воду. — Ты меня утопишь!

Как здорово в ледяной воде прижаться горячими телами... Она невольно обвила его шею своими гибкими руками, и он не удержался, поцеловал ее. Ее прохладные солоноватые губы осторожно ответили, однако в следующую секунду Регина откинула голову, уперлась ладонями в его грудь и недоверчиво посмотрела ему в глаза.

— Сумасшедший, — прошептала она. — Ты просто сумасшедший.

Он потянулся губами к ее шее, но тут над озером раскатился автомобильный гудок.

— Тихо, — неожиданно скомандовал он, обняв ее и оглядываясь. — Тихо, милая. Ну-ка, давай наверх. Быстро, быстро.

Она, наверно, даже не успела обидеться, как снова оказалась в бане, а Гранцов уже натягивал брюки и майку прямо на мокрое тело.

— Посиди пока одна, хорошо? Кажется, кто-то приехал, тебе лучше не показываться, хорошо? Мне надо идти. Гошка один не справится.

Глава 13. Под огнем

Машина нетерпеливо сигналила, пока он бежал к жилому корпусу. Гранцов хотел переодеться и прибраться в комнатах, чтобы достойно встретить внезапного гостя.

Он расправил смятую постель, затолкал под койку сапоги и ватник, смахнул крошки с тумбочки и задумался, куда бы пристроить коробки с патронами. Тут-то он и увидел, как через ворота неловко перебираются ребята в сером камуфляже.

Их было двое, пустая машина с раскрытыми дверцами осталась перед закрытыми воротами.

Он видел ее сквозь проволочное ограждение. Серая «Нива» стояла вплотную к воротам, так что они смогли сначала встать на ее капот, а уже оттуда перемахнуть через высокие створки.

Гранцов присел перед окном, выглядывая из уголка. Двое в камуфляже зашли за угол штаба, и тут же затрещали короткие очереди.

Он сорвал двустолвку со стены. «Вот и началось, — подумал он, загоня патроны. — С

опережением. Как всегда внезапно».

«Внезапно только старость приходит, — учил его когда-то комбат. — Ко всему остальному разведчик всегда готов».

И сейчас, мокрый и босой, распаренный после бани, еще чувствуя вкус губ Регины и миндальный запах ее волос, он все равно был готов ко всему. Неважно, кто эти люди, неважно, зачем они здесь, неважно даже сколько их. Важно одно — это враги. Они вооружены. И они хотят его убить.

Он пересчитал патроны с пулями и рассовал их в задние карманы джинсов. Это были хорошие пули, «люберчанки». Жалко тратить на каких-то негодяев. Что ж, какому-то лосю или кабанчику сегодня сильно повезло.

Двое в камуфляже стояли перед крыльцом штаба. Один из них, рыжий, стрелял по двери, другой, бритоголовый, поднял автомат над головой и бил короткими очередями по окнам. Автомат дергался в его руках, и пули с визгом рикошетили от кирпичной стены.

— Ну, ты чё ваще! — заорал рыжий, когда у самых его ног ударила одна из отскачивших пуль. — Ты смотри куда бьешь, падла!

— Сам смотри, козел, — крикнул бритый. — Из-за тебя тут застряли! Иди пошукай, как он там. Вот хачик, заперся, козел.

— Была бы граната, — сказал рыжий. — Милое дело. Засылаешь пару гранат, и все дела.

Он пнул ногой дверь, но она не поддалась. Тогда он поднял автомат, и раздался одиночный выстрел.

— Дай очередь по замку! — крикнул бритый.

— Да пустой я, — сказал рыжий, отстегивая магазин.

«Пустой. Пока не перезарядил, этот рыжий безопасен», — решил Гранцов и перевел ствол на бритого. Тот стоял неудобно, боком. Можно было бы выстрелить в голову, но Вадим не хотел рисковать. Он свистнул, как делал это на охоте, чтобы остановить бредущего зверя. И когда бритоголовый удивленно повернулся к нему, Гранцов нажал на крючок.

Выстрел из ружья прозвучал громче и сочнее, чем автоматная сухая трескотня. Бритый выронил автомат и схватился за живот, прежде чем повалиться на песок.

— Эй, ты чё, мужик! — крикнул рыжий, вставляя магазин.

Гранцов выстрелил и в него, наведя в пояс, и укрылся за углом. Второй выстрел показался ему неудачным, потому что рыжий дернулся в сторону. Он вставил в стволы новые патроны и прислушался. Как он и ожидал, были слышны шаги и тяжелое дыхание бегущего противника. Пусть подбежит поближе, решил Вадим. Но звук шагов почему-то отдалялся. Он выглянул из-за угла и с досадой выругался: рыжий убегал. Припадая на одну ногу, он бежал к воротам. Гранцов прицелился и выстрелил, чувствуя, что не попадет. Так и есть — мимо!

Тот, кого он уложил первым, вдруг приподнялся и закричал слабым голосом:

— Стой, козел! Куда!

Рыжий остановился, обернулся и поднял автомат. Гранцов распластался на земле. Он услышал длинную очередь, но пули щелкали где-то в стороне. Вадим поднял голову и снова прицелился, опираясь на локти. Рыжий убегал к воротам, закинув автомат за спину. Он волочил ногу — и споткнулся как раз за миг до того, как Гранцов выстрелил.

Пуля гулко ударила по створке ворот. Рыжий подпрыгнул, ловко оперся ногой на засов, подтянулся и перевалился через ворота. Хлопнули дверцы машины, взревел мотор — и «нива» сорвалась с места.

Оставался последний патрон с пулей. Гранцов перезарядил ружье и поднял голову, оглядываясь. Бритый оставался на месте. Вадим осторожно пошел к нему, держа палец на спусковом крючке.

Тот лежал на спине поперек булыжной дорожки, широко раскинув руки и скрестив ноги. Песок вокруг него был взрыт пулями и уже пропитался темной кровью.

Гранцов опустился на колени и коснулся его открытой шеи, пытаясь нащупать сонную

артерию. Потом задрал веко и убедился, что перед ним покойник.

— Вот оно как, — произнес он. — Свои-то, брат, по своим не промажут. Эх, бедолага.

Теперь у него было время разглядеть лицо противника. Он понял, почему оно показалось ему знакомым за секунду до выстрела. Этих ребят он видел около спортзала, когда их поделник так неосторожно пытался напасть на Поддубнова.

Он подергал запертую дверь. Пули пробили в ней рваные щели, но держалась она крепко.

— Гошка! Открой, это я, Вадим!

За дверью было тихо. Гранцов, подтянувшись, заглянул в окно через разбитое стекло. В дежурке никого не было видно, мерцал экран монитора, да клубилась пыль штукатурки.

Он перелез через подоконник и, хрустя сапогами по битому стеклу, пошел к дальнему углу комнаты, где между ножками стола виднелось что-то бесформенное, густо засыпанное пылью и осколками.

Добросклонов лежал, натянув на голову куртку. Капли крови блестели на полу. Гранцов разглядел два темно-красных пятна на спине и струйку светлой пульсирующей крови, которая текла сквозь порванную ткань джинсов ниже колена. Он стянул с себя тельняшку и быстро перевязал ногу. Добросклонов застонал.

— Терпи, Гошка, терпи, — сказал Вадим бодро. — Если сразу не убили, значит выживешь.

Он выволок раненого наружу и, взвалив на плечи, отнес к баньке.

— О Господи, — сказала Регина. — Надо было позвать меня, а не тащить его сюда.

— Тут спокойнее, — сказал Гранцов. — Ты можешь ему помочь? Где-то здесь есть аптечка.

— Жгут давно завязал?

— Только что.

— Нож есть? — спросила она и, не дожидаясь ответа, разорвала Гошкину куртку вдоль спины. — Так, это просто глубокие ссадины... Где аптечка?

— Сама поищи, — сказал Гранцов, — я пошел. Запишись. Обе двери закрой на засов. Поняла?

— Так, осколок стекла в ране... — Регина подняла голову. — Мне нужна моя косметичка. Там пинцет.

— В аптечке найдешь. Закройся, слышишь? — настойчиво повторил Вадим. — И не открывай незнакомым, слышишь?

Он сам прикрыл за собой тяжелую дверь и отошел только тогда, когда услышал глухой стук задвинутого засова.

Повесив на шею трофейный автомат (это был короткоствольный АКСУ), он обыскал убитого и не нашел ничего, кроме запасного магазина и ножа. Он оттащил убитого к дренажной канаве и прикрыл дождевиком, который сушился на веревке, не придумав пока, что делать с трупом. Ему хотелось поскорее избавиться от него, но сначала надо было разобраться со вторым «гостем».

Если второй уехал за подкреплением, они вернутся по той же дороге, рассудил Гранцов и решил встретить их чуть раньше, чем им бы того хотелось. Последнее дело — устраивать засаду наспех, да еще одному. Вадим надеялся только на то, что он — дома, на своей территории. При удаче он мог остановить машину хорошим выстрелом из ружья, а потом из автомата перебить тех, кто в ней останется. Если они успеют выскочить, ему придется уводить их за собой по лесу и валить по одному. Хватило бы патронов. И не подвел бы автомат. Не нравилось ему это оружие, короткоствольное, ржавое и грязное. «Да ладно тебе, — пристыдил он сам себя. — Поддубнов таких уродов пальцем протыкает, а у тебя вон почти целый магазин».

Устроившись за корягой и держа под прицелом поворот дороги, Гранцов беспокоился только о Регине. Сколько она сможет вы сидеть в бане? Она наверняка слышала пальбу, и ей было страшно. А теперь наступила тишина, и ей, возможно, еще страшнее. Но держится она

хорошо. Что там у нас в аптечке? Кажется, там были бинты, йод и вата. «Только бы она никуда не выходила», взмолился Гранцов, заслышав неясный гул приближающейся машины.

Между деревьями мелькал грязный борт. «Это уже не «Нива», — отметил Гранцов. Он опустил предохранитель автомата до первого щелчка⁴. Никаких очередей. Патроны придется беречь. Автомат лежал у него под грудью. Так его будет удобнее схватить сразу после выстрела из ружья.

Машина, наконец, показалась из-за поворота. Это был «Ниссан-патрол», и, разглядев лица Поддубнова и Железняк, Вадим опустил ружье.

Он вышел на дорогу, и джип резко затормозил.

— Майор, кто у нас? — закричал Поддубнов.

— Уже никого. Ты чего кричишь?

— У нас ЧП, — сказал Поддубнов, не выходя из машины. — Поехали, посмотришь. Серая «нива» к нам заезжала?

— Да, — сказал Гранцов, забираясь на заднее сиденье.

— Я так и думал, — снова повысил голос Поддубнов, но совладал с эмоциями и заговорил спокойнее. — Так и думал, что от нас летит. Хорошо, что впереди ехал я на «Урале», а не Железняк на своей лохматке! Только заворачиваю, — а он со всего разгона! Хлоп! Черт, я даже не понял ничего.

— Повезло нам, со страшной силой повезло, — сказал капитан Железняк, разворачиваясь. — Я все хотел Макарыча обогнать, чтоб не дышать копотью. А он не давался. И слава Богу. Мужик-то засадил вполне конкретно, еще и с горки разогнался. Гражданин Гранцов, а чего это вы с ружьем по лесу гуляете? Браконьерствуем?

— Привычка такая, — Вадим порадовался, что успел спрятать автомат под поллой куртки, иначе Железняк замучил бы его расспросами.

За поворотом после длинного спуска стоял «Урал», а под ним смятая «Нива». На обочине лежало тело, покрытое куском брезента. Поодаль сидел на корточках мрачный Керимов.

— Выбросило мужика через лобовое стекло, — сказал Железняк. — Еле-еле отодрали от «Урала». В лепешку. Лучше не смотри.

— Да видел я его, — сказал Гранцов, откинув ногой брезент. — Правда, тогда у него мозги были внутри.

Керимов подошел к ним, разводя руками:

— Вадим, мы не виноваты! Он так летел, так летел! Как бешеный, честное слово!

— Знаешь, Керимыч, — задумчиво сказал Гранцов. — А ведь пацаны за тобой приезжали. Точно. Дошло до меня.

— За мной? Мы их там не видели, — Керимов оглянулся в сторону трупа и пожал плечами. — Почему на почту не поехали? Почему на базу?

— Потому что... — Вадим поежился от холода, который обдал его изнутри. — Нет, это уже слишком. Знаете, товарищи, почему они поехали на базу? Потому что они знают наш график дежурств. Они знали, что сегодня дежурит Керимыч.

— Кто это «они»? В машине один был.

— Второй у нас остался, — коротко ответил Гранцов и продолжил: — Они знали мой график в жилконторе. Они знали твой график тренировок. Они и про Керимыча знали. Однако, товарищи, эти пацаны имеют солидную базу.

— Насчет солидной базы могу сказать конкретно, — заявил Железняк. — Номер у «нивы» — блатной. Меня только что предупредили гаишники. По району мотаются машины одной серьезной структуры. Приказано не беспокоить. Придется звонить в город.

— Не спеши, — сказал Гранцов, заметив автоматный ремень, свисающий из-под искореженной двери.

⁴ первый щелчок предохранителя означает режим одиночного огня

Он пробрался под передок грузовика и вытянул автомат. Поддубнов и Железняк одновременно присвистнули.

— В хозяйстве пригодится, — сказал Гранцов.

— Вот так серьезная структура, — сказал Железняк. — Очень конкретная структура. Покажи-ка ствол.

— Да смотри, не жалко, — сказал Гранцов. — Можешь забрать, приобщить к делу. Только не сейчас, а завтра. Кажется, нам пора открывать филиал судебно-медицинского морга. Поехали домой, там еще один лежит.

— Что? Еще один жмурик на мою голову? — Железняк выругался, продолжая внимательно оглядывать автомат. — Ну, спасибо, товарищи браконьеры. Ты хоть представляешь, какой у меня головняк начнется?

— Никаких проблем. Наоборот. У тебя раскрытое убийство по горячим следам. Что тут думать? Один отморозок застрелил другого. На почве неприязненных отношений. Вот из этого ствола. На глазах двоих свидетелей. Потом выехал на встречную полосу, не справился с управлением и попал под «Урал». Оформить ДТП Керимыч тебе поможет.

— Грамотные все стали, — пробурчал Железняк, мотор взревел, и джип развернулся почти на месте.

Гранцов оглянулся. Дорога, насколько хватало обзора, была пуста. Если кто и поедет, «Урал» их задержит, подумал он. Но похоже, что сегодня уже никого можно не ждать.

— Слушай, капитан, отвезешь двоих наших в больницу? Один раненый, второй сопровождающий.

— Можно.

— Кто раненый? — сердито спросил Поддубнов. — Никуда я не поеду!

— Да нет, Макарыч, Гошку зацепило, брата моего. Когда эти придурки подняли пальбу, его рикошетом и зацепило.

— Отставить легенды, — сказал Поддубнов. — Говори конкретно, что стряслось?

— К нам приехали те самые пацаны, которых вы ждали на почте. Остальное ты сам видел, — сказал Гранцов.

— И все? Ты их отпустил? Не верю.

— Я хотел их взять живыми. Одного ранил. Второй удрал. И по дороге, гад, добил товарища. Вот теперь точно все.

— А с братом твоим что?

— Я же говорю, рикошет. Он заперся в дежурке, они его через окна хотели достать. Надо раненого эвакуировать, все равно он теперь не работник. Поможешь, Железняк?

— Нет вопросов. Пристроим и раненого, и сопровождающего. И остальных могу пристроить. А что, у меня места много. Есть укромный домик, можно отсидеться.

— С чего бы такая забота? — спросил Гранцов.

— А с того, — ответил Железняк и длинно выругался. — Только между нами, ясно? Это наши чисто ментовские дела, вам сюда лучше не соваться. Короче, была наводка, что в городе засекли одного клиента. Беспредельный отморозок, короче. Кликуха Везунчик.

— Ну и что? — спросил Гранцов.

— Я же говорю, отморозок. Отставник. Служил в спецназе. Комиссован через психушку. Патологическая жестокость и все такое. Короче, клиент еще тот.

Джип перевалил через гребень сопки и покатился вниз, дребезжа подвеской.

— Ты полегче, полегче, — сказал Поддубнов. — Куда разогнался-то?

Железняк снова выругался, но скорость убавил.

— Я как автомат увидел, сразу на него подумал. Номер, само собой, проверить надо, только я уже и так чувствую, что наш это «коротыш», наш.

— Чей?

— Из «собровской» оружейки. Ты рукоятку видел, Димыч? Деревянная рукоятка. Не

штатная. Это умельцы из СОБРа⁵ приспособили на «коротыши» рукоятки от старых акээмов. Ну, не дай Бог, если это тот самый ствол... Короче, на этом Везунчике лично висят пять наших убитых ребят. Давно это было, года три как. Он фуры чистил на перегонах. Наводки имел точнейшие. Останавливал только жирные трейлеры, с компьютерами, с медикаментами и типа того. Был при форме, на милицейской машине, все путем. Если с фурой был охранник, гасили на месте. Однажды его пацаны попались на перегрузке товара. Они его вложили. Но он смылся. Пока искали, они от показаний отказались. Адвокаты у них были матерые. Короче, пацаны получили условно. Через месяц ни одного уже не было в живых. Вот такой серьезный клиент, этот Везунчик, — сказал Железняк.

— А что насчет ствола? — спросил Гранцов.

— Отдельная история. Ехала фура с засадой. Пятеро собровцев сидели в кузове вместо товара. Утром фуру нашли в болоте. Борта пробиты из пулемета, в лохмотья порваны. Бойцы там же и остались, где ехали. Внутри. Но уже без оружия, патронов и документов. Кто-то Везунчику стукнул, что засада будет. И он наших положил.

— Серьезный клиент, — сказал Гранцов. — С пулеметом.

— Короче, после этого эпизода Везунчик испарился. Он же знает, что такие вещи не прощают. И никакие адвокаты его теперь не отмажут. Испарился, сука. На трассе целый год никого не убивали. Потом, конечно, опять начали грабить, но уже без крови. А Везунчик, говорят, перешел на чисто легальное положение. Сделал пластическую операцию за границей. Базировался где-то в Прибалтике. Поднялся на медяшке и нефтянке⁶. А теперь на родину, сука, потянулся. Думал, не узнают его.

— Как же его узнали?

— Он приехал на сходняк, тамбовские пригласили. Как обычно, кабак и все такое. Сауна. Девочки. В бане его опознала проститутка из подсадных. Есть у Везунчика особая примета. У него между лопаток татуировка. Морда тигра, — Железняк снова выматерился и добавил: — Короче, раз к вам заехали пацаны с нашим стволом, значит, у вас проблемы с Везунчиком. А если на вас наехал Везунчик, вам ничего не светит. Так что лучше пока отсидеться, а я среди своих посоветуюсь, как его зацепить наверняка.

— Некогда отсиживаться, — сказал Поддубнов. — Завтра целая толпа гостей.

— Это уже не гости, — поправил его Керимов. — Это хозяева.

— Хозяева здесь — мы, — сказал Вадим Гранцов.

Часть 2. Западня

* * *

Она тоже когда-то верила в возрождение.

Все началось в казино. Это был удачный вечер. Деньги легко приходили и еще легче уходили, превращаясь в жетоны и коньяк, ее любимый «Реми Мартен». Было весело, но как-то пусто. И слова случайных соседей вдруг показались глубокими и важными. Они тоже играли, и тоже понемногу выигрывали. Они угощали ее, она угощала их, запасы жетонов незаметно таяли, но это никого не огорчало, потому что они были слишком увлечены новым знакомством. Окончательно проигравшись к утру, договорились встретиться вечером в очень интересном месте. Впервые она не ощущала привычной утренней опустошенности. Она прибежала на встречу, волнуясь, как школьница перед первым свиданием. И ей все

⁵ СОБР — специальный отряд быстрого реагирования

⁶ «медяшка», «нефтянка» — операции с цветными металлами и нефтепродуктами

понравилось в Институте. Красивые жизнерадостные люди, которые приезжали на дорогих машинах, но были одеты в потертые джинсы. Атмосфера бескорыстия и участия. Старинная мебель в кабинетах. Особенно ей понравилось, что ее сразу приняли как равную, обращались за советом. На семинаре шла речь о типах личности. Ей дали такую же анкету, как и всем остальным. На следующем семинаре он узнала о себе все. По многим параметрам у нее были отличные оценки, но кое-что в характере не мешало бы и подправить. Почему нет? Она прошла курс «шлифовки» всего за сто долларов. Особых перемен в характере не произошло, но она бросила курить и пить — просто пропало желание.

Она и не заметила, как перестала работать. Проводила все время в Институте. Приветливые люди окружали ее, не отпуская ни на минуту, восхищаясь ее умом, ее английским, ее работоспособностью. Через месяц она уже сама раздавала и обрабатывала анкеты, через два сама приводила в Институт новичков, а еще через какое-то время ее отправили в Грецию на переподготовку.

Устроившись в удобном кресле «Боинга», она притворилась спящей, просто чтобы побыть одной и подвести предварительные итоги. Никакие тесты и анкеты не раскрыли (она надеялась) ее истинных намерений. Еще тогда, в казино, она захотела узнать, откуда у ее собеседников такие деньги и такая машина. Ответ оказался пугающе простым — эти деньги люди сами отдавали им, получая взамен чувство превосходства над окружающими. Неглупые образованные люди бросали семью и работу, чтобы устроиться добровольцем-волонтером в Институт. Стены Института ограждали их от прежней жизни с ее неразрешимыми проблемами и докучливыми обязанностями. Например, волонтеры питались в Институте, потому что только здесь могли безо всяких хлопот получить *правильную пищу*. Волонтеры и жили в Институте, в более-менее обустроенных комнатках, потому что только здесь они были надежно защищены от враждебного воздействия внешнего мира. И каждый успешный шаг волонтера незамедлительно отмечался наставником и поднимал его на одну ступеньку в бесконечной иерархии Института. Бесплатное путешествие в Грецию было одной из таких ступенек.

Для кого-то Греция — это море, вино, магазины. Для волонтеров она превратилась в душный отель с внутренним двориком и мелким бассейном. Персонал с трудом изъяснялся на ломаном английском. По телевизору шли только местные программы. По радио целый день крутили сиртаки. Впрочем, у волонтеров все равно не было времени даже на радио. Днем тянулись бесконечные семинары, ночью приходилось заполнять анкеты в виде толстых брошюр. (Она уже знала, что эти «талмуды» никогда не читают целиком, а проверяют только десяток ответов на ключевые вопросы). Перед каждым приемом пищи они собирались во дворе и исповедовались, рассказывая о своем детском страхе, юношеских комплексах, тайных желаниях. Потом — ритуальное вхождение в воду, потом скудный стол и снова семинары. Слова, слова, слова.

Семинар, рассчитанный на неделю, длился уже месяц. Вопросы повторялись по кругу, и она подумала, что руководители просто забыли о бедных постояльцах отеля. Но однажды она нашла в коридоре пакет с мусором. Наверно, его обронила горничная, убиравшая в номере, где жили руководители семинара. В пакете оказались какие-то обертки, пластиковые бутылки и смятые газетные вырезки.

Она машинально подняла пакет и донесла его до мусорного контейнера. Но, прежде чем выбросить, вытянула из него все газеты. Никому не сообщив о своей находке, она жадно набросилась на бульварное чтиво. И новости ее ошеломили. Все эти газеты писали об Институте, который попал в скверную историю. История была настолько скверной, что могла закончиться его полной ликвидацией. Сразу в нескольких странах начались судебные процессы, возбужденные хаббардистами, которые обвиняли Институт в краже интеллектуальной собственности. Понятно, что высшему руководству сейчас было просто некогда вспомнить о нескольких волонтерах, застрявших в Греции.

Однажды ночью она, голая, изнывая от жары, расхаживала босиком по ковру, обдумывая разные варианты возвращения домой. Неожиданно в ее номер без стука вошел

бритоголовый человек в черных очках.

— Извините, — сказал он, подслеповато щурясь. — Я ничего не вижу.

Она даже не прикрылась, ей было все равно.

— Какой это номер? — спросил он, протирая очки.

Она не отвечала.

— Русская? — спросил он.

— Какая разница, — сказала она.

— Стаканы есть? Не хочу с чучмеками пить, — сказал он и взболтнул плоскую бутылку. Бутылка была зеленая, матовая. «Реми Мартен». Он уверенно уселся на ее кровать и снял свою майку от Версаче.

— Жара. Дай стаканчики. — На спине у него была странная татуировка, оскалившийся тигр. — Коньяк надо закусывать лимоном. Тогда каждый новый глоток будет как первый.

Он многому научил ее в ту ночь.

После третьей рюмки он спросил:

— Какие проблемы, девочка? Ты что такая кислая?

И она рассказала ему о своих проблемах.

Удивительно, но ее рассказ обрадовал человека с татуированной спиной. Он тут же поведал ей еще пару подобных историй, когда одни аферисты уничтожали других с помощью вполне законных процедур. Побеждали те, кто мог нанять более дорогих юристов. То есть все было справедливо — побеждал сильнейший.

— У хаббардистов с этим все в порядке, — сказала она. — Значит, нам конец?

Он ласково потрепал ее по коленке.

— Тэйк ит изи, девочка, я еще не закончил.

Человек с татуированной спиной знал и другие истории — когда судебные процессы разваливались из-за свидетелей, которые вдруг отказывались от показаний или попросту исчезали. Он сказал, что ему и самому приходилось этим заниматься. И сейчас он не видит причин, почему бы ему не взяться за это дело. А то обстоятельство, что процессы начались сразу в нескольких странах, его абсолютно не пугает. Наоборот, возбуждает. Потому что за большую работу и платят больше.

— Зря ты надеешься заработать на Институте. Если бы у нас было много денег, мы бы наняли дорогих юристов, — засомневалась она.

— Деньги — это бумажки. Фантики. Мне деньги не нужны, они у меня и без вас имеются, — засмеялся он и рассказал, как принято расплачиваться в подобных случаях. К примеру, выручил он из такой беды один коммерческий банк. Денег никаких не взял. Просто вошел в состав учредителей.

— Но Институт — это не банк, — попыталась объяснить она. — Мы не занимаемся финансами. Мы занимаемся возрождением.

— Знаю, — кивнул человек с татуированной спиной и разлегся на ее постели.

Он уже все знал. Ему нравился такой бизнес. Особенно понравилось ему, что после возрождения человек с помощью Института получал новое имя. Полный пакет новых документов. Это было очень разумно, ведь под старым именем все его знали как наркомана, или алкоголика, или преступника. А с новым именем он начинал абсолютно новую жизнь.

— Я не знала об этом, — призналась она.

— Так знай. И завтра скажи своему руководителю, что хочешь сменить имя. Только поймай его на завтраке, до занятий. Сделаешь?

— Попробую.

— Сделаешь. А пробовать надо в другом месте, девочка, — и он потянул ее к себе.

Она не опоздала к завтраку. И на семинарах была даже активнее, чем раньше. И в этот же день ее отвезли на виллу в горах, где самый главный босс поговорил с ней по-английски. Говорили о пустяках — аквариумные рыбки, бридж, засилье черных в музыке и спорте, аборт, развал Союза, что-то еще... Она отвечала правильно. Босс осторожно упомянул о юридических стычках с конкурентами, и она, так же осторожно, упомянула о своем

знакомом, который умеет решать подобные проблемы. С виллы ее увезли в коттедж на берегу моря, и целых два дня она блаженствовала на пляже. В Питер она вернулась уже Восьмой. И прямо из аэропорта позвонила своему спасителю. Теперь она знала, как стать богатой и свободной.

Глава 14. Новые хозяева

«Дневник Партизана 13. Запись от 15 июня.

К утру все привели в порядок. Вставили стекла, заменили дверь, залатали Гошку.

Регина, осмотрев медсанчасть, решила, что здесь раненому будет лучше, чем где-нибудь в районной больнице, и отказалась уезжать.

Тела бандитов закинули в «Урал» и отвезли на станцию, где у Железняка знакомство на складе-холодильнике. На всякий случай я предложил ему созвониться с Центральным РУВД. Если там нашли время съездить в спортзал и полюбоваться трупом с ножом в печенке, то им будет полезно познакомиться и с остальными членами бригады. Впрочем, никакой пользы от этого звонка никто не ждет — ни я, ни Железняк.

И никто не выражает особой радости из-за того, что после гибели двоих бандитов некому стало охотиться за персоналом Базы. Всем ясно без лишних слов, что неведомый заказчик на этом не остановится, и гарнизон получил всего лишь небольшую передышку.

Остается, впрочем, слабая надежда на то, что теперь нас будет труднее достать за живым щитом из благородных вегетарианцев...»

С раннего утра были включены все сауны и затоплена банька. Со склада достали новенькие простыни и полотенца, и Регина переглаживала их раскаленным утюгом, вытравляя армейский дух.

Керимов еще на рассвете сгонял на моторке к армянам и вернулся с бараньей тушей, которую тут же принялся сам разделывать на шашлык. Он был хмур и неразговорчив, и не дал своим собакам ни одной косточки.

Нашлось достойное занятие и для Гранцова. Он выполнил обещание и сдал трофейный автомат властям в лице Железняка. Про второй же ствол уговора не было, и все утро Гранцов разбирал-собирал, чистил-смазывал запущенное оружие. Набив патронами почти полный магазин, он ощутил себя владыкой мира.

Новые хозяева появились неожиданно. Перед воротами выстроилась целая колонна. Гранцов, отпирая замок, насчитал два «рейнджровера», два «паджеро», а еще за поворотом остался крытый ГАЗ-66.

Из машин высыпал молчаливый народ в джинсовых костюмах и резиновых сапожках. Мужчины и женщины с какими-то бумажками в руках уверенно разошлись по Базе, у ворот встали двое в милицеских рубашках без погон, а к Гранцову подошла их предводительница. Издалека ее можно было принять за подростка. Тоненькая фигурка в голубых джинсах и желтой ветровке, красная бейсболка, короткая стрижка. Но вблизи уже было видно, что короткие волосы не крашенные под седину, а просто седые. Кожа на лице выглядела туго натянутой и блестела на скулах, но в открытом воротнике предательски выглядывал шея, иссеченная морщинами.

— Нам сказали, что старого персонала на базе не осталось. Вы здесь работали? — спросила она.

— Да, я здесь работаю, — сказал Гранцов.

Вадиму показалось, что она говорит с кем-то другим, стоящим за его спиной. Ее взгляд был направлен словно сквозь собеседника.

— Вас предупредили?

— Мы все приготовили, — сказал Гранцов, с трудом подавив желание оглянуться. —

Бани горячие, все по высшему разряду.

— Я не об этом, — сказала она. — Вас предупредили, что здесь теперь будет работать только наш персонал?

— Нет, — сказал Гранцов. — Но это неважно, пусть работает, вы нам не мешаете.

— Вы не поняли, — сказала она. — Кто здесь старший? Позовите.

— Я старший, — сказал подошедший Поддубнов. — Мичман Поддубнов, Борис Макарович.

— Очень приятно, — сказала предводительница, переводя на него свой стеклянный взгляд и забыв представиться. — Соберите всех, кто остался из старого персонала. Кажется, вы просто не в курсе.

— Минуточку, — Поддубнов оглянулся, хмыкнул и согнал вежливую улыбку. — Ваши документы.

— Что? — предводительница отступила на шаг, и к ним тут же подлетел один из новых охранников.

— Есть проблемы?

— Пока нет, — сказала она.

— Может быть, пройдем в штаб, — предложил Поддубнов. — Обсудим все за круглым столом. Познакомимся. Моя обязанность — познакомить вас с хозяйством.

— Мы уже давно знакомы с хозяйством, уверяю вас, мичман. Мы теоретически знаем здесь каждый уголок, — сказала она. — У нас есть дубликаты всех ключей, и мы знаем даже, сколько ящиков мыла хозяйственного и ламп накаливания лежат на складе. По крайней мере, *должно лежать*. У нас все записано и сосчитано.

«Вот кто нас заказал», — подумал Гранцов и сказал язвительно:

— И не лень вам было подкопы рыть.

— Какие еще подкопы? Что за маразм? — она недоуменно вскинула брови, но через долю секунды ее лицо приняло прежнее, непроницаемое выражение. — Вот вам договор аренды, вы узнаете эти подписи?

— Конечно, — сказал Поддубнов, пробежав взглядом по страницам. — Но я все-таки хотел бы созвониться с командованием.

— Это трудно будет сделать, — ответила она. — Комендант базы сейчас отдыхает в Таиланде. Управляющий, насколько я знаю, срочно вызван в штаб-квартиру его фирмы, это в Панаме. Будете звонить в Панаму? Вот приказ по кадрам. Вот записка в расчетный отдел. Вот обходные листки на всех, правда, это чистая формальность. Что еще вам нужно?

— Время на сборы, — обреченно сказал Поддубнов, изучив бумаги.

— В вашем распоряжении восемнадцать часов, — сказала предводительница. — Завтра в девять ноль-ноль сюда прибывает первая партия больных. К этому времени ни одного постороннего человека здесь не должно быть. Поймите, мичман, это наше единственное условие. Мы заплатили огромные, фантастические деньги за аренду, и будем платить дальше. Вы же сами везде кричите, что у армии нет денег. Вот теперь они у нее будут. Но только с одним условием: без посторонних. Мы все делаем сами. Надеюсь, никаких личных обид?

— О чем речь, — сказал Поддубнов. — Вот только как-то не по-людски все это. Неужели нельзя было предупредить заранее?

— Вас должны были предупредить.

— Да ладно, Борис Макарыч, не причитай, — сказал Гранцов. — Нам собраться — только подпоясаться. Тем более что ведь нас и в самом деле предупреждали. Очень настойчиво предупреждали.

— Хорошо, мы выведем персонал, — сказал Поддубнов. — Но у нас в санчасти лежит больной, и с ним врач. Они-то мне не подчиняются. Я не могу им приказать убраться отсюда. И вообще, больного нельзя беспокоить.

— Эти люди получали анкеты института? — поинтересовалась предводительница.

— Нет, конечно. Они тут только вчера появились.

— Очень хорошо. Пускай остаются. Больного мы вылечим, а врача попросим работать с институтом.

— А нам, случайно, нельзя работать с институтом? — скромно спросил Гранцов.

— Вам? Нельзя, — категорически ответила она. — Вы уже никогда не будете работать с институтом. У вас плохие анкеты. Собирайтесь.

И тут подошел кандидат наук Д. Керимов. Он был в шлепанцах и старинных вылинявших трикотажных штанах-«финках», с фартуком поверх волосатого живота. Вытирая окровавленные руки грязным полотенцем, он пропел на чистом чуркестанском языке:

— Шашлык-машлык когда кушать будем? Мясо готов, дрова готов, остался только один спичка зажигать, э!

— Вижу, вы серьезно приготовились, — усмехнулась предводительница. — Только вот беда — мы не едим мяса. Шашлык достанется вам. Можете отметить демобилизацию в своем кругу.

— Вот, брат Керимыч, не нужны мы новым арендаторам, — сказал Поддубнов. — Пошли собирать манатки. Приказано освободить помещение.

— Один момент, товарищи, — сказал Доктор Керимов и поднял палец. — Мы не нужны арендаторам? Машалла! Очень хорошо. Они нам тоже не очень нужны. Но почему из-за этого надо манатки собирать? Кто сказал? Комендант сказал? Лично я не слышал.

— Вот договор, — Поддубнов задумчиво почесывал затылок.

— Договор? Очень хорошо, — Керимов принялся водить пальцем по строчкам, оставляя жирные пятна. — Какой хороший договор, ты смотри. Поздравляю, девушка, у вас хорошие юристы.

— Я вам не девушка, — вспыхнула предводительница. — Если у вас есть вопросы, вам ответят на них в штабе округа. Там все согласовано.

Гранцов заметил, что на Керимыча она смотрела совсем не так равнодушно, как на него с мичманом. Лицо ее выражало брезгливость и опаску, словно она разглядывала бездомную собаку. Но Доктор Керимов не проявлял к ней никакого интереса, он читал договор.

— Нет, дорогая, зачем нервничаешь? Какие могут быть вопросы? — Керимов отстегнул скрепку, и несколько страниц, кружась, упали на землю. — Вот здесь что написано? Вся аренда здесь расписана: жилой корпус 120 квадратных метров, жилой корпус 200 квадратных метров и так далее, да? Я спрашиваю, вся аренда расписана? Вот расценки, сроки оплаты и т. д.

— Да-да, — сказала предводительница, оглядываясь и жестом подзывая охранника.

— Совсем хорошо, да, — сказал Керимов. — А вот план построек, да? Теперь, дорогая, смотри сюда. Вот первая строчка договора. Читаем: «предоставляет в аренду следующие помещения...». Да? Покажи мне строчку, где написано, что мы должны уходить. Такой строчки здесь нет. Это раз. И покажи мне строчку, что мы предоставляем в аренду хоздвор, склад ГСМ, автопарк, бункер, подстанцию, коллектор, скважину с насосами. Такой строчки здесь тоже нет.

— Инфраструктура сдается в аренду автоматически, — сказала предводительница. — Естественно, каждый унитаз не учитывается в документах. Если вы юрист, вы должны знать, что такие детали не оговариваются специально.

— Оговариваются, дорогая, очень оговариваются. Потому что унитаз это одно, а котельная и гараж — совсем другое. Это не инфраструктура, а структурные подразделения. Подстанция вообще не может сдаваться в аренду, тут нужен отдельный договор с «Ленэнерго». Покажите мне его. Нету? Ну, на нету и суда нету.

— Сразу видно, что вы не юрист.

— Я не юрист, я банщик, — сказал Доктор Керимов. — Ну что, когда шашлык кушать будем?

— В общем так, ситуация изменилась, — сказала предводительница подбежавшему охраннику. — Поставить внутреннее оцепление. Действуем по схеме номер два. Ворота

заблокировать, никого не выпускать. Все, господа. Мои условия вам известны. Можете звонить своему начальству сколько угодно.

Она развернулась и пошла к штабу, сунув кулачки в карманы ветровки.

Гранцов встряхнул головой, пытаясь сбросить остатки наваждения. Предводительница, наверно, владела даром гипноза. Сейчас она крутила и вертела двумя старыми вояками как хотела. И Поддубнов, и Гранцов стояли перед ней, безвольно опустив руки, готовые подчиниться любому ее приказу. Страшно подумать, что могут натворить такие предводительницы, если на их пути не встанет непробиваемый Керимов.

Гранцов пожал руку Доктору Керимову и сказал:

— Разводи огонь. Будем пожирать шашлык на глазах этих несчастных вегетарианцев.

Он отдал замок и ключ новому охраннику, снаряженному в новомодном стиле: дубинка, наручники, рация.

— Незаменимая вещь, — сказал он, кивнув на дубинку. — Особенно в тайге.

Поддубнов обнял Гранцова и Керимова за плечи и повел к бункеру, приговаривая:

— Арендаторы приходят и уходят, а гарнизон остается. Ничего, перезимуем. Поживем, как дети подземелья. Переселяемся в командный бункер.

— Надо разобраться с этими арендаторами, — сказал Керимов. — Что за фирма, слушай? Какой такой институт? Сейчас залезу в базу данных, все кишки на свет вытащу.

— Залезешь ты, разбежался, — сказал Гранцов. — Компьютер-то у них. Кстати, может быть, забрать его?

— Не отдадут, — сказал Поддубнов.

— Тогда уничтожить, — сказал Гранцов. — Организуем скачок напряжения. Пусть горит земля под ногами оккупантов.

— Ты полегче, полегче, — сказал Поддубнов. — Нам еще здесь жить и жить. А с компьютером разберемся. Свои «записки сумасшедшего» сотри, документы как-нибудь закодируй. А базу данных мы получим и без них. Придется включить машину на КП-2.

— Спасибо, начальник, — сказал Керимов, потирая руки: больше всего на свете он любил сидеть за командным компьютером.

Никто из них не огорчился переходу на подземное положение. В командном бункере можно было не только работать, но и жить, да еще и не отказывая себе в маленьких радостях. Бункер был рассчитан на месяц автономного существования небольшого, но очень ценного гарнизона.

На крыльце штаба стоял охранник, небрежно подпирая плечом новенькую дверь. Он пропустил Гранцова только после переговоров по рации. В помещении уже хозяйничали две блондинки в одинаковых джинсах, черных футболках и в резиновых перчатках.

— Мне тут кое-что забрать бы надо, — сказал Гранцов, но они, похоже, его не слышали, продолжая сноровисто опрыскивать из специального баллончика всю мебель и протирать ее специальной губкой. Наверно, «схема номер два», объявленная предводительницей, предусматривала бойкот аборигенов.

Он включил компьютер, зарядил принтер бумагой и вывел на печать свой последний дневник.

Вадим Гранцов вел дневник всю жизнь. Служба в разведке приучила его прятать внутри обязательного рабочего дневника свои самые сокровенные наблюдения и переживания. Время от времени ему приходилось сжигать старые тетради и блокноты — когда наступала пора перемен. «Дневник партизана», который он вел на Базе, тоже придется сжечь, но именно сжечь, а не стереть нажатием клавиши. Сжечь в хорошем костре, перечитывая напоследок и запивая прощание хорошим вином.

Не все его рукописи сгорели. Один из дневников наверняка хранится в архивах военной контрразведки. Тот самый, который он составлял по памяти дома, после первой командировки, и который был обнаружен и прочитан его тещей. Как и всегда, в нем не было ничего, кроме пейзажных зарисовок и заметок о погоде и здоровье. Ни одной фамилии, ни одного упоминания о работе — еще в училище Гранцов овладел искусством придавать своей

графомании государственно-безопасные формы. Но бдительная теща нашла-таки то, что искала.

Это был вполне безобидный отрывок, примерно такой. *Дата, время. Как здорово снова научиться ходить, — записал Гранцов тогда. — И хотя пока мне удастся только дойти до пальмы, чтобы свалиться в ее тени, и там уже читать, я чувствую себя заново рожденным. Может быть, не только потому, что научился ходить, но и потому, что научился читать. Прежде мне не удавалось продрасться через все эти «иже», «еси», «аще». А сейчас я читаю так легко, словно с рождения учил старославянский. Я читаю медленно и с наслаждением, и Лейла приносит мне финики, а рядом стоит верблюд, и ему я кидаю косточки.*

«Кто такая Лейла?» — спросила жена однажды ночью. Не вытерпела, значит.

«Кто такая Лейла?»

«Это псевдоним. Уловное обозначение. Никакой реальной Лейлы я не знаю».

«Почему этот псевдоним приносит тебе финики?»

«Потому что я вроде как пациент, а она вроде как медсестра».

«У тебя с ней что-то было?»

«Ты с ума сошла? Что могло быть? И каким образом? Она отъявленная мусульманка, я неверный, вокруг на верблюдах скачут ее братья с кинжалами... К тому же я вообще лежал там, как живой труп, после контузии. Я даже не слышал почти ничего».

«Для этого дела слышать не надо», — сказала жена. И была права, как всегда.

Жена не простила. Теща тоже не собиралась прощать. Она закатила скандал — не Вадиму, а своему мужу — и тому пришлось, что называется, нажимать на кнопки. Армия прощает все, кроме скандала. Правда, нашлись и отягчающие обстоятельства.

Прочитав фразу *«такой же горячий песок омывал босые ноги Спасителя»*, замполит спросил:

«Какой такой Спаситель?»

Они прорабатывали его вдвоем, старый замполит и молодой особист. Замполиту это занятие нравилось, а особисту — не очень.

«Спаситель — это Иисус Христос, товарищ майор», — объяснил особист замполиту.

«Сам знаю, товарищ старший лейтенант! Гранцов, отвечайте на вопрос!»

«Я имел в виду, что Христос жил примерно в такой же местности. Пески, оазисы...»

«Какой еще Христос? — замполит покрутил пальцем у виска. — Ты же коммунист! Гранцов, тебя, случайно, не завербовали баптисты? У вас там неподалеку монастырь имелся, я знаю. У тебя, может, и библия имеется? Лучше сдай добровольно, все равно найдем».

В баптистском «монастыре» Гранцов отлеживался три дня и три ночи после стокилометрового перехода по пескам, прежде чем кочевники отвезли его в расположение кубинцев, а уж те доставили советского *компаньера* в полк. И Библия у него имелась, только не библия, а Новый завет. У баптистов было множество карманных томиков — на английском, французском, испанском. Самое старое и протертое Евангелие было русское, 1913 года издания, оставшееся здесь от экспедиции Императорского Географического общества. Его-то он и читал, и вывез из Эфиопии, замаскировав под обложкой Строевого Устава. В принципе, этот томик можно было бы выдать за исторический памятник. Но тогда, в беседе с замполитом, Гранцову не хватило духа отстаивать свободу совести, и он перешел в контратаку:

«Причем тут библия? Причем тут баптисты? Это же просто художественный образ, твою мать!»

Позже, оставшись в курилке один на один, особист намекнул, что лично к Вадиму у контрразведки претензий нет. Даже наоборот. Но жена генерала попросила вздрючить Гранцова. А генерал — фронтовой друг комдива, так что, брат, не обижайся.

Он и не обижался. Да и поводов для обиды не было. Скандал затих, и его снова послали в Эфиопию. На катушках, которые Гранцов вынес из пустыни, были достаточно ценные перехваты. Ордена ему не дали, но вторую командировку он провел в войсковой разведке и

расписывался в ведомости уже не за 600, а за 750 долларов. И продолжал вести дневник. Советник-артиллерист поделился с ним секретом — он заполнял рабочий дневник по-грузински. И Вадим попытался писать на старославянском, вязью. Такая манера приучила его, по крайней мере, к лаконичности.

А потом была третья командировка, потом был развод, и проводы жены на новую родину, и был Афганистан, и учеба, и много еще чего было — и для всего этого Вадим смог найти подходящие слова в своих дневниках. Слова, которые для постороннего человека не значили почти ничего...

Принтер вытолкнул из себя последний лист и перестал пищать. Гранцов сложил свежие страницы в папку из-под должностных инструкций, а сами инструкции выбросил в черный пластиковый пакет. Блондинки уже набили несколько таких пакетов всяким канцелярским хламом, который накопился в дежурке.

— Вы уже знаете, где тут выбрасывают мусор? — спросил он, но не получил ответа. Значит, знают.

На пороге санчасти тоже стоял охранник (уже двенадцатый, автоматически сосчитал Гранцов). И этот посоветовался с рацией, прежде чем пропустить его внутрь.

— Хорошо, что здесь есть туалет, — сказала Регина. — Ты представляешь, меня не выпустили. Мы что, опять в заложниках? Это начинает надоедать.

— Не волнуйся, это ненадолго, — заверил ее Гранцов. — И не таких видали. Как там Гошка?

— Без сознания. Думаю, последствия шока.

— Вас надо эвакуировать отсюда.

— Пока нежелательно, — сказала она. — Он не транспортабелен.

— Нам приказано временно освободить все помещения, — сказал Гранцов. — Поживем пока в бункере. Там есть медицинский блок. Может быть, все-таки перенесем?

— Нет. Слишком опасно, — сказала она. — А вдруг у него что-то с шейными позвонками?

— Не волнуйся, — сказал он, сжимая ее тонкие пальчики. — Все будет нормально. Ты, наверно, есть хочешь. Сейчас Керимов приготовит шашлык, я принесу тебе передачу. К вечеру все уладим.

— Я волнуюсь только за тебя, — сказала она. — За себя я спокойна. Могу жить здесь сколько надо. За Игорем надо смотреть, лекарства перебрать, порядок навести. Не волнуйся за меня. Делай свое дело спокойно. Ты ничего не обязан мне объяснять.

— Хорошо, — сказал Гранцов. — Буду делать свое дело. А вы, доктор, делайте свое.

Глава 15. Хитрый институт

Данные по Институту Духовной Реабилитации были найдены Керимычем среди трех десятков других «институтов» в каталоге некоммерческих организаций, зарегистрированных в России. Но в отличие от Института кармы или Института уринотерапии, в ИДР не учили и не лечили, а всего лишь помогали заново родиться. За свои духовно-акушерские услуги в институте денег не брали, но все новорожденные тут же добровольно становились работниками ИДР, точнее волонтерами. Волонтеры работали на предприятиях института, в его типографиях, магазинах, гостиницах. Была даже сельхозартель где-то на Украине, полностью укомплектованная волонтерами.

Относительно учения, которое лежало в основе ИДР, компьютер умалчивал. Волонтеры не крестились, не обрезались, не брили себе голову и не приносили жертв. Ничего не было известно об их культах и обрядах, и даже слово «Бог» почти не встречалось в их брошюрах.

Впрочем, теология мало интересовала Доктора Керимова. Гораздо важнее казалось ему выяснить, почему в тексте договора у ИДР был указан один юридический адрес, а в каталоге Министерства юстиции — другой.

Он проверил этот самый другой адрес, забравшись в базу данных о коммерческой недвижимости. После недолгих поисков выяснилось, что оба офиса занимает фармацевтическая фирма «Антитокс супер плюс». Ее телефоны совпадали с телефонами института.

— Просто коммунальная квартира, а не юридический адрес, — сказал Гранцов.

— Интересный вариант, — задумался Доктор Керимов. — Химичат наши сектанты. Наверно, работают на пару с этими медиками. От налогов уходят. С людей деньги собирают, на лекарствах прокручивают. Миллионы можно так делать.

— Что-то я никогда про такую фирму не слышал, — заметил Поддубнов.

— Да ты, Макарыч, и лекарств никаких не знаешь, кроме йода и спирта.

— Как это не знаю? А мазь Вишневского?

Керимов постучал карандашом по колпаку настольной лампы, призывая гарнизон к тишине:

— Знаете что? Или вы идете гулять, или сидите тихо, не мешайте.

Гулять по бункеру ни Гранцов, ни старшина не пожелали, поэтому оба притихли за спиной Керимова, который уже забыл об их существовании, переселившись в Интернет.

Поисковые системы хоть и не сразу, но вывели его на слово «Антитокс». Правда, написанное латинскими буквами. Оно украшало вывеску сайта с яркой бегущей строкой: «Кочующие врачи-отравители из Антитокса». Надпись повторялась на двенадцати языках. А в центре пылали огненные письма на черной стене: «Хочешь знать правду об Антитоксе? Спроси *меня* !»

Керимыч кликнул по выделенному слову, и перед ним развернулся огромный каталог ссылок.

— Кто-то постарался, — проговорил он. — Наверно, сильно обидел его наш Антитокс. Ну что, почитаем? Или будем наш институт искать?

— Чует мое сердце, это один хрен, — вздохнул Поддубнов. — Давай копай про отравителей.

Сообщения про фармацевтическую фирму были разбросаны по всей сети, спрятавшись в электронных газетах.

Доктор Керимов на секунду оторвался от монитора и лихорадочно принялся перелистывать страницы старенького англо-русского словаря. Потом еще раз перечитал какой-то выделенный абзац из компьютерной статьи и звонко шлепнул себя по лбу.

— Машалла! — воскликнул он. — Смотри, что я нашел! Вот почему их вышибли из Португалии! Эти супер-плюсы попались на наркотиках! Вот, слушайте: «...обвиняются в том, что сознательно вводили опиаты в состав своих витаминных смесей».

— И чем дело кончилось? — спросил Поддубнов.

— Менеджер по технологии попал под суд, фирма закрылась. Потом такая же история повторилась в Швеции и Дании. И вот еще что! Пишут, что фирма принадлежит Конгрессу психической реабилитации!

— Это что за зверь? — спросил Гранцов. — Родной брат нашему институту?

— Подожди, подожди... Ага, есть выход на институт! Только он по-другому называется... Всё, попались, отравители, — с довольной улыбкой сказал Доктор Керимов. — Тут все очень хитро запутано, но мы разберемся.

Ночью они включили аппаратуру, которая называлась «Большое Ухо», и послушали, о чем болтали охранники на постах и предводительница по своей «дельте». Гранцов набросал схему радиосети, а Керимов обработал ее на компьютере. Гости держали связь с Питером и Псковом. Речь шла о доставке больных.

Использовать Систему для несанкционированного контроля за эфиром стало возможным тогда, когда о ней напроць забыли.

Летят самолеты — привет Конверсии! — военно-транспортные «Русланы» несут во чреве целый табун иномарок.

Плывут пароходы — привет Конверсии! — в кубриках и башнях, у торпедных

аппаратов и счетверенных пулеметов весело галдят интуристы.

А спутник, одиноко повисший в космосе — почему бы и ему не сослужить службу просто от скуки? Салют, Конверсия!

Керимов подключил «Большой Глаз», просто для профилактики и настройки, и на дежурном мониторе начали вырисовываться контуры Базы и мерцающие крестики на ее периметре — так выглядели из ближнего космоса охранники, докладывающие по рации: «Сто сорок первый — сто седьмому, прошел сектор девять».

Доктор Керимов создавал свою программу из подручного материала, не подстраиваясь под устаревшие инструкции и нормативы. К тому же предполагалось, что на боевом компьютере будут работать только свои — то есть сам Керимов и Гранцов. Поэтому на неподготовленного зрителя картинка, появившаяся на мониторе, могла бы произвести неизгладимое впечатление.

Заставку Керимыч взял из одной игры, карту местности из другой, обозначения объектов — из третьей. База выглядела, как крепость, обнесенная могучей стеной. Машины на трассе обозначались разноцветными всадниками, а посты ГАИ — пещерами людоедов.

Каждый новый источник радиосигнала получал свое изображение автоматически. Если источники образовывали сеть, то они выделялись своим цветом. Было еще много других графических находок, но не они составляли главное достоинство программы.

Программа Доктора Керимова работала в реальном времени. Все, что происходило в эфире, практически моментально отражалось на нескольких мониторах, в разных масштабах, с записью текстов на несколько магнитофонов. На программу работали, сами того не ведая, десятки наземных антенн и несколько спутников.

— Настройка сбилась, — доложил Керимов. — Сто раз говорил, надо новую программу делать, чтоб никогда не сбивалась.

— Сделай, кто тебе не дает, — сказал Гранцов.

— Память не дает. Память опять надо добавить. И вообще процессор менять пора, уже у меня терпения не хватает с этим работать.

— Ты же менял весной! — вспомнил Поддубнов.

Керимов даже рот открыл от удивления:

— Слушай, как ты все помнишь! Каждый кусок мыла помнишь, каждую тряпку...

— Он даже каждую фанерку помнит, — сказал Гранцов. — Смотри, это что?

Он ткнул пальцем в монитор, где пара крестиков перемигивалась за пределами Базы.

— Я же говорю, сбилась настройка. Надо опять в программу залезать... — Керимов с досадой поцокал языком и выругался по-своему, загибая пальцы: — Этот виндоуз-шминдоуз, этот паскаль-маскаль, кто все это придумал...

Он, как всегда, не досказал, но на этот раз его перебил Гранцов:

— А может быть, это просто кто-то из охранников за колючку ушел?

— Может быть, — сказал Керимов, барабанил по клавиатуре и переругиваясь с компьютером: — Ара, ты что? Вообще с ума сошел, что ли? Частота уже другая. Все неправильное. Координаты неправильные, частота неправильная, сеть неправильная. Что, у нас вирус завелся?

— Завелся, но не у нас, — догадался Гранцов. — И не вирус. Это в лесу кто-то шатается с рацией. Давай-ка их перехватим.

— Поздно, — сказал Керимов. — Уже ушли.

— Ты их засек? Записал?

— Только частоту.

— Так, — сказал Гранцов. — На всякий вирус есть свой пенициллин. Сядь на их частоту, они еще вылезут.

Но лесные «вирусы» так больше и не проявились.

Керимов сидел перед компьютером всю ночь. Утром Гранцова разбудил писк работающего принтера. Он подошел к рабочему столу, и, позевывая, принялся читать сводку, которую составил Керимыч. Сам же автор сводки заснул в своем вертящемся кресле,

прикрывшись пиджаком и надвинув на глаза широкую кепку.

Институт Духовного Возрождения (Духовной Реабилитации), он же Академия Меры и Чисел, он же Всемирный Центр Объединенных христиан за демократию, он же Конгресс Мировых религий, и еще шесть наименований на иностранных языках. Руководство — одно и то же, меняются только звания. Президент Академии работает вице-президентом Конгресса, и наоборот. Адресов маловато, всего три на такую прорву подразделений. Один из адресов показался Гранцову знакомым. Еще бы — ведь там совсем недавно располагался Гошкин офис!

После установочных данных на российских руководителей организации шел напечатанный мелким шрифтом «Краткий Курс истории ИДР».

Мичман Поддубнов, сопя, навис над плечом Вадима:

— Что за листовки? Ага, нарыл-таки Керимыч компромату два чемодана!

Назвать эти сведения компроматом можно было с большой натяжкой. Разве такую солидную организацию могут скомпрометировать отдельные факты подкупа должностных лиц? Сегодня должностных лиц не подкупает только ленивый. А в том, что фирма, принадлежавшая Институту, поставляла просроченные медикаменты, были виноваты таможенники, задержавшие груз. И это было доказано в суде.

Вообще судебные процессы тянулись за Институтом, словно шлейф дорожной пыли. Самым громким выигранным делом была тяжба с хаббардистами. Те безуспешно пытались уличить возрожденцев в плагиате и доказывали, что все технологии промывания мозгов, применявшиеся в ИДР, были почерпнуты из трудов Хаббарда. Как раз в то время борьба с пиратством стала очень модной темой, и суды сразу нескольких европейских стран были готовы стереть в порошок беззащитных воришек из Института. Но неожиданно для всех дело приняло совсем иной оборот.

В сети Интернета вдруг появились секретные схемы всех классов и ступеней развития, которые хаббардисты предлагали своим клиентам. Из этих схем следовало, что несчастные олухи, записавшиеся за сто долларов на первый курс «очистки сознания», достигнут окончательного результата отнюдь не по окончании этого курса. Им тут же предложат второй курс, подороже, а отказ будет расцениваться как враждебное действие. Всего же таких курсов будет четырнадцать, и общая сумма расходов на очистку и обучение составит ровно 64 тысячи долларов. Ко всем этим схемам прилагались фамилии и адреса руководства хаббардистов, размеры их гонораров, а также фрагменты служебной переписки.

Это был хороший отвлекающий маневр. Хаббардисты заявили, что все это клевета и выдумки, но тут же объявили крупное вознаграждение за голову неизвестного хакера, проникшего в их компьютерную сеть.

А вскоре после этого обвинение лишилось свидетелей. Сначала сразу восемь из них погибли в автомобильной катастрофе где-то под Давосом. Удивительное дело — эти свидетели никогда прежде не встречались, жили в разных городах, и вдруг одновременно купили путевки на один и тот же горный курорт, и сели в один и тот же микроавтобус, который сорвался в пропасть. Еще более удивительным можно считать тот факт, что после этой катастрофы все остальные свидетели, словно сговорившись, отказались от своих показаний!

Совсем не так драматично развивались события в процессе, затеянном против ИДР Церковью Объединения преподобного Муна. Мунистам не нравилось, что кто-то еще, кроме них, называет себя «объединенными христианами» и под этой маркой собирает пожертвования, доходящие порой до семизначных чисел. Эти дотошные корейцы предъявили кучу банковских документов, изобличающих ИДР. Мунисты, не дожидаясь решения суда, неосторожно заявляли в газетах, что самозванцы просто используют религиозное прикрытие для отмывания незаконных доходов, поскольку пожертвования не облагаются налогами. Дело тянулось долго, но кончилось быстро. Все доказательства оказались добытыми незаконно, и теперь уже самим чадам Преподобного пришлось отбиваться от целого залпа обвинений.

— Какой такой Преподобный? — не понял мичман.

— Один старик-кореец, — пояснил проснувшийся Керимов. — Я видел фотографию. Типа Ким Ир Сена. А молодцы, клянусь. Как они в компьютер залезли, да?

— Наверно, имели своего агента. Или подкупили уборщицу ночную, — предположил проницательный Поддубнов.

— Слушай, какая уборщица? Если компьютер соединен с Интернетом, в него можно залезть по проводам, без уборщицы. Обратная связь, да.

— И в наш можно залезть? — спросил мичман.

— Если постараться. Но кому мы нужны? Мы же просто частный абонент, таких миллиард, наверно. А про Ежика нашего прочитали?

Он вытянул из стопки самую нижнюю страницу, где была изображена организационно-штатная структура Института. Среди множества подразделений красовалось и частное охранное предприятие «Невский Атаман».

— Вот кому Валька Ежик продал свою банду, — сказал Керимов.

— Продал он документы и печать, а банда никуда от него не делась, — поправил Гранцов. — У Института своих бандитов хватает.

— Действительно, серьезная структура, — сказал Поддубнов. — С такими лучше не бодаться.

— Так мы и не бодаемся, — сказал Гранцов. — Мы спокойно делаем свое дело. Они пусть делают свое. Хотел бы я посмотреть, как они будут лечить от СПИДа в русской бане.

— Значит, ты твердо решил остаться? — Поддубнов неодобрительно покачал головой. — Со мной-то все ясно, я без приказа не уйду, а приказа не будет. С Керимычем тоже понятно, ему деваться некуда. А у тебя-то вроде проще. Пойдешь к Ежику, будешь колонны охранять. Или, наоборот, к Железняку в милицию. Не век же тебе гнить в лесу.

— Борис Макарыч, не гони ты меня, я тебе еще пригожусь, — сказал Гранцов.

Глава 16. Гаврики

В воскресенье утром волонтеры в полном составе высыпали на вертолетную площадку и принялись ее драить. Блондиночки в нескромных джинсах, бородатые дяди в очках, мордастые охранники и сама предводительница — все с одинаковыми вьетнамскими венками прошлись тесной цепью вдоль и поперек поля, выщипывая траву и сметая сор в мешки. Гранцов наблюдал за ними через вентиляционную решетку бункера, поражаясь энтузиазму и слаженности.

Ровно в девять ноль-ноль в небе над базой показался военный МИ-8, и Вадим растолкал Поддубнова с Керимычем — зрелище обещало быть занятным.

Из вертолета выгрузилась довольно пестрая публика. Если это и были больные СПИДом, то явно не на последней стадии. Своим охотничьим глазом Гранцов насчитал семь женщин и пятерых мужчин — остальные прилетевшие были в зеленых бесполох комбинезонах.

Охранники выстроились в две длинные шеренги, и больных повели сквозь строй. Они шли, оглядываясь, с одинаковыми пакетами в руках. Одна из женщин вдруг остановилась, швырнула пакет в охранника и закричала. Даже в бункере было слышно, как она визжит: «Волки позорные! Волки позорные! Волки позорные!». Двое в комбинезонах взяли ее под руки и повели отдельно.

Так, под конвоем, больных довели до гостиницы и усадили на траву. Персонал тоже расселся между ними. Охранники остались стоять в стороне, а посреди этой сидящей компании ходила предводительница и что-то говорила, энергично похлопывая себя по бедру свернутой в трубку газетой.

Она вдруг остановилась, и волонтеры захлопали. Один из них встал и начал что-то рассказывать. Ему тоже похлопали. Встал другой и тоже сорвал аплодисменты.

— Так, все ясно, — сказал Поддубнов. — Мозги промывают. Вот увидите, сейчас все

повыступают, а потом заставят новеньких про себя рассказывать.

— В смысле, «мы все болели СПИДом, но возродились в институте», что ли? — спросил Керимов.

— Ты когда-нибудь видел больных СПИДом? — спросил Гранцов. — Лично мне не приходилось. Но не ожидал, что они так прилично одеваются. Институтские рядом с ними вообще бомжи. И где они берут такую рвань.

— Ты и это разглядел? А, по-моему, и те и другие шантрапа шантрапой, — сказал Поддубнов. — Только институтские физически покрепче. А эти — скелеты. Кожа да кости.

— Они смертники, — сказал Гранцов. — От этого нельзя вылечить. Можно лечить, лечить до самой смерти. И тянуть деньги, пока они есть.

— Слушай, откуда у таких деньги? Они же все ненормальные, — сказал Керимов. — Один вертолет сколько стоит. Что, на электричке нельзя было приехать?

— Есть всякие фонды, — сказал Гранцов. — Есть государственные всякие программы. Под это дело можно неплохо наворовать. Наверно, там действительно большие деньги крутятся, если из-за них людей убивают. Это я про нас.

— Ты думаешь, это они? Что-то не верится, — сказал Поддубнов. — Обычные сектанты, видел я таких. Ага, похоже, политинформация закончилась.

Волонтеры и больные поднялись с травы и взялись за руки. Получилось что-то вроде хоровода всмятку. Они раскачивались, то поднимая сцепленные руки к небу, то опуская их и низко кланяясь. Потом все снова опустили на траву и как-то непонятно закопошились. А когда встали, Керимов зажмурился, затряс головой и громко стукнулся лбом об решетку.

— Так они еще и нудисты, — сказал Гранцов. — Ну, тогда понятно, почему нас выкуривают.

Держась за руки, голые женщины и мужчины пошли к озеру. Зашли в воду по колено и повторили упражнение с наклонами. А потом развернулись и побежали к бане.

— Господи, да как же они туда все поместятся, ведь переломают все, — заволновался Поддубнов.

— Борис Макарыч, не горюй, все оплачено, — сказал Гранцов. — Смотри, в баню только мужиков запустили, а девочек в сауну. Ага, вижу главную.

— Врешь, — сказал Керимов. — Вот теперь ты точно врешь. Как, э, ты ее узнал, ну скажи, как?

— По газетке, — сказал Гранцов. — У нее газетка в руке, как у гаишника палка.

— Раньше была, а сейчас? — не отставал Доктор.

— А сейчас не в руке.

Предводительница зашла в сауну последней, захлопнув за собой дверь. И охранники, которые до сих пор стояли как вкопанные, принялись собирать разбросанную одежду в черные мешки.

— Концерт окончен, — объявил Гранцов. — Кажется, самое время выползть наружу.

Это оказалось легче сказать, чем сделать. Покрутив запирающий маховик на стальной двери бункера, Гранцов почувствовал, что дверь чем-то подперта снаружи. Он усмехнулся — «схема номер два», провозглашенная предводительницей, неуклонно воплощалась в жизнь. Бункер имел несколько запасных выходов, причем в самых неожиданных местах, но Гранцову не хотелось это демонстрировать раньше времени. Поэтому он просто потянул рычаг аварийной очистки выхода. Дверь лязгнула, задрожала и двинулась вперед вместе с коробкой и прилегающими стенами. Он снова нажал на рычаг, и дверь с лязгом и скрежетом вернулась на место.

После этой процедуры дверь открылась легко, и Гранцов вышел, небрежно позевывая. Перед бункером стоял внедорожник «паджеро». Он верещал сигнализацией и моргал всеми огнями, и ему на помощь уже бежали охранники с дубинками.

— Что случилось, ребята? — спросил Гранцов. — Чего это он орет, как резаный?

Охранники, упорно не замечая Гранцова, осмотрели джип. Один из них сел за руль, потрогал рычаги и закричал:

— Я же говорил, что на скорости! Я же сам ставил! Сами вы все козлы тупые!

— Ну что, привезли больных-то? — спросил Гранцов, но охранники не отвечали, хотя уже и смотрели в его сторону. Взгляды их не обещали ему ничего хорошего, и кто-то уже нервно похлопывал дубинкой по ладони. Но Гранцов продолжал убаюкивать их своей крестьянской простотой: — Вроде обещали к девяти, а что-то не видать никого. Слышь, ребята, а правда, что СПИД передается воздушно-капельным путем, типа гриппа? Хоть бы респираторы выдали.

— Дядя, ты нам мозги не суши, — сказал один из охранников. — Ты как машину откатил?

— Я? — изумился Гранцов. — Пальцем не трогал!

— Так, все свободны, — сказал охранник постарше, и ребята разбежались. Он оценивающе оглядел Гранцова: — Отставник?

— Дезертир, — сказал Гранцов.

— Я не шучу, — сказал охранник. — Перед тобой целый подполковник стоит. Майор? Капитан?

— Да ну тебя, солдатик, — сказал Гранцов. — Меня и не такие допрашивали.

— Может, и не такие, — согласился охранник. — У тебя в блиндаже есть телефон? Мне надо по межгороду в Ленинград позвонить. Дочке, чтоб не беспокоилась. Это как? Можно?

— А из штаба, из дежурки, с КПП нельзя? — сказал Гранцов. — Вы же все оккупировали.

— Потому-то и прошу, — сказал охранник. — А еще лучше будет, если ты сам позвонишь. Это как?

— Вообще-то с оккупантами я дела не имею, — покачал головой Гранцов. — Бог с тобой, давай свою шифровку.

— Вот номер. Позови Яночку, скажи, что у папы все нормально, просто он уехал в такое место, где нет телефона. Скажи ей, что там дремучий лес, просто тайга. Скажи, что привезу ей грибов.

— Вот насчет грибов не знаю, — сказал Гранцов. — На грибы время нужно. Что-то непохоже, что начальница позволит вам грибы собирать. Типичная стерва.

— Ты про Первую? Она не начальница. Она мать-основательница. Начальником у нас Второй. Вот он, конечно, серьезный господин. А Первая у нас тетка добрая. С чужими одна, со своими другая, — сказал охранник.

— Добрая до ужаса, — сказал Гранцов. — Я так понимаю, что ты сейчас мне просто зубы заговариваешь, а на самом деле выполняешь схему номер два.

— То есть?

— То есть блокируешь чужих на выходе из берлоги, чтоб не расползались по территории.

— Да расползайся куда хочешь, — сказал охранник и включил рацию. — Сто Седьмой Полста Первому.

— Да, Сто Седьмой.

— Уточни режим по сектору двенадцать.

— Режим зеленый, как понял?

— Понял тебя, режим зеленый.

Сто Седьмой засунул рацию в футляр и сказал:

— Ну вот, а ты говоришь. Гуляй свободно.

— Больные-то приехали?

— Да какие они к черту больные? Обычные наркоманы, просто богатенькие. Будем вышибать из них токсины. Жаром и паром. Безотказная методика.

— Ладно, полковник, заболтались мы с тобой, — сказал Гранцов. — Тебя, наверно, уже Сто Восьмой обыскался. Вы что, все под номерами?

— Это не просто номер, а статус, — сказал Сто Седьмой. — Номер значит очень много.

Почему? Потому что имя ничего не значит.

Подходя к медсанчасти, Гранцов заметил, что охранника на крыльце нет.

Регина сидела у телевизора и смотрела сериал. В руках у нее была книга. Он успел разглядеть на глянцевого обложке какие-то огненные потоки и непонятные символы, но Регина быстро захлопнула ее.

— У нас новости, — сказала она. — Во-первых, с утра нас покормили.

— А нас — нет, — обиделся Вадим. — А я и не знал, что в санчасти есть телевизор.

— Это *они* установили. Во-вторых, нам предложили духовно возродиться. Это очень полезно, оказывается.

— Но сначала все-таки покормили, — уточнил Гранцов. — То есть проложили путь через желудок. Как же ты смогла после этого отказаться?

— А я и не отказалась, — Регина пожала плечами.

— Так, — нахмурился Гранцов. — Сегодня же перевожу тебя в бункер. А как Гошка, проснулся?

— Он без сознания. Я поставила капельницу. Больше ничего не могу сделать, — сказала она, не отрываясь от телевизора.

— Ладно, — сказал Вадим. — Не буду мешать. Только скажи, чем же это тебя таким накормили?

— Морковный паштет, салат, сок.

— А ты не хочешь выйти на воздух?

— Зачем?

Он встал между ней и телевизором, и она вытянула шею вбок, чтобы видеть экран.

— Не мешай, — попросила она. — Так давно не удавалось посидеть у телевизора... Ты не представляешь, какое это блаженство. Какое спокойствие. Ты завтракал?

— Не успел.

— Возьми что-нибудь в холодильнике, они принесли свою вегетарианскую еду.

— Что читаешь?

— Так, что-то вроде азбуки... Вадим, ну что?

— Что случилось? — спросил Гранцов, присаживаясь рядом с ней и заглядывая в глаза. — Ты какая-то прибитая. И глаза красные.

— Я не спала всю ночь. То Игорь, то эти бесконечные разговоры о возрождении. Оказывается, я такая хорошая... Такой ценный кадр. Они просто вцепились в меня. В общем... в этом что-то есть. Всем хотелось бы начать сначала. Я даже дневник начала вести, как девочка. Буду записывать все-все, самое сокровенное. Говорят, это должно помочь. И, знаешь, стало как-то легче. Здесь все дневники пишут, и новички, и старички.

— И кто их читает? — спросил Гранцов.

— Сам Второй.

— Какой сам?

— Прости, я забыла, что ты не в курсе. У них каждый имеет свой номер. Это говорит о положении в институте. У Второго очень высокое положение. Он — американский психоаналитик. Говорят, международный авторитет. Его все боятся, потому что он оценивает дневники и анкеты. А чем выше оценка, тем больше у тебя очков. Видишь, как у них все поставлено.

— Вижу. Ты пишешь по-русски?

— Ну, не сердись, — сказала она. — Я же пишу дневник для себя, а не для американского специалиста. Кстати, может, ты мне поможешь? Мне надо прочесть вот эту главу, а я ничего не понимаю. Вот, послушай. *«Единственный смысл жизни — выживание. Абсолютная цель выживания — бессмертие или бесконечное выживание. Наградой за действия, способствующие выживанию, является удовольствие»*.

— Да не забивай ты себе голову. Бред какой-то. «Цель выживания — выживание». А цель поноса — понос. А наградой за понос является удовольствие. Ну, извини, извини, — спохватился Гранцов. — Я старый солдафон, и шутки у меня солдафонские.

— Но все же в этом что-то есть...

— Да ничего в этом нет. Знаешь, в любой белиберде можно такой глубокий смысл увидеть, если постараться. Только мозги от этого сохнут. Зачем тебе это?

— Как зачем? Хочу стать бессмертной, — Регина улыбнулась. — Но при этом не стареть.

— Ты же крестик носишь, — сказал Вадим. — Значит, крещеная? А у христианина нет причин бояться смерти.

— Я же не смерти боюсь, а старости. — Она машинально поправила цепочку на шее. — Старость — это одиночество. А если даже не одиночество, то еще хуже. Не хочу быть обузой для кого-то.

— Вот как раз тебе-то этого бояться не надо, — не удержался Гранцов и сжал ее руку. — Ты не будешь обузой. То есть я хотел сказать... В общем, у тебя все будет хорошо. А разговоры про выживание — это для тараканов, которых начали дихлофосом опрыскивать. Нас-то с тобой вроде никто не опрыскивает?

— Но согласишься, ведь мы все хотим выжить, правда?

— Милая, если б это было так, никто бы никогда не воевал, — сказал Гранцов. — Потому что солдат хочет не выжить, а победить. А как только он захочет выжить, он бросает оружие и прячется под кровать к мамочке. «Выжить, выжить...» Все это придумали какие-то уроды. Люди хотят много чего от этой жизни. Власти, свободы, любви. Извини за философию.

— Ты все смеешься. А я вот смогла вспомнить, кем была в прошлой жизни. Только не поняла, когда все это происходило, — она прикрыла глаза и проговорила каким-то чужим голосом: — Туманная улица, блестит мостовая. Мимо с цоканьем копыт катится черный силуэт кареты. Пахнет угольным дымом, кисловатый такой запах... Слышу английскую речь...

— Это новые хозяева тебе помогли вспомнить? Ты что, не понимаешь? — спросил Гранцов. — Они же тебя обрабатывают. Завербуют, будешь на них работать. Станешь такая же, со стеклянными глазами. Хочешь быть такой, как они? Хочешь работать на американского психоаналитика, который из твоего дневника сделает себе новую книгу, получит за нее деньги, купит новую яхту? Милая, они же ногтя твоего не стоят. Не сдавайся!

Она отбросила книгу и повернулась к нему, улыбаясь. Ее горячие ладони прижались к его вискам, и пальцы зарылись в волосы.

— Я пошутила, не бойся. Знаешь, я ведь почти всю жизнь провела среди католиков. Я же дочь «оккупанта». И жена «оккупанта». Наверно, если б я была литовкой или полькой, я бы тоже стала ревностной католичкой. Но я русская, — сказала она. — И мне ничего не нужно. Не нужно это возрождение, не нужны эти храмы и молитвы. Ты знаешь, мне нужно только одно. Чтобы я была нужна. И сейчас мне кажется, что я нужна этим чудакам, которых ты так ругаешь.

— Ты мне нужна, — сказал Гранцов сердито.

Он хотел сказать это совсем иначе, и не здесь, и не сейчас. Эти слова вырвались сами, и не в самый подходящий момент. Его просто жгла злость на этих аферистов. А в таком настроении как-то не принято объясняться в любви... И все же он повторил, упрямо и нежно:

— Ты нужна мне. Мне нужна ты. Ты очень сильно нужна мне, очень.

Глава 17. Процедуры

Больных держали в бане до обеда. За это время на берегу озера возникли белые столики под зонтами. Волонтеры расставляли одноразовую посуду, по-военному соблюдая узкую специализацию: кто-то тарелки, кто-то вилки, кто-то салфетки.

Собранную с травы одежду унесли в черных пакетах, а в баню принесли несколько охапок джинсов и маек. Когда все расселись за столами, уже нельзя было отличить больных от волонтеров. По крайней мере, с того расстояния, с которого можно было за ними

наблюдать.

Охранники слонялись между жилыми корпусами и штабом — их не пригласили к трапезе.

Зазвучала музыка. Приторное дребезжание клавесина далеко разносилось над озером. Первая, с неизменной газеткой в руке, ходила от столика к столику.

— Детский сад на даче, — сказал Поддубнов и презрительно сплюнул.

— Да, уж ты бы поставил дело не так, — сказал Гранцов. — Для начала марш-бросок в противогазах, потом турник. Для оставшихся в живых.

— Да мне-то что, пусть живут. Как-то спокойнее, когда народу много.

— Что, надоело оборону держать? — сказал Гранцов. — Не расслабляйся, Борис Макарыч. Это они днем такие смирные, а ночью надо держать ушки на макушке. Не думаю, что про нас забыли.

Доктор Керимов вернулся с кормежки собак и доложил:

— В сарае курилку открыли. Слушай, надо что-то делать, там все-таки дрова. Очень хорошо гореть будем, честный слово.

— Не может быть, — сказал Поддубнов. — Не курят они. С этим делом у сектантов строго.

— Это днем строго, — сказал Гранцов.

— Что, ты своими глазами видел, что они курят в сарае? — спросил Поддубнов.

— Глазами не видел, — сказал Керимов. — У меня нос есть. В сарай зашел — воняет дымом. Кто-то курил.

— Окурки остались?

— Я смотрел. Нету.

— Это вирусы, — решил Вадим. — Которые по ночам эфир засоряют.

— Наверно, через свой туннель залезли, под проволокой, — сказал Керимов.

— Надо было заминировать сразу, — сказал Гранцов. — Вот только где взять мину... Ну что, Макарыч, убедился? Люди, будьте бдительны.

— Полегче насчет мин, — сказал Поддубнов.

— Уже и помечтать нельзя?

— Знаю я твои мечты. Давай все вопросы решать мирно.

— Так я и решаю мирно, — сказал Гранцов. — Мин все равно не достать.

— Знаю я, как ты мирно решаешь.

Гранцов откусил нитку, воткнул иголку в катушку и полюбовался на свою работу — из порванной куртки он сделал маскировочный чехол для автомата. Теперь он мог выходить хоть на Невский, и никто бы не обратил внимания на бесформенную котомку у него под мышкой.

Керимов разогрел на плитке остатки шашлыка и заварил чай. Молча накрыл на стол, но сам есть не стал, а уселся за компьютер.

— Ты чего? Война войной, обед обедом, — сказал Поддубнов. — Ешь давай.

— Хотел на тот берег, к армянам, за барана рассчитаться надо. Набрал солянки две канистры, спустился на причал, а там охрана, — сказал Керимов. — Не пускают к лодке. Что, драться с ними?

— Мы мирные люди, — сказал Гранцов. — Сначала попробуем договориться.

Но у выхода опять стоял джип, и Сто Седьмой сидел в нем, слушая радио.

— Потерпи часик, — сказал он. — Почему? Потому что сейчас самое важное время, спецобработка. Полная изоляция от людей. Видишь, даже секьюрити вся попряталась, кто куда. Гаврики не должны видеть никого, кроме собеседников. Такая методика.

— А как же наши в санчасти?

— Какие ваши? Врачиху вашу уже обработали, так что она уже не ваша, а наша, — сказал Сто Седьмой. — Потерпи до вечера. Ты позвонил?

— Позвонил, — сказал Гранцов. — Дочка ответила мужским голосом.

— Вот так, — сказал Сто Седьмой. — Отец по командировкам всю жизнь, а дочка уже

невеста. Попробуй усмотри за ней. У тебя-то есть дети?

— Где-то есть, наверно, — пожал плечами Гранцов. — Так, значит, до вечера потерпеть? Ладно.

Он не собирался терпеть до вечера, и отправился провести Гошку с Региной по одному из подземных переходов, который соединял с бункером кладовку санчасти.

Осторожно закрыв за собой крышку люка, он услышал голоса. В соседней палате кто-то монотонно читал непонятные стихи, и каждый куплет сопровождался репликами слушателей.

Гранцов уже решил было отправиться обратно в бункер, как вдруг в коридоре раздались шаги. Он быстро прикрыл люк ковриком, поставил сверху стул и сам уселся на него.

Дверь распахнулась, и человек на пороге изумленно уставился на Гранцова.

«Живу я тут», — собирался ответить Гранцов на его неизбежный и логичный вопрос. Если вместо вопроса будут какие-то агрессивные поползновения, Гранцов захватит его как «языка». Но ни один из этих вариантов не пригодился.

— Мы ждем тебя, — сказал человек. — Идем со мной, все уже собрались.

В соседней палате на полу расселись люди в старых джинсах и выцветших майках. Среди них стояла блондинка (Гранцов уже видел ее, когда она прибирала в штабе). Она улыбнулась и жестом пригласила его присесть — на пол. Он опустился на корточки у самой двери, потому что не собирался тут засиживаться. Сзади кто-то ласково похлопал его по плечу. Вадим обернулся и увидел, что ему протягивают белый стаканчик с какой-то темной жидкостью. Только сейчас он заметил, что у всех вокруг были в руках такие же одноразовые стаканчики, у кого пустые, у кого еще нет. «Лотосовый чай», — шепнули сбоку. Гранцов вспомнил о том, что медики института умеют заваривать чай по-особому. Наверное, в стаканчике какой-то психотропный напиток. «Да что мне будет с одного глотка. И не такое пили», — усмехнулся Вадим. Он попробовал теплую сладкую влагу, да и опорожнил стакан залпом. Никакого эффекта.

— *Посмотрите в окно, — вещала блондинка. — Вечное небо. И вечные облака, которые меняются каждую секунду. Вечное озеро и вечные волны, которые ни мгновения не стоят на месте. Вечный лес и вечные деревья, которые обновляются каждой весной. И только человек, который стоит в центре природы, пытается остаться неизменным.*

Это бессмысленно. И это противоречит истинным законам. Законам природы. И законам Бога, если вы верите в него. Невозможно остаться неизменным. Мы меняемся независимо от нашей воли и наших прихотей. Мы меняемся вопреки всем надуманным законам общества и государства.

И я жила когда-то по этим законам. Я училась в школе, училась в институте, училась на курсах групповодов. Я водила интуристов по моему прекрасному городу. Мне нравилась моя работа. Мне нравилось, что я зарабатываю много денег. И мне неважно было, как оценивает меня любой другой человек. Меня интересовало только одно. Я хотела жить все лучше и лучше. Мне нужны были все новые и новые удовольствия. Хорошо одеваться. Хорошо питаться. Путешествовать. Менять мебель. В конце концов выйти замуж за иностранца и жить за границей. Таким был мой жизненный план. Но это был план смерти. Какое счастье, что я вовремя остановилась.

Я возродилась. Я выжила. И хотя новая жизнь дала мне все то, к чему я стремилась в прежней жизни — я путешествую, я хорошо питаюсь и одеваюсь — да, у меня есть все это, но не это главное. Главное, что я смогу выжить, постоянно возрождаясь.

Она опустилась на пол, и тут же другая женщина неловко встала, и, глядя в окно, принялась рассказывать о себе. Ей было очень стыдно, что в прежней жизни она торговала в комиссионном магазине. Всю жизнь провести среди чужих вещей... Следы чужих судеб и страстей оставались на ее руках... (Она показала свои руки). Она жила чужой жизнью и получала за это комиссионные. Зато теперь у нее все свое.

И вдруг поднялась Регина. Гранцов с трудом удержался, чтобы не кинуться к ней и не

увести отсюда, разметав всю эту братию.

Радостным, странно дрожащим голосом она начала рассказывать о себе. В прежней жизни ей, оказывается, довелось быть главврачом призывной комиссии. И она подписывала липовые документы, чтобы освободить от воинской обязанности чьих-то сынков. За них просили большие люди. Наверно, кто-то получал за это деньги. Ей денег не давали. Зато у нее были прекрасные отношения со всякими начальниками. Да, дети «нужных» родителей не шли в армию. А вместо них отправлялись по-настоящему негодные к службе ребята, потому что надо было выполнять план призыва. И теперь она надеется возродиться, чтобы служить больным и несчастным людям.

Она села, и все повернулись к Гранцову. Он невольно встал, и, с удивлением слыша свой изменившийся голос, вдруг начал говорить:

— Я всю жизнь мечтал стать военным...

Словно холодный обруч сдавил виски и лоб. Он чуть не зажмурился от внезапной боли где-то в глубине головы. Его голос дрожал, и дыхания не хватало до конца фразы. Но пока он говорил, боль отступала, и возникало приятное ощущение легкости. С каждым словом он как будто освобождался от груза и, казалось, вот-вот оторвется от земли.

— Мой отец был начальником заставы... и мое детство прошло... на южной границе, среди песков, ящериц, овчарок и зеленых фуражек. Отец погиб... Нелепо. Разбился на мотоцикле. Не любил ездить в закрытой машине. Его столько раз просили, чтобы он не гонял на своем «Днепре». Но он все равно не пользовался служебным газиком. Он просто не доверял ни одному водителю. Верил только себе. И разбился. Точнее, его сбил пьяный водитель самосвала. Что было дальше? Мать снова вышла замуж, и мы уехали в Ленинград. Но я мечтал вернуться в пески... Я поступил в училище, и я был отличным курсантом, потому что начальник училища знал моего отца, и мне нельзя было хоть в чем-то быть вторым. Только первым. Никто в училище не знал, что я бываю в доме начальника. Перед самым выпуском я женился на его дочери. Я служил в отличной дивизии, и у меня была отличная рота...

Он чувствовал, как постепенно разжимается холодный обруч на его голове, и голос становился ровнее. Но и легкость исчезла, и ноги ощутили опору.

— Каждый офицер мечтал служить за границей. Но еще больше об этом мечтали офицерские жены... Я попал в загранку, потому что этого добилась моя жена. Потом она говорила, что я женился на ней по расчету. И мамочка ее всю жизнь припоминала мне эту первую командировку. Так бы и сгнил в капитанах, если б не генеральская дочка... А может, они и правы? Может, и был у меня какой-то расчет, только я сам его не понимал... Но это ерунда. С расчетом или без расчета, но я снова вернулся в пески. Картина: ящерицы взлетают по бархану, оставляя цепочку следов...

— Димка! Ты чего, блин, делаешь? Ты же подписку давал.

Он увидел, что в проеме двери стоит его брат, Гошка. Бледный, небритый, тощий — но в полном сознании.

— Уберите его, — раздался спокойный женский голос, и несколько волонтеров поднялись и надвинулись на Гошку. Он беспомощно поднял руки и, хромая, отступил в коридор.

Гранцов встряхнулся и резко выдохнул.

— Я вам, сукам, уберу его, — сказал он, и на этот раз голос звучал как всегда.

Волонтеры оказались мужиками крепкими, но неловкими. Они хватали Гранцова за руки, пытались повалить его. Он не вырывался. Он просто бил их, короткими и проверенными движениями — кого коленом в пах, кого локтем в ухо, кого лбом под глаз. Каждому из них хватило одного удара. Получив свое, волонтер останавливался, видимо, понимая, что дальнейшее участие в драке не будет способствовать его выживанию. Женщины остались сидеть, безучастно наблюдая за возней мужчин, и только блондинка куда-то выскочила.

Не дожидаясь подхода подкрепления, Гранцов потащил брата за собой. Он заперся в

кладовке и откинул люк. Гошка без разговоров спустился в проход, а Вадим распахнул окно (ложный след) и придвинул к двери шкаф. Как только он прыгнул вслед за братом, шкаф рухнул под натиском подоспевших волонтеров и скрыл под собой люк.

— Ну и катакомбы, — ворчал Добросклонов, с трудом перешагивая через пороги переборок.

— Это на случай ядерной войны, — говорил Гранцов, заdraивая за собой проход. — Не все так плохо было в системе.

— Милитаристы хреновы. Вот куда шли народные-то денежки. Стой, не могу больше, — Гошка прислонился к стенке. — Нога... Что у меня с ногой? Смутно помню, что в меня стреляли. Попали?

— Рикошетом задело. Ерунда, заживет.

— Долго я валялся?

— Примерно сутки.

— Не верится. Вроде только что сидел в твоём штабе, потом комендант ваш приехал, потом стрельба. Открываю глаза — больница. И вдруг за стенкой слышу твой голос. Меня как током ударило. Ты чего так кричал-то? Напился, что ли?

— Ага, напился. Чаю с лотосом, — Гранцов выругался. — Ну-ка, хватайся за плечи. За плечи, не за шею!

— На шею не дави, на шею не дави, — засмеялся Гошка, оседлав родного брата.

— Что смешного?

— Я не смеюсь. Я радуюсь. Давно не виделись.

Глава 18. Пора делиться тайнами

Безрассудная вылазка Гранцова сорвала все миротворческие порывы гарнизона. А после того, как решетка вентиляции оказалась плотно затянута брезентом снаружи, стало ясно — отношения с арендаторами испортились окончательно.

— Надо им настроение испортить, — решил Поддубнов. — Перекроем канализацию, отрубим свет. Потом включим с повышенным напряжением, чтоб у них все перегорело к чертовой матери.

— Еще можно помехи включить, — предложил Керимов. — Связь имотрежем. Еще я могу ночью собак на прогулку пускать.

— Через два дня выпустишь, — сказал Гранцов. — А пока не корми их, пусть оголодают. А потом полакомятся охранниками.

— Злые вы, господа. Господа, вы звери, — томно произнес Добросклонов. — Не обижайте бедных придурков. Они и так наказаны судьбой. А дальше будет еще хуже.

— Да мы шутим, — успокоил его мичман. — Просто кулаки чешутся.

— Нам бы только ночь продержаться, да день простоять, — сказал Гранцов. — А потом выйдем на связь с округом, там разберутся. Борис Макарыч, а чего бы тебе прямо сейчас не позвонить?

— Выходной день, никого не найти, — замялся Поддубнов. — В понедельник свяжусь.

— Да зачем ждать? Звони оперативному дежурному. Так и так, понаехали тут всякие, личный состав притесняют, расхищают государственное имущество. Позвонил бы, Макарыч.

— Неудобно оперативного беспокоить, — мичман встал. — Пойду посмотрю, что-то вентиляция не тянет.

Он пригнулся, шагнул в переход, и потянул за собой стальную дверь. Керимов усмехнулся:

— Димыч, не обижай старика. БМП не станет высокому начальству звонить. Это он в лесу такой смелый. А когда увидит полковника, сразу понимает, что сам он только мичман.

— Ну, давай я позвоню! Может, они там, в штабе, и не знают ничего про этих аферистов? Может, вообще пора сюда спецназ вызывать для защиты ценного объекта?

— Да кому вы тут нужны, — сказал Добросклонов.

— Нужны, — заверил его Гранцов. — Мы тут сохраняем народное достояние. Люди старались, пахали, построили уникальную систему. Если мы уйдем, все пропадет. Получается, напрасно все было.

— Да кому вы нужны со всей этой системой, — повторил Гошка.

— Слушай, ты Перл-Харбор знаешь? — неожиданно вступил Керимов. — А Кронштадт знаешь? А знаешь, чем они отличаются? Когда японцы шли на Перл-Харбор, уже была локация. И америкосы их засекли, и позвонили куда надо. А там говорят: «Э. Слушай, много ты понимаешь своим локатором-мокатором!» И все. И весь флот пошел на дно. А японцев тогда было 350 самолетиков.

— Откуда информация? — спросил Добросклонов.

— Можешь проверить, — сказал Гранцов. — Но лучше не трать время.

— Теперь Кронштадт, — сказал Керимов. — В сентябре 41-го немцы послали 400 самолетов за один день. Задание — утопить Балтийский флот. Результат — утопили пару катеров и заклинило башню главного калибра линкора «Марат».

— Я спорить готов, что заклинило осколком нашего же зенитного снаряда, — заметил Гранцов. — Такая плотность огня была.

— О! Правильно говоришь, плотность огня. Когда первый эшелон только заходил *внезапно* на форты, там уже семь минут все по тревоге работали. Потому что... У нас какой позывной?

— «Редут», — вспомнил Добросклонов.

— Нет, — сказал Керимов, подняв палец. — «Редут- 72». А там был «Редут-3». Простая локаторная станция. Почти на переднем крае. И ребята засекли, и все рассчитали, и позвонили в Кронштадт. Там их, конечно, сначала не очень-то поняли. Немцы тогда в основном Ленинград бомбили, а по флоту почти не работали. Но командир «Редута», один еврей, взял все на себя. И Кронштадт дал тревогу. Дальше ты уже знаешь.

— Так то война, — не сдавался Гошка. — С тех пор все перевернулось. Так что никому вы не нужны.

— Нужны очень даже многим, — сказал Гранцов. — В общем, лежи смирно и залечивай свои дырки, и не мешай людям работать.

— Да чем я мешаю?

— А своими циничными репликами. Вот, лежи и читай «Дневник партизана».

— Уже читал, — сказал Гошка. — И даже сам внес лепту. На последних страницах. Вот, смотри.

— «Что такое фригидариум?» — прочитал Вадим. — Это бассейн с холодной водой. Ну-ка, что еще за Слепой?

Он изучил последние страницы и озадаченно огляделся. Если комендант базы и поляк-управляющий были здесь в пятницу, то они никак не могли уже в субботу оказаться на других концах света, как утверждала «Первая».

— А что это за могильники? — спросил Добросклонов. — Слово-то какое жуткое.

— Это такие дырки в земле. Туда опускали то, что надо было надежно и надолго спрятать, и заваливали. Никаких следов.

— Все-таки радиация? — Добросклонов приподнялся на локте. — Ну, скажи откровенно. Ну, хоть родному брату скажи. Ну, неужели это такая жуткая военная тайна? Сейчас уже вообще никаких тайн не осталось! А ты тут дурью маешься!

Пропела, открываясь, дверь. Поддубнов появился из перехода и тут же вмешался в спор братьев:

— Вот именно, никаких тайн не осталось. Ничего святого. Все нараспашку.

— Да я же ведь свой!

— Гошка, расскажи все четко, — потребовал Вадим. — Кто приезжал с комендантом?

— Рассказываю. Красномордый комендант приехал вместе с поляком в розовых штанах. С ними был лысый педик в черных очках. Они сидели в белой «Ниве». А когда уехали, снова приехала серая «Нива» и из нее вылезли два урода с автоматами.

— С чего ты взял, что этот лысый был педиком?

— А он так сладенько улыбался, — Гошку аж передернуло, — так ласково меня приглашал с ними покататься. Я еще подумал, что раз такие будут лечить народ от СПИДа, значит, народ этого заслуживает. Хорошая мысль, забыл записать.

— Потом запишешь. Если сможешь, — невесело добавил Вадим. — Ну что, товарищи офицеры, все ясно?

Он скомкал листок и выругался. Тройка погибших киллеров была как-то связана со Слепым, который приезжал сюда с комендантом и управляющим. Но если так, то они, эти киллеры, связаны и с Институтом!

— Ты чего ругаешься? — недовольно спросил Керимов. — Сколько раз тебя учил, маму не называй, да!

— Извини, вырвалось, — спохватился Вадим. — Товарищи офицеры, поздравляю. Теперь-то мы точно знаем, какая сволочь на нас охотится.

Керимов выругался по-азербайджански и виновато выставил ладони перед лицом:

— У меня тоже вырвалось! Спорим, сегодня ночью полезут? Вчера они еще нас плохо знали. А теперь знают. Знают, что с нами договориться нельзя. Знают, что мы тут сидим, как мышки. Будут бункер штурмовать.

— Зачем же мышек штурмовать, — сказал Гранцов. — Мышек травят. Как бы они нам газов не напустили. Фармакология — страшная сила. Мичман, задраить люки. Хотя бы на ночь.

Поддубнов поскреб забинтованную грудь.

— Люки, говоришь? Поздно, Димыч, люки задраивать. Потому что... Потому что нас больше нет.

Он сказал это таким замогильным голосом, что все удивленно повернулись к нему, ожидая продолжения. Но мичман не торопился. Он прошелся вдоль стеллажей с аппаратурой, любовно поглаживая пальцем блестящие тумблеры.

Мичман Поддубнов умел хранить государственную тайну. Но только государственную. Все его личные тайны хранились не в глубине души, а в самых верхних ее слоях, и при первой возможности всплывали наружу.

Прислонившись к стальной переборке, старшина поведал своим боевым товарищам самую свежую и самую страшную свою тайну.

Оказывается, он уже звонил в округ. И, как и предполагал Гранцов, нарвался на оперативного дежурного. Старшина доложил, что прибыли какие-то арендаторы. Он доложил и об их попытках захватить спецаппаратуру. Надо бы с ними поговорить кому-нибудь из особого отдела, предложил старшина. Но вместо благодарности за проявленную бдительность он услышал в ответ нецензурную брань, которая закончилась четкой инструкцией: «Арендаторов холить и лелеять, не перечить, все перед ними открыть и ничего не прятать. А если попросят, то и раком встанете всем личным составом. Но это только на одну ночь. А потом сдать ключи новой охране и в понедельник в полном составе явиться в АХЧ для получения расчетных денег. Ваши рапорта уже завизированы». «Какие рапорта? — изумился старшина. — Мы ничего не писали!» «Пить меньше надо, — посоветовал оперативный дежурный. — Обычные рапорта об увольнении, все подписи ваши, все нормально. Так что получайте свои бабки и мотайте на все четыре стороны. Все, старшина, базы больше нет!»

Вот такую инструкцию получил мичман Поддубнов. Передав ее содержание притихшему личному составу, Борис Макарович снова почесал перевязанную грудь.

— Второй день из-за них не моюсь, — сказал он. — В общем, так. Предлагаю пробиться к причалу и угнать лодки за озеро, поживем пока в деревне у армян. Тем более что они нас сами пригласили. Сидеть тут на месте смысла нет.

— Правильно, — кивнул Керимов.

— Нет, неправильно, — сказал Гранцов. — У них остался наш человек. Регина Казимировна.

— Она совсем другое дело, — возразил Поддубнов. — Она там как-нибудь устроится сама, а нас тут перебьют, если останемся. Надо сваливать, пока есть шанс. Лодки на ходу, бензин залит под завязку, я ж этих сектантов собирался на рыбалочку свозить вечером, думал, нормальные люди приедут, приличные, все-таки институт, а не мясокомбинат. Вот как оно все повернулось-то.

— Борис Макарыч, я тебя понял, — сказал Гранцов. — Дай мне подумать три минуты. Во-первых, до лодок еще надо как-то дойти. Во-вторых, Регину я им не оставляю.

ОН закинул руки за голову и уставился невидящим взглядом в потолок. Гранцов ни о чем не думал, потому что все уже решил. Он малодушно тянул время перед тем, как отдать приказ, который не хотелось ни отдавать, ни, тем более, выполнять. Отступить всегда неприятно, особенно тогда, когда нет никакой надежды вернуться на оставленные позиции.

— Меня никто не спрашивает, — сказал Добросклонов. — Мой голос «не играет значения». Но если вы меня спросите, то я вам скажу честно и откровенно. Мотать отсюда надо как можно скорее. Даже не мотать, а сматываться со страшной скоростью.

— Это почему? — недовольно спросил Вадим, надевшийся на поддержку брата.

— Долгая история. Если меня не будут перебивать, я уложусь в три минуты.

— Время пошло, — сказал Гранцов.

В три минуты, конечно, Добросклонов не уложился. Но слушатели сами были в этом виноваты, потому что все время перебивали его рассказ наивными вопросами.

Оказывается, у него тоже была своя тайна. Лежа без сознания на больничной койке, Гошка вовсе не был так плох, как казалось. Он все слышал, все понимал, все запоминал. Сработала старая журналистская привычка подслушивать и подглядывать. Раньше это было необходимо, чтобы яркими деталями оживить сухой газетный материал. На этот раз он понимал, что материалом стала его собственная жизнь.

Рядом, за стенкой, в санчасти находились привезенные наркоманы. От них Гошка и услышал кое-что интересное. Например, по мнению наркоманов, в Институте Возрождения пациентов не только не возрождали, но даже и не лечили, а только лишь испытывали на них какие-то пилюли. На это еще не самое страшное. В конце концов, экспериментальные пилюли рано или поздно кому-то помогут излечиться от тяги к наркотику, если только такой дурак найдется. Страшнее другое. Многие наркоманы, попадая в лапы Института, даже не подозревали, что инфицированы СПИДом. Это открывалось уже во время лечения. Конечно, родственникам больных приходилось снова расстегивать свои кошельки, чтобы спасти своих детей от двойной напасти. И никто из них не знал, что инфекцию больным занесли уже в Институте. Преднамеренно. Чтобы проверить свою методику лечения. Методика срабатывала в половине случаев. Это отличный показатель. Спасенных отправляли в турне по Европам с рекламными целями. А что делали с остальными? А остальных продолжали лечить. Но и это не самое страшное.

Самое страшное то, что эти неизлечимые больные накопились в разных клиниках Института. И вот теперь их всех привезли сюда. И здесь их уничтожат. Спишут в расход. И побросают в урановые шахты.

— За что купил, за то и продаю, — закончил Гошка свою историю. — Не забывайте только, что все это бред наркомана.

— Вот теперь мы точно должны убираться отсюда, — сказал Керимов. — Надо всем рассказать, какие тут дела делаются!

— Ну, не знаю, — засомневался Поддубнов. — А может, наоборот? Пока мы здесь вроде как свидетели, они себе ничего такого не позволят. Даже не знаю теперь... Бред, конечно. Но нет дыма без огня.

— Могу кое-что добавить, — сказал Гошка. — Это еще не все. Да, насчет урановых шахт, конечно, откровенный бред. Но там говорили не только больные. Я подслушал волонтеров. Они прикидывали свои шансы. Один предлагал удрать, пока не поздно, а второй убеждал, что здесь их никто не найдет. А хотите знать, кто их ищет, этих возрожденцев? Их разыскивает не милиция, и не Интерпол. За ними охотятся конкуренты, которых они сами

пытались уничтожить. И практически уничтожили. Не знаю точно, о ком шла речь. То ли о сатанистах, то ли о фармацевтической мафии. Неважно. Важно, что недавно была запущена информация о тайных ритуалах института. Якобы они собираются возродиться путем массового самоубийства. Институт эту «утку» опроверг, но дело было сделано. И вот теперь весь мир ждет репортажа о трагедии в каком-нибудь из филиалов института. А когда весь мир чего-нибудь ждет, оно обязательно случается...

Добросклонов засмеялся, трясаясь всем телом.

Поддубнов и Керимов мрачно смотрели на него, явно не разделяя веселья.

— Так, — сказал Гранцов. — Макарыч, ты тут, конечно старшина. Но по боевой работе решать буду я.

Он смотрел на монитор. Мерцали крестики на фоне темного контура базы. Шипели динамики, и скрипучими голосами переговаривались охранники.

— Предлагается следующий план, — сказал Гранцов. — Чтобы было без обид. Делимся на две группы. Первая группа обеспечивает отход второй. Вторая группа, отходя, обеспечивает работу первой. Я отвлекаю охрану, и вы угоняете лодки. Причем хорошо бы выйти на причал со стороны воды. Ладно, детали обдумаете сами. Дальше. Как только они увидят, что обе моторки исчезли, то решат, что мы бросили базу. И они успокаиваются. Ослабляют режим охраны. Тогда я незаметно вытаскиваю Регину Казимировну, и мы с ней лесом выходим на станцию. Собираемся в шашлычной у Марсея. Вот такой план. Есть вопросы?

— Получается, мы тебя бросим, а ты тут в одиночку будешь геройствовать, — сказал Поддубнов. — Нет, товарищ, так не выйдет. Или вместе уходим, или вместе остаемся.

— Борис Макарыч, давай без романтики, — сказал Гранцов. — Геройствовать как раз придется группе прорыва.

Глава 19. Прорыв

Из бункера можно было управлять системой перехвата. А все разнообразное хозяйство базы управлялось из командного пункта. Чтобы попасть в КП, Гранцову пришлось больше часа сидеть под штабом. Прямо над головой раздавались шаги и голоса.

Он узнал голос предводительницы. Она то звонила по телефону, то обсуждала ход лечения «гавриков», то составляла меню завтрака и обеда. Ее собеседники отвечали «да», «нет», «понятно».

— Завтра самый ответственный момент, — говорила она. — Гаврики проснутся на новом месте. Самое главное, дать им проснуться самим, поэтому никакого общего подъема, никаких контактов. С шести утра включить трансляцию. На минимальном уровне. Моцарт или Вивальди.

— Понятно.

— Нет, никакого чая! Кто написал чай в меню?! Что за маразм! Первую неделю никакого чая! Только соки и сухое молоко. Все. Завтра с утра час парилки. После обеда еще два часа сухой сауны. Мальчики и девочки вместе. Никаких простыней, пусть привыкают. Постарайтесь заметить, у кого будут признаки возбуждения. С ними начнем конкретную работу. Не забывайте напоминать о возрождении. Подчеркивайте радости жизни. О сексе ни слова, пусть все случится как бы само собой. Потом и остальные подтянутся.

— Да.

— Из препаратов пока не давать ничего нового. Только зеленую серию. Она уже отработана, так что писать ничего не надо. Как только выявим подходящие экземпляры, начнем им давать желтую серию. Да, это новая серия. Поэтому приготовьте все бланки, все средства записи. Будем фиксировать абсолютно все. От изменений в сознании до цвета мочи.

— Понятно.

— Второй приказал местных не выпускать, пусть сидят в своем блиндаже, пока не поумнеют. Консервы кончатся, сами уйдут. Если будут напрашиваться на контакт,

отправляйте к Восьмой.

Уже за полночь она осталась в штабе одна и долго шуршала бумагами. Наконец, он услышал, как она спустила воду в унитазе и захлопнула дверь.

Гранцов выбрался из люка и осмотрелся. В сумраке белой ночи ему не нужно было включать свет, чтобы увидеть, как преобразилось помещение. Стены были затянуты блестящей тканью, на окнах висели шторы, повсюду курчавились и тянулись искусственные растения.

На столе рядом с новым компьютером остались лежать папки и блокноты. «Никакой штабной культуры», — отметил Гранцов, приоткрыв папку. Там были какие-то списки, счета, накладные, реклама каких-то медикаментов. Судя по всему, институт занимался не только лечением, но и экспериментами. «Зеленую серию» уже изучили, теперь бедным наркоманам предстояло испытать на себе «желтую». Наверно, на Западе добровольцам-испытателям платят немалые деньги за их риск во имя науки. Здесь же все получается бесплатно, да еще наверняка за эти опыты кто-то платит Институту. Может быть, Минздрав. Может быть, родственники. Примерно по такой же схеме работал доктор Менгеле в концлагере. Но даже он не додумался брать деньги с «пациентов». Какой интересный Институт. Над этим следовало бы поразмыслить, но не сейчас.

Он открыл дверь в подсобку и поднялся по запыленной лестнице на чердак. Еще одна неприметная дверь, и он оказался на вертящемся кресле среди пультов и телефонов. Гранцов плотно закрутил маховик стальной двери, смахнул пыль с аппаратуры и приступил к делу.

В окулярах стереотрубы он видел причал, привязанные лодки и одного-единственного охранника, который сидел на перилах причала. Чуть дальше над краем обрывистого берега вырисовывался земляной холмик с наклонной дверцей. Такие же холмики можно было увидеть и в других уголках базы. Эти сооружения солидно назывались эвакуационными колодцами, хотя снаружи они больше походили на деревенский погреб.

Вадим щелкнул тумблером, и на пульте загорелась табличка «вагонетка». Еще несколько тумблеров привели далекую и пока невидимую вагонетку в движение. На пульте вспыхнула предостерегающая надпись: «проезд закрыт».

— Сам знаю, что закрыт, — ответил пульту Гранцов, глядя через стереотрубу на другой конец базы, где рельсы были перекрыты воротами.

В тишине белой ночи вдруг раздался лязгающий грохот — это вагонетка, прикатившаяся от могильника, врезалась в закрытые ворота.

Гранцов дал охранникам время на выработку правильного решения и отправил вагонетку назад, но не слишком далеко. Разогнавшись, она вернулась к воротам, и новый удар огласил окрестности. Где-то закаркали вороны, залаяла собака. «Наверняка, рыжая лает», — подумал Гранцов. Все другие керимовские псы были слишком хорошо воспитаны, чтобы лаять.

Охранник на причале оглянулся, но остался на месте. Присмотревшись, Гранцов заметил у него в руках маленькую удочку. Оказывается, бдительный страж скрашивал ночное дежурство безнадежным блеснением с причала.

Все, или почти все остальные охранники уже сбегались к воротам. Третий удар снес ворота, и вагонетка покатила по рельсам прямо к вертолетной площадке. Гранцов отключил питание — докатится по инерции — и снова повернул трубу к причалу. Охранник что-то сказал в рацию, положил ее на доски причала и невозмутимо облокотился на перила, подергивая удочкой.

Над колодцем уже показалась голова Поддубнова. Он перевалился через край и исчез, прижавшись к траве. Гранцов глянул на охранника — тот продолжал смотреть на воду под собой.

Поддубнова не было видно — Гранцов поводил трубой из стороны в сторону. Вот Керимов спокойно и быстро отвязывает концы, вот огромные пятнистые собаки выскакивают из колодца и запрыгивают в лодку — одна, вторая и третья. «А бестолковую рыжую Керимыч, наверно так и не уговорил спуститься в подземный ход», — почему-то с

жалостью подумал Вадим. Вот и охранник сидит, уже привязанный к причалу, с мешком на голове. А вот и Поддубнов. Он ножом обрезает концы и отталкивается ногой от причала.

Гранцов собрался уходить, но напоследок все-таки посмотрел в сторону вагонетки — как там ведет себя секьюрити?

Охрана вела себя странно. Здоровые мужики стояли вокруг вагонетки и явно боялись к ней подойти. Наконец, один из них осторожно забрался на тележку и, подсвечивая фонариком, принялся рассматривать что-то в распаханном контейнере.

«Что бы они там ни нашли, тревогу пока никто не поднял. Так что первая часть гениального плана выполнена. Лодки уходят, никто не бросается в погоню и не стреляет вслед. Остается только задраить все люки и спокойно ждать», — решил Гранцов и отправился обратно в бункер.

Продвигаясь по туннелю, он вдруг услышал впереди неясный шум. Вадим остановился. Отражаясь от бетонных стенок, до него донесся чей-то голос. Через секунду он понял, что это работает система перехвата.

«Наверно, в спешке забыли отключить. И дверь не задраили. Ну, ребята, будет у меня с вами тяжелый разговор», — подумал он. Но тут же послышался звук отодвинутого стула, потом звякнула посуда. Что за чертовщина?

Он бесшумно подкрался ко входу и заглянул в приоткрытую дверь.

Добросклонов сидел перед пультом, он повернулся к Гранцову, прижимая палец к губам.

— Ты почему здесь? — спросил Вадим, сдерживая накатившую злость.

— Ну, не мог я тебя бросить одного, понимаешь? — вполголоса проговорил Гошка. — Тише, Дим, ты послушай, что творится...

— Мы не в игрушки играем. — Гранцов прикрыл дверь. — Если я приказал уходить, значит...

— Тихо, тихо!

Из динамиков доносились голоса:

— ... чем раньше сообщим в милицию, тем меньше на нас навесят.

— Никакой милиции, — раздался голос Первой. — И хватит болтать. Второй приказал усилить охрану. Платформу откатить обратно. Все. Встретимся на планерке ровно в шесть.

Шум в динамиках оборвался.

— А милиция причем? — спросил Гранцов. — Подумаешь, лодки угнали.

— Какие, к черту, лодки, — растерянно проговорил Гошка. — Там два трупа. Они говорят, что вагонетка привезла два трупа, понимаешь? Мужчины. Застрелены.

— Давно?

— Что?

— Когда примерно застрелены?

— Ну, извини, — Добросклонов развел руками. — Экспертизу не проводил. Ты куда?

— Экспертизу проведу, — сказал Гранцов, снимая со стены автомат.

— Постой, не убегай. Мне-то что делать? Все разбежались, а я тут один должен торчать и ждать, когда меня добьют?

— Надо было уходить вместе со всеми.

— Да нельзя тебя оставлять одного! Нельзя! Ты же псих. Ты сейчас устроишь мясорубку из-за Регины! Я же тебя знаю! Вадим, положи автомат. Мы не на войне, понимаешь?

Гранцов смотрел на брата с сочувствием. Злость испарилась. Перед ним был не нарушитель дисциплины, не дезертир, не трус. Перед ним был Гошка, бледный, осунувшийся, перебинтованный.

— Да, мы не на войне, — сказал Вадим. — И те два трупа, они тоже не с войны приехали. Успокойся. Не будет никакой мясорубки.

— Я с тобой пойду! Нет, серьезно. Не хочу я тут сидеть.

— Не бойся. Сюда никто не может войти. Подай фонарик, он на полке.

— Ты жеходишь и выходишь, значит, и другие могут, — сказал Добросклонов. — И я тебе без экспертизы могу сказать, кого там убили. Они же вместе на эти могильники поехали. Черт, еще меня с собой звали. Этот Слепой чуть не за руку меня тянул туда! — Он вытер заблестевший лоб. — Ну, спасибо за приют. Нечего сказать, спокойное место. А что с Региной?

— Она в надежных руках, — сказал Гранцов. — Ты успокоился?

— О да, я совершенно спокоен.

— Твоя задача — следить за эфиром. Ничего не выключай. Пусть все их переговоры записываются. Внимательно слушай каждое слово. Что можешь, запиши на бумаге, на технику никогда нельзя надеяться. Особое внимание вирусам.

— Зачем? Мне-то зачем все это?

— Так надо, — сказал Гранцов.

На самом деле так было надо только для того, чтобы Гошка не впал в истерику. Самое бессмысленное занятие лучше, чем паралич страха и отчаяния.

Гранцов воспользовался подкопом, чтобы выбраться за проволоку, не побеспокоив охрану. Аккуратно уложив фанерку поверх ямы и присыпав ее листьями, он подумал: «А дорожка-то уже натоптана».

Пробираясь по ночному лесу, он дошел до рельсов. Тут ему пришлось спрятаться под кустами, пропуская охранников, которые возвращались от могильника. Они шли молча, и только рация вдруг зашипела и что-то спросила раздраженно. «Все в порядке, — ответил охранник, — докатили до упора. Нет, больше ничего не нашли. Да какие там гильзы, не было таких указаний...» Он еще что-то говорил, но Гранцову уже было не разобрать.

Охранник соврал. Они не докатили вагонетку до упора, а бросили на полпути.

Вагонетка представляла собой платформу на колесах, к которой крепился специальный механизм с контейнером. Когда вагонетка подкатывалась к упору, механизм срабатывал, и контейнер переворачивался. И если бы охранники не поленились, то тела коменданта и управляющего уже покоились бы в шахте поверх обломков крылатых ракет с антирадарным покрытием.

Но вагонетка осталась стоять на рельсах посреди леса, не докатившись до могильника. И Гранцов зажал нос и склонился над убитыми, освещая фонариком их лица под коркой запекшейся крови и горестно приговаривая: «Вот тебе и Таиланд, вот тебе и Панама...»

Когда предводительница сказала, что комендант базы отдыхает в Таиланде, Гранцов ей не поверил. Комендант не для того всю жизнь воровал стройматериалы по кирпичику, чтобы тащиться на край света для отдыха. Казенные кирпичики сложились в домик, расположенный в курортном пригороде. Сад, огород, гараж, застекленная веранда. Даже поляк-управляющий, повидавший все райские уголки мира, любил иногда провести белую ночь на той веранде, с неисчерпаемым холодильником и роскошным бильярдным столом фирмы «Даймонд».

Они лежали «валетом», оба с поднятыми руками, словно в последний миг пытались прикрыть голову. Видимо, их заставили улечься в контейнер и потом застрелили. И наверно, убийца собирался сбросить тела в шахту, но не умел обращаться с механизмом.

Вадим Гранцов вернулся в бункер и, не обращая внимания на выжидающий взгляд Добросклонова, раскрыл свой блокнот и зачеркнул еще два кружка.

— Ну, ты и педант, — не выдержал Гошка.

— Как дела? Что в эфире?

— Вирусы не появлялись. В Багдаде все спокойно. Не считая одного бдительного идиота. Его отговаривают, а он не унимается. Вот опять, слушай, наверняка на ту же тему.

— Пятьдесят Первый — Сто Седьмому. Как дела?...Я Сто Седьмой, продолжаю наблюдение. Вроде все тихо... Полста Первый, ты меня демаскируешь, я пока рацию вырубая, потом поговорим...

— Этот «Сто Седьмой» все возится где-то у бункера. Ты с ним не встретился?

— Придется встретиться.

Гранцов поднялся к вентиляционной решетке. Он свистнул, и из-за брезента послышался ответный свист.

— Что, не спится, господин полковник?

— Заснешь тут с вами... Слышал про тележку с мертвецами?

— Да.

— Наши думают, что твоя команда в полном составе ушла на лодках. Теперь посвободнее будем дышать. Почему? Потому что завтра с утра начнется. Пойдет процесс. Гаврики начнут возрождаться на глазах. Про убитых знаешь что-нибудь?

— Да. Потом расскажу.

— Между прочим, народ тут на уборке территории нашел кое-что, — помолчав, добавил из-за решетки Сто Седьмой. — Пули автоматные. Калибр «пять сорок пять». Я им объяснил, что это от мелкашки. Чтобы лишнего не подумали.

— Это правильно, — сказал Гранцов. — Дочке что передать?

— Пока ничего. Тебе что-нибудь нужно?

— Спасибо, полковник, у меня все есть.

Добросклонов лежал лицом к стенке, притворяясь спящим. Равномерное посапывание, однако, прекратилось, как только Гранцов плеснул коньяк в два граненых стакана.

— Выпьешь?

— Вот еще, на ночь глядя, — проворчал Гошка, но стакан взял. — За что пьем?

— За упокой, наверно, — Гранцов пожал плечами, — считай, что это поминки.

— Кошмар, — сказал Гошка. — Я же, можно сказать, только что с ними говорил... И вот... Но за что? Кому они мешали?

— Это уже неважно, — сказал Гранцов. — Они уже никому не мешают, для них все кончилось.

— А для нас?

— Лично для меня все кончилось уже давно, — сказал Гранцов и, пригубив, отставил стакан. Поминки при сухом законе получаются до обидного короткими. — Жалко других. Если бы все упиралось только в меня... Да я бы спокойно вышел им навстречу, стреляйте, гады, только не трогайте других!

— Типичная мания величия, — сказал Добросклонов.

Вадим подвинул к себе громоздкий телефонный аппарат и набрал номер Железняк. Несмотря на ночь, участковый поднял трубку сразу, словно и не спал.

— У нас еще два трупа, — сказал Гранцов. — Нашел в контейнере. Из той же серии, пятничные. Можешь организовать следственную группу поскорее?

Железняк обматерил его шепотом, из чего Вадим сделал вывод, что звонок застал его все-таки в постели.

— Короче, завтра уже обещала подтянуться команда из Центрального, — отведя душу, продолжил участковый. — Приеду с ними. Сегодня не могу. Смотри, чтоб там место происшествия не затоптали.

— До твоего прихода их никто не тронет, — пообещал Гранцов.

— Ты там тоже никого не трогай, — попросил Железняк. — Не добавляй мне работы.

Глава 20. Мирное внедрение

Возрождение началось с коллективного труда. Вооружившись вениками и совками, люди в старых джинсах и выцветших майках занимались «уборкой территории». Чувствовалось, что авторы методики хорошо знакомы с практикой пионерских лагерей, и не только пионерских. Это и коту понятно: когда нечего делать, следует хотя бы бороться за чистоту.

Но в Институте Духовной Реабилитации борьба с мусором имела идеологическую, а не гигиеническую основу.

Вадим Гранцов, переодевшись в Гошкины джинсы и майку, незаметно присоединился к

цепи уборщиков, когда они проходили мимо колодца. Пообещав Железняку никого не убивать, он решил найти Регину и любым путем увести ее от сектантов.

То, что институт связан с киллерами, не так и плохо. Пока поблизости не видно педика с мерзкой улыбочкой, можно не прятаться. Раз эти сектанты не убили его сразу, при первой возможности, значит, они не убивают. По крайней мере, своими руками. И если повезет, он сможет отбить у них Регину, как отбил брата.

Что значит «если повезет»? Никаких если! Он отобьет ее — и точка.

Но сейчас он не видел ее среди полусонных волонтеров, которые брели, сосредоточенно вглядываясь в траву и песок и иногда наклоняясь — за веточкой, листиком, перышком...

— *Мир без человека — это хаос. Человек приходит в этот мир, чтобы создать в нем порядок. У каждой вещи есть свое место. У каждого действия есть свое время,* — монотонно приговаривал волонтер со шкиперской бородкой. — *Вот клочок газеты. Где-то в Сибири росло дерево, но люди уничтожили его, затратили огромное количество труда и времени, чтобы сделать из дерева бумагу, испачкать эту бумагу типографской краской, потом с помощью газеты внести хаос в чье-то сознание и, в конце концов, засорить нашу планету обрывками миллиардов газет ...*

Никто не возражал ему, но никто и не поддерживал. Казалось, он просто размышляет вслух, правда, излишне громко и аффектированно. Банальные экологические причитания, однако, завершились неожиданным выводом.

— *Этот клочок газеты превратился в мусор не сейчас, когда я подобрал его с земли. Он уже был мусором, когда еще был газетой. И те, кто делал эту газету, и те, кто спилил то прекрасное дерево — они тоже мусор. Потому что мусор берется из мусора, и производит новый мусор. И планета наша погибнет от мусора, сама станет мусором, потому что мусор неизбывен.*

Он замолчал, и цепь двинулась дальше в мрачном безмолвии. На другом фланге кто-то начал новую обличительную речь, такую же монотонную. Гранцов украдкой оглянулся, но и там не обнаружил Регину среди уборщиков.

Его поразило, что никто не смотрел по сторонам. Возможно, они и других-то не видели, неотрывно глядя себе под ноги.

Дойдя до берега, цепь остановилась. Каждый ссыпал свою долю мусора в железную бочку, после чего все расселись на песке у самой воды.

Гранцов тоже сидел среди них, стараясь ничем не выделяться. Как и все, он молча смотрел на озеро, а за спиной раздавались мерные шаги Первой, ритмичное похлопывание ее газетки и плавная речь.

— *Каждое прежнее рождение мы получали помимо желания. И каждую прежнюю жизнь нам приходилось прожить вопреки своей воле. Это был порочный круг — через страдания к неизбежной смерти и снова к страданиям...*

Через две минуты Гранцов заскучал, через три готов был взвыть, но усмирил свой гнев и просто перестал воспринимать всерьез этот мутный поток религиозного коктейля.

Рецепт. Взять хорошо забытый буддизм разлива 70-х годов, добавить кармы и реинкарнации по вкусу, бросить леденящие кубики грядущей катастрофы и залить сладеньким сиропом детской Библии.

Он смотрел на озеро. Легкий утренний ветер казался ему дыханием Бога. Бог засмеялся, разгоняя полосы ряби по зеркалу воды.

Тем временем Первая незаметно перешла от теософии к более конкретным вопросам. Оказывается, не обязательно ждать смертного часа, чтобы возродиться к новой жизни. К тому же такое возрождение чревато непредсказуемыми сложностями. Гораздо удобнее воспользоваться услугами Института. Возродиться под присмотром специалистов. При этом взять с собой в новую жизнь все самое лучшее из прежнего существования.

Наверно, Гранцов пропустил какую-то сигнальную фразу, потому что все вдруг поднялись уже голые, а он замешкался с молнией. Впрочем, этого никто не заметил, и когда

он встал в строй, его руки тут же сплелись с руками соседей. К его глубочайшему разочарованию, оба соседа оказались мужчинами.

Они зашли в воду по колено. Гранцов затаил дыхание, готовясь к обжигающему холоду — но странно, вода не была холодной. Она не была ни холодной, ни теплой. Он ее просто не ощущал.

Все подняли сомкнутые руки к небу и задрали головы. «Вижу!» — простонал кто-то рядом. «Вижу!» — раздался в ответ женский голос. Гранцов посмотрел на перистые облака и ничего особенного не увидел.

И снова он пропустил команду — все разом повернулись и вышли на берег, и он шел среди последних, и свернул вместе с ними в баню, потому что ему показалось — туда свернула Регина.

Все набились в парилку. Тесно усевшись на полки, стоя вдоль стен, сидя на корточках у самой каменки здесь собралось человек двадцать. Мужчины и женщины, костлявые и рыхлые, упругие и дряблые — все разом вспотели и заполнили темное пространство бани неповторимым смрадом. Гранцов не выдержал и потянулся к двери, но его опередил жилистый загорелый мужик. Они выскочили в предбанник и перевели дух.

— Надо было хоть ромашки плеснуть на камни, — сказал Гранцов. — Пот надо ромашкой перебивать.

— Хорошая идея, — сказал мужик, и Гранцов узнал в нем Сто Седьмого. — Решил присоединиться?

— Просто давно не парился.

— Ну, на это не рассчитывай, — сказал Сто Седьмой. — Парятся гаврики, мы тут только для контроля. Их надо два часа подержать для начала, вот и меняемся, по очереди с ними сидим. А насчет ромашки это хорошая идея. Сам доложишь или я?

— Не понял?

— У них порядок такой. Почему? Потому что у кого есть идея, докладывает либо сам, либо через наставника. Я могу быть твоим наставником. Не возражаешь?

— А без доклада нельзя? Нельзя просто плеснуть? Вон в бутылочках у нас уже готовы все настои, — показал Гранцов. — Тут тебе и ромашка, и мята, и пихта, и лаванда. Чего еще докладывать?

Сто Седьмой крепко сжал его колено, когда Гранцов попытался встать.

— Никакой самодеятельности, — сказал он. — Все под контролем. Откуда ты знаешь, как действует ромашка на токсины? Методика отработана. Чтобы ее дополнить, надо все сто раз взвесить. Смотри. Сначала парилка. С потом выходят токсины и шлаки. В обед мы даем витамины, чтобы укрепить иммунитет. И снова парилка. Снова витамины. Но это касается пока только тела. Теперь насчет психики. Мы держим их все время среди нормальных людей. Почему? Потому что у них появляется новый смысл. Они тоже хотят возродиться. Они оставляют наркотики в старой жизни. Они видят, что они ни хуже других, что у других тоже есть проблемы в старой жизни. И вот все вместе они возрождаются и становятся нормальными. Совсем другими людьми становятся.

— Здорово, — сказал Гранцов. — То-то я каждый раз после бани будто заново родился.

— Я не шучу, — сказал Сто Седьмой. — Это все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Они на самом деле меняются.

— Ты тоже? Наверно, уже внутри стал генералом?

— Я на первом уровне. Еще не готов возродиться. Почему? Потому что анкета плохая. Недавно Второй опять меня срезал, сука. Каждый месяц заполняешь анкету. Девятьсот вопросов. Всегда разные. И тебе говорят, готов ты или нет.

— Я чувствую, что готов, — сказал Гранцов. — Воняет уже и здесь. Пойду на воздух.

— Накинь простынку, я подведу тебя к Восьмой. Она занимается новичками, — сказал Сто Седьмой и добавил вполголоса: — Соберись. Это конь-баба. Расколет любого Штирлица.

Восьмая сидела за белым столиком на берегу и грызла яблоко, черкая карандашом в

блокноте. Эту блондинку Гранцов несколько раз уже видел — например, в той комнатке, где все выкладывали свои интимные воспоминания, и где он, освобождая Добросклонова, так грубо обошелся с ее пациентами.

Заметив, что к ней приближаются Сто Седьмой и Гранцов, она повернулась в сторону охранников и кивнула. Тут же подбежали двое — один со стулом для Гранцова, другой с большой чашкой чая.

— Присаживайтесь. Липовый чай хорошо восстанавливает силы после парилки, — сказала она. — Мы принимаем всех, кто приходит к нам по доброй воле. Но вам я особенно рада. Не удивляйтесь, я знаю про вас много, почти все. Мы собирали информацию о персонале. Вы сильная личность, к вам будут тянуться люди. Нам нужен такой человек, как вы.

— А если после возрождения из меня получится что-то другое? — спросил Гранцов, осторожно пробуя чай. Напиток понравился ему, и сразу захотелось пить. Но, вспомнив, как подействовал «чай из лотоса», Вадим отставил чашку.

— Бросьте, — улыбнулась Восьмая. — О каком возрождении вы говорите? Вам это не нужно, вы и так на высоком уровне воплощения. Вам надо беспокоиться не о возрождении, а о самореализации.

— Не думал, что это так уж бросается в глаза.

— Судите сами. Первое. Вас выгнали из армии за пьянство, — сказала она. — Но вы самостоятельно бросили пить.

— Просто не на что было, — он пожал плечами.

— Второе. Вы спецназовец, воевали в Афганистане и в Чечне, но ваша психика не пострадала, у вас нет никакой озлобленности.

— Вот тут у вас неверная информация, — сказал Гранцов. — Я не спецназовец, как вы говорите. Нет такой военно-учетной специальности. Я специалист по автотранспортной технике. Никакого спецназа не существует. Это все журналисты придумали. Газетный штамп, чтобы пугать народ. А командировка в Афган? Была, не отрицаю. Только я там не воевал, а служил зампотехом в заброшенной точке на иранском направлении. Там и боевых-то действий настоящих не было.

— Но в Чечне боевые действия велись, и война там была, этого вы не сможете отрицать. Многие вернулись оттуда с надломленной психикой. А вы — нет.

— Да где вы видели эту надломленную психику? — спросил Гранцов. — Кто надломился, тот там же и пропал. Оставьте вы свои газетные штампы. Сразу видно гражданского человека. Рассуждаете о войне с точки зрения телезрителя. Почитайте лучше книжки по военной психологии. Вам будет полезно.

— Отлично, — она сделала еще одну пометку в блокноте. — Это очень ценная поправка. Тогда давайте уточним еще одну деталь. Возможно, вам будет нелегко об этом говорить, но вы все же постарайтесь отвечать предельно честно. Вам некого стесняться. Поговорим о том периоде, когда вы стали гражданским человеком и злоупотребляли алкоголем. Что было основанием для вашего увольнения?

— Пьянка, — вздохнул Гранцов. — Пьянка с отягчающими обстоятельствами.

— Вы что-то скрываете, — заметила Восьмая. — Насколько я знаю, непьющих офицеров в вашей армии вообще не бывает. Значит, вы натворили и в самом деле нечто экстраординарное. Что именно?

Вадим Гранцов снова задумался, смущенно улыбаясь.

— Что такого я натворил? Да ничего особенного. После Хасавюрта многие ушли из армии, сами знаете. Нет смысла служить неизвестно кому и непонятно зачем...

«Нет, такая формулировка выставляет армию в слишком невыгодном свете, — решил Гранцов. — Не стоит лить воду на мельницу злопыхателей и очернителей».

— Но лично у меня вопрос решился без высоких материй. Напился, подрался, — сказал он виновато. — Да еще и развалил политико-воспитательную работу. Неуставные отношения, самовольные оставления части и так далее. Таким не место в армии.

— Кажется, вы выбросили портрет Ельцина из штабной канцелярии? — спросила Восьмая.

— Ого, — удивился Гранцов. — Опять мимо. Не выбросил, а просто не взял его с собой, когда меняли дислокацию. Но откуда это вам известно?

— Нам все известно. Да, я знаю много о вас, — сказала она значительно. — Поэтому и рада, что такой человек сам пришел к нам. Ваши товарищи поступили глупо, им незачем было бежать. Мы никого не затаскиваем силой. Люди приходят к нам сами. Это наш принцип. Никакой рекламы.

— Так, — сказал Гранцов. — Если мне отказано в возрождении, что вы можете предложить взамен?

— Просто другую жизнь. Вы будете ездить по всему свету и помогать людям. Вы были за границей?

— Вы знаете, где я был.

— Афганистан не в счет, — сказала она. — Значит, не были? Неужели не хочется посмотреть мир?

«Значит, ни хрена вы не знаете, — торжествующе подумал Гранцов. — Не знаете вы про Ливийскую Джамахирию, ни про Эфиопию, тем более — про Сомали. Вы, ребята, мелко плаваете. Залезли, небось, в военкомат. А глубже копнуть слабо!»

— Мне и здесь хорошо, — сказал он.

— А представьте, что есть точно такая же база, но в Африке. Совершенно заброшенная. А мы вас туда пошлем, чтобы ее привести в порядок. Поедете?

Вадим услышал за спиной на крыльце бани утомленные, тихие голоса. Сеанс окончен, и все расходятся. Он напрягся, пытаясь различить в этом гомоне голос Регины, но Восьмая снова отвлекла его.

— Неужели откажетесь от Африки?

— В пустыню не поеду, — заявил он, почему-то вспомнив недавний разговор с Ежиком, который тоже вдруг засобирился в Африку. — В джунгли тоже. Разве что на Мадагаскар?

— Вот видите, — сказала Восьмая. — Даже вас можно чем-то заинтересовать. А если бы вы знали, где работают наши люди! Я, например, совсем недавно вернулась из Венесуэлы. Для нас нет границ.

— Звучит заманчиво, — сказал Гранцов. — Так что вы от меня хотите?

— Вы начнете работать прямо сейчас, — деловито сказала она. — Первое. Вы будете завтракать, обедать и ходить в баню с двумя девочками, которых я вам покажу. Говорите с ними о чем угодно, но сводите все разговоры к необходимости возрождения. Ваша задача — флиртовать на грани фола. Понимаете, о чем я? Рассыпайтесь в комплиментах, приставайте к ним, облизывайте им пятки. В переносном смысле, конечно. Впрочем, действуйте по ситуации. Хорошо, если они в вас влюбятся и начнут ревновать одна к другой. Второе. В свободное время заполните анкету. Предупреждаю, анкета большая, девятьсот вопросов, но ответить надо на все вопросы предельно честно. Предельно честно, повторяю.

— Стоп, — сказал Гранцов. — Есть вопросы, на которые я не имею права отвечать.

— Да нет таких вопросов, — мягко улыбаясь, сказала Восьмая. — Государственная тайна? Так уже нет того государства. Пусть это вас не волнует.

— Не хочу быть уклончивым, — сказал Гранцов. — Но есть еще и военная тайна.

— Да бросьте вы, — засмеялась она. — Кто с вами воюет? Война давно закончилась, и пора признать свое поражение. Ваши танки ушли из Германии и ржавеют в калмыцких степях. Ваши ракеты нацелены сами на себя. Какие такие жуткие секреты вы можете знать в этой бане? Какое такое сверхсекретное оборудование может прятаться в ваших подземельях?

«Откуда она знает о подземельях?» — подумал Гранцов, но не стал возражать.

— И третье, — сказала Восьмая. — Надо определиться с вашим статусом. Назовите любое число после трехсот.

— Миллион.

— Ого, — она снова засмеялась, но уже по-другому. — Я имела в виду числа четвертой сотни. Какой вы, однако, пылкий мужчина. Не ошиблась ли я, доверив вам девочек?

— Кажется, я не давал повода.

— Числа, числа говорят нам больше, чем слова, — сказала Восьмая. — Итак, ваше число будет такое. Триста сорок девять. Запомнили, Вадим Андреевич? С этой секунды вы «Триста Сорок Девятый». А теперь — идите в баню!

Глава 21 349-й отрабатывает завтрак

Здесь не принято было знакомиться, и Гранцов, оглядев еще в бане своих подопечных, присвоил им условные обозначения. Лисичка была с острым носиком и зелеными раскосыми глазами, кожа лица у нее землистая, в темных угорьках. А у костлявой Феи кожа желтовато-прозрачная, с зелеными венами. Свои длинные русые волосы Фея расчесала как русалка, за спину. У Лисички же была короткая стрижка со смешным завитком на шее.

Он знал, как изменятся девочки, когда оденутся после бани, поэтому запомнил только эти приметы, не отвлекаясь на подробности телосложения. Да и особо-то отвлекаться было не на что, как подметил бы мичман Поддубнов.

Оказалось, что на этот раз пациентам приготовили особую одежду. И Лисичка, и Фея облачились в одинаковые розовые балахоны с длинными рукавами. Что-то вроде ночных рубашек до колена, с пояском и шнуровкой на груди. На мужчинах были точно такие же рубахи, но голубые. Все они получили также высокие белые носки и кроссовки.

Теперь пациенты заметно выделялись среди окружавших их волонтеров в джинсах и разноцветных майках. Когда все расселись за столиками для завтрака, Гранцов отметил, что на каждую пару больных приходилось пять-шесть волонтеров. Причем один волонтер общался с пациентами, а остальные держались чуть поодаль. Завтрак «гавриков» состоял из тертой моркови, сухого лаваша и томатного сока. В бумажном стаканчике оказались разноцветные горошинки витаминов. По крайней мере, все называли это витаминами. Гранцов вспомнил о фармацевтической фирме, которая делила с Институтом московскую прописку, смял стаканчик вместе с содержимым и сунул в карман джинсов: он надеялся когда-нибудь сдать эти таблетки на анализ.

— Правильно, — сказала Лисичка, его подопечная, — лично я тоже в гробу видала эти таблетки.

— Ну и глупо, — сказала Фея, запивая витамины соком.

— Хуже, чем зэки, тут сидим. Я за всю жизнь ни в одном лагере не жила, куда только меня не пристраивали. Убегала и все. Не могу жить в лагере. Из Польши убежала, из международного лагеря, до самой границы доехала автостопом.

— Здесь не Польша, — заметила Фея.

— Это точно, — злобно огляделась Лисичка. — Менты кругом, колючка, хрен убежишь. Знать бы хоть где мы. А то сначала Псков, потом турбаза, потом вертолет. Может, мы вообще где-нибудь в Уренгое?

Гранцов слушал их, незаметно оглядываясь. Регина сидела далеко от него с двумя сутулыми переростками. Она что-то говорила, поворачиваясь то к одному, то к другому, а они тупо смотрели на ее маленькую острую грудь под полупрозрачной майкой.

Когда Вадим встал из-за стола, вместе с ним поднялись две его девочки. Они отошли в сторонку и присели на скамейку под стеной штаба, а еще трое волонтеров бесшумно подошли сзади и встали за углом.

— Подумаешь, супер-пупер-методика, — сказала Лисичка. — Нашли на ком опыты ставить. Я им не наркоманка какая-нибудь.

— Это не опыты, — сказала Фея. — Миллионы людей были спасены методикой.

— Да меня-то что спасать, — фыркнула Лисичка. — Спасибо папочке, пристроил в блатное местечко. И все из-за одной сигаретки, бляха-муха! Нашел у меня в кармане косячок, и пошло-поехало. Ему же не втолковать, что человек может чисто для понта с собой

носить всякую херню. Ну, угостить там знакомого, ну, поменять на что-нибудь. Я ж ведь чистая, как слеза пионерки, я даже пива не пью, одно «перье»! На кой хрен мне ваша методика, мать ее перемать!

— А дорожка на венах у тебя тоже от «перье»? — насмешливо спросила Фея и тут же отскочила, увернувшись от пощечины.

— Убью сучку! — завизжала Лисичка, кидаясь вперед, и Вадиму пришлось обхватить ее и прижать к стенке. — Порву падлу позорную!

Она в ярости молотила ладонями по стене, но при этом ни разу не ударилась об нее затылком. И еще Вадим чувствовал, что она отнюдь не яростно толкает его своей упругой маленькой грудью. Толкает, но не отталкивает. Под балахоном у нее больше ничего не было, и он ощущал на своей груди горошинки ее сосков. Он немного отступил, но и она оторвалась от стенки и снова с игривой силой смяла об него свою грудь, а потом прижалась горячим животом.

— Пустите меня! — выкрикнула она, прижимаясь еще теснее.

— Да хватит тебе, — беззлобно проговорила Фея. — Перед кем выделяться? Вот, полюбуйся.

Она подтянула кверху широкий рукав и показала цепочку черных точек на внутренней стороне своего предплечья. Лисичка сразу смирилась и опустила руки.

Вадим отступил от нее, и тут же Фея прижалась к нему сбоку и обняла за талию.

— Ничего, девушка, мы тут все такие, — сказала она сочувственно и снизу вверх заглянула в глаза Гранцову: — Только ты не такой, верно? Ты нас вытащишь? Тебе ведь за это деньги платят? Можно, я буду звать тебя Кевин? Ты похож на Кевина Костнера в «Телохранителе».

Лисичка подскочила к нему с другого боку и тоже обхватила, но за бедра. Ему не оставалось ничего иного, как обнять обеих за плечи и такой тесной компанией двинуться к берегу озера. Там они уселись на перевернутую старую лодку.

Гранцов помнил инструкцию. Флиртовать. Рассыпаться в комплиментах. «Да за кого они меня принимают? — подумал он. — От моих солдатских комплиментов девчонки, пожалуй, удерут к другому наставнику». Он искренне пожалел, что не умеет флиртовать, потому что обе девчушки ему нравились. Да и как может не понравиться юное создание, которое игриво прижимается к тебе упругим полудетским телом? Столь же трудно оказалось начать беседу о возрождении, как того требовала Восьмая. Но здесь он мог рассчитывать на помощь двоих волонтеров, которые непринужденно подсели рядом на песок. Эти и подскажут неопытному собрату нужные слова, и заткнут ему рот, если он начнет говорить ненужные.

Но слова словами, а дело делом. Вадим заметил, что Регина со своими переростками устроилась как раз у колодца, который вел в подземный ход. Она сидела на траве, опираясь спиной о крышку погреба, а оба ее пациента разлеглись на его покатым боку.

Если подойти к ним поближе, все можно сделать за считанные секунды. Вырубить или просто распугать посторонних, спрыгнуть вниз и задраить за собой переборку. Дождаться ночи. И часа в два, когда наступит недолгая темнота, выбраться через подкоп. Хорошо, что Регина такая тоненькая, с ней и в туннеле будет нетрудно, и подкоп ей как раз по размеру.

Пока Гранцов рассчитывал план побега, Лисичка и Фея увлеклись детским спором на тему «чей папа круче». Недвижимость, акции, автопарк и степень родства со всеми ветвями власти оказались примерно равными. И тогда в ход пошли другие аргументы. Лисичкин папа построил где-то церковь, а отец Феи регулярно «отстегивал» на восстановление храма в Москве.

Гранцов заметил, что волонтеры прислушиваются к спору девчонок, поглядывая при этом на него. Согласно инструкциям, он должен был свести разговор к необходимости возрождения — но его гораздо больше беспокоило то, что Регина вдруг встала с крышки колодца, и ее подопечные тоже поднялись с травы. Держась за руки, все трое отошли от колодца. Регина зашла за угол медсанчасти, а переростки опустили на траву в тени

караульной вышки.

«Куда она ушла? Она не может отлучаться от своих подопечных. Они ждут ее. Значит, она вернется сюда, под вышку. Лишние десять секунд, — рассчитал Гранцов. — Ничего, лишь бы они оставались на месте».

— Я тоже отдавал деньги на храм, — вступил в разговор волонтер со шкиперской бородкой. — И что? Что я имел с этой синагоги, кроме головной боли?

— Вкладывают деньги в церковь, чтобы откупиться от Бога, — сказал второй. — Раньше индульгенции покупали. Отстегнул червонец, и грехи себе дальше.

— Грехи, не грехи, а завтра какой-нибудь идиот нажмет красную кнопку, и всем конец, и грешным, и безгрешным, — сказал Шкипер, поворачиваясь к Гранцову.

— Безгрешных нет. Просто кто-то исчезнет, а кто-то возродится, — сказал второй и тоже глянул на Гранцова.

— Никто не исчезнет, — сказал Вадим Гранцов, стараясь не глядеть в сторону медсанчасти, откуда должна была появиться Регина. — Без разбору, хорошие и плохие, все там будем. А у Бога все живы.

— Так уж и все? А тогда какой смысл быть хорошим? Если все равно возродишься, — сказал Шкипер. — Тогда бы все жили в свое удовольствие.

— А все и так живут в свое удовольствие, — ответила ему Фея. — И правильно делают. Только другим не мешай жить, и всё.

— А если другие воруют, убивают, насилуют? — спросила Лисичка. — Им не мешать?

— Кто ворует, тот мешает жить другим, — рассудил Шкипер. — Значит, если ты его остановишь, ты поможешь другому.

— Как ты его остановишь? — поинтересовался Вадим. — Руку ему отрубить?

— Для того и существует государство, полиция, суд...

Вадим усмехнулся, и оба волонтера вместе с девчонками уставились на него выжидающе. Чтобы не вызывать подозрений, надо было говорить.

— Суд существует не только для воров, — сказал Вадим и передвинулся так, чтобы собеседники не перекрывали обзор. — Для всех. Вор ответит за свой грех. Каждый из нас ответит за себя. За каждый свой поступок. В общем, все это давно открыто, тут не о чем спорить. Есть такой устав внутренней службы. Называется «Заповеди».

— Мы глубоко уважаем любые религиозные взгляды, — сказал Шкипер. — Но ни одна религия не дает человеку спасения при жизни. Да, христианство обещает вам спасение и вечную жизнь, но только после смерти. И наказание за все грехи, тоже после смерти. Вот именно в этом и заключена причина полной несостоятельности христианской морали. Ведь простой человек всегда рассчитывает на эту жизнь больше, чем на царствие небесное. Никто не знает, что там, за гробом. Нет свидетелей. Никто еще не возвращался оттуда и не рассказывал...

— Если вы так уважаете религиозные взгляды, то называйте их верой, а не «взглядами», — перебил его Гранцов. За слова о «несостоятельности» можно было бы и в глаз дать, но он сдержался. — Да, оттуда никто не возвращался. Но не забывайте, что на показаниях четырех свидетелей уже основана вера миллионов людей.

— Каких свидетелей?

— Матфея, Марка, Иоанна и Луки. И кстати, христианство не обещает, что наказание будет только после смерти. Так что особо не расслабляйтесь. Да, и еще. Спасения после смерти тоже особо не ждите. Вы удивитесь, но спасутся очень немногие.

— Минутку, — остановился Шкипер. — Мы вообще-то начали говорить на другую тему, но такие тезисы нельзя оставлять без антитезиса. Как это вы утверждаете, что не все спасутся? Разве ваш Бог не самый гуманный, не самый добрый, не самый справедливый?

— Нет, — усмехнулся Гранцов. Этот Шкипер явно напрашивался. Он просто провоцировал терпеливого христианина, и Вадим мысленно перекрестился, отгоняя искушение. — Наш Бог не самый добрый. Он справедлив, но не по-человечески.

— Не будем спорить, — сказал второй волонтер. — Тем более что даже Христос

призывал верующих возродиться при жизни.

— Да разве я спорю? О чем тут спорить? Бог существует только для тех, кто в него верит. А суд — он будет для всех, и верующих, и неверных. Вот и все.

— Тогда причем тут возрождение? — спросила Фея.

— Возрождение поможет человеку избежать суда, — объявил Шкипер. — В новой жизни человек будет свободен от своих старых преступлений.

«Зачем я теряю время на пустые разговоры? — ругал сам себя Вадим. — Кому тут нужны мои проповеди? Регина, куда ты пропала? Милая, выходи скорее, я уже не могу их слушать».

— Значит, Институт, получается, лучше относится к людям, чем сам Бог? — спросила Фея.

— Да, лучше, — гордо ответил Шкипер. — Мы заботимся о земной жизни. Потому что самое дорогое у человека — это жизнь. Жизнь на земле.

— А знаете, что такое земля? — не выдержал Гранцов. — Как сказал один умный человек, земля создана как преддверие ада с первоначальными казнями для преступных. Вы только оглянитесь по сторонам и легко увидите эти казни. Но Спаситель сделал ее преддверием рая. Для тех, кто идет за ним.

— Это типичный христианский шовинизм, — возмутился Шкипер. — Что же, буддисты не попадут в рай?

Гранцов пожал плечами.

— Кевин, Кевин, ты меня запутал, — Фея теребила его за палец. — Зачем я должна возрождаться? Чтобы остаться в этом предбаннике ада?

— Это надо спросить у тех, кто тебя сюда привез, — ответил Гранцов и встал, чтобы подойти к медсанчасти.

Когда Регина появится из-за угла, он уже будет рядом. Просто возьмет ее за руку, и они побегут. Это будет неожиданно для всех. Несколько секунд эти философы-самоучки будут моргать и смотреть им вслед, пока сообразят, что делать.

Но оба волонтера встали одновременно с ним и преградили ему путь. Они смотрели на Вадима так, будто были готовы заломить ему руки и сказать: «Пройдемте, гражданин!» Глядя поверх их сомкнутых плеч, Гранцов увидел, что переростки вдруг торопливо встали на ноги.

Он шагнул к ним, увидев, что они направились к медсанчасти. Охранник открыл перед ними дверь, пропустил внутрь и встал на пороге, чему-то улыбаясь и качая головой.

— Пройдемся еще, птички, — Гранцов повернулся и протянул руки, поднимая своих девчонок.

Они снова обнялись и пошли вдоль обрыва, и волонтеры двинулись за ними, негромко обсуждая различные оздоровительные системы.

— Кевин, ты это серьезно? — тихонько спросила Фея. — Нет никакого возрождения? Если я не верю, то мне конец?

— А кто тебе мешает верить?

— А страшно, — просто ответила девчонка. — Если все это правда, насчет «не укради» и так далее, то я буду гореть, как пионерский костер.

— Надоели все, — озлобленно сказала Лисичка. — Все равно все живут как хотят, и боятся только, что их отстрелят или заложат. Ну, еще сифилиса боятся. Ну, еще...

Ее прервал звон разбитого стекла. Все оглянулись. В окне санчасти мелькнуло испуганное лицо.

— Там что-то интересное делается, — сказала Фея.

— Сами разберутся, — ответил Шкипер.

Гранцов знал, как попасть в санчасть через пожарный выход, который никогда не запирался, а был просто опечатан. Он сорвал бумажку с подписью покойного коменданта и распахнул заскрипевшую дверь.

— Назад! — скомандовал Шкипер и схватил его за руку. — Не вмешиваться!

— Понял, — покорно сказал Гранцов, но второй волонтер тоже схватил его руку и попытался заломить за спину.

В коридоре санчасти кто-то пыхтел и возился. Слышны были глухие удары.

Гранцов с повисшими на нем волонтерами прошел в коридор и увидел Регину. Она сидела верхом на своем подопечном, запустив ему пальцы в волосы. Голова парня ритмично билась об пол. Но как-то слишком слабо, на взгляд Гранцова.

— Ну вот, а вы говорите «не вмешиваться», — сказал он Шкиперу. — Тут человека убивают.

Второй волонтер подскочил к Регине и пнул ее в плечо, свалив на пол. Он попытался поднять прыщавого переростка, но сам рухнул поперек него, получив от Вадима хорошую «йоку⁷» под ребра. Вторым ударом ноги Гранцов свалил Шкипера, хотя тот ему не мешал. Но мог и помешать. К тому же он все-таки давно напрашивался...

Регина встала, пытаясь запихнуть груди в разорванную майку.

— Очумели мальчики, — прошептала она, — вот глупенькие...

— Да ладно тебе, — сказал ей Гранцов. — Некогда марафеты наводить.

Он заметил движение сзади, увернулся и перехватил чью-то руку. Рука хрустнула, когда ее владелец грохнулся об пол.

— Уходи, уходи, не смотри на меня! — закричала Регина, закрывая лицо ладонями.

— Без тебя не уйду, — Гранцов подхватил ее на руки и побежал к выходу.

Ему надо было добраться до колодца, потому что все остальные подземные проходы в бункер были наглухо задраены. Он бежал, прижимая невесомую женщину к груди, и следил за действиями сектантов. Только один из них мог ему помешать — он кинулся наперерез, вытянув вперед руки и хватая пальцами воздух. Но тут Лисичка нырнула сектанту в ноги, и он рухнул на песок.

Колодец был уже в десяти шагах, когда Регина вдруг с неожиданной силой толкнула Вадима в грудь и вырвалась из его рук.

— Давай за мной! — Гранцов потянул ее за руку к колодцу. — Спустишься первой, я прикрою... Ты куда?!

Не отвечая ему, она рванулась прочь, в сторону набегающих охранников.

— Заморочили голову человеку, — проговорил Вадим, сгреб ее в охапку и побежал дальше, отворачивая лицо от ее слабых пощечин.

— Пусти! Не хочу! Не хочу! — повторяла она.

— Ничего, вылечим, — приговаривал он.

Но охранники уже виднелись и с флангов. Они хорошо бежали, быстро и бесшумно, и в руках у них были не рации, а резиновые дубинки. Гранцов остановился. Охранники — это тебе не мягкотелые интеллигенты. Эти не раздумывая спрыгнут в колодец за ним, и ведь догонят в туннеле, и найдут проход к бункеру.

Он бережно поставил Регину на ноги, стянул с себя майку и отдал ей. Он еще успел поднять руки и шагнуть навстречу набегающим с резиновыми «демократизаторами».

— Все в порядке, ребята, — сказал он.

Но у них было иное мнение. Точнее, у них был приказ. И они его принялись исполнять. А ему оставалось только кататься по земле, прикрывая лицо и пах. Вообще-то лежащего не бьют, особенно дубинкой, потому что это неудобно — приходится наклоняться. Но им, наверно, было строго приказано пустить в ход именно дубинки.

Гранцов стонал, вскрикивал и завывал, силясь передать всю гамму ощущений, которые должен был сейчас испытывать. Изображая нечеловеческие страдания, он не боялся переусердствовать, потому что пару раз дубинка и вправду зацепила незащищенную ключицу. Остальная молотьба пришлась по мышечной броне. Гранцов знал, что после таких ударов останутся жуткие синяки, зато будут целы кости и внутренние органы. Кататься

⁷ «Йока» — жаргонное, от «йоко-гери»; в карате так называется боковой удар ногой

мячиком его когда-то научил один кубинец, негр. «Дня через два я и сам буду почти таким же черным, как Луис», — подумал Гранцов и замолк, издав предсмертный хрип.

Когда они приказали ему встать, он не смог разогнуться. Кто-то схватил его за волосы и помог подняться. Скрючившись и качаясь на полусогнутых ногах, Вадим заметил за спинами молотильщиков своего недавнего оппонента в богословском споре, Шкипера. Тот прорвался из-за кольца охранников и попытался вцепиться в щеку. Удар получился обжигающим, но слабым. Вадим Гранцов не отказал себе в удовольствии подставить вторую щеку. Шкипер ударил и по ней, неосторожно приблизившись. Тут-то Гранцов и разогнулся, задев лбом подбородок Шкипера.

Раздался треск. Гранцов испуганно схватился за лоб, а бедный сектант вытянулся по стойке «смирно», да так и обрушился.

— Артист, — сказал Сто Седьмой. — Ну, артист, на сегодня хватит. Давай в карцер. Сам пойдешь или помочь?

— Что-то не помню я никакого карцера, — сказал Гранцов, облизывая занемевшие соленые губы. — Не было в Советской Армии таких слов.

— Здесь тебе не Советская Армия, — беззлобно сказал какой-то охранник и хлестнул его дубинкой по спине.

Глава 22. Карцер

Карцером оказался дровяной сарай. Наверно, у строений тоже своя «карма», подумал Гранцов. Недаром Поддубнов именно сюда посылал нарушителей дисциплины.

Гранцов распластался на теплых поленьях, пытаясь представить, как они впитывают его боль. Больше всего досталось спине. Он знал, что завтра будет еще больнее, если сейчас не отлежаться. Покой, холод, давящая повязка и возвышенное положение ушибленного места. Он усмехнулся — единственное не ушибленное место находилось между ног.

Для него не составило бы никакого труда прямо сейчас убежать из этого «карцера». Выбраться через окно на крышу, прыгнуть на голову часовому и в очередной раз воспользоваться подкопом под ограждением. Для смеху можно было бы и самого часового прихватить с собой, если тот не окажется слишком толстым.

Но ведь он остался на базе, чтобы уйти отсюда с Региной. И он уйдет отсюда с Региной. Ночью, как и планировалось.

Кроме того, в бункере его ждет Гошка. Наверно, он все еще следит за эфиром и скрупулезно записывает позывные и краткое содержание радиоперехватов. И наверно, уже беспокоится за брата. Сколько он сможет там продержаться? Тушенка и хлеб у него есть, имеется и коньяк. Продержится, успокоил себя Гранцов.

«Нам бы только день простоять, да ночь продержаться. Интересно, принято ли у сектантов кормить пленных? Лучше бы они меня покормили, — подумал Вадим. — Потому что от голода люди становятся слишком жестокими. А когда я выберусь отсюда ночью, у меня не будет никакого желания заботиться о здоровье тех, кто попадется под руку».

Он решил использовать свое заточение так же, как использовал когда-то в юности гауптвахту — чтобы выспаться. Хорошо бы еще почитать перед сном... Осторожно, чтобы не рассыпать, он достал из кармана джинсов измятый бумажный стаканчик с витаминами. В другом кармане он нащупал сложенную анкету на тончайшей бумаге.

Вопросы были напечатаны мелким шрифтом, и для ответов были приготовлены два квадрата. Заштрихуешь левый — значит, «да». Правый — «нет». Очень удобно обрабатывать. Отвечать труднее. Гранцов призадумался.

Вопрос 19: «Лучше отдыхать в палатке на берегу озера, чем в отеле на берегу моря». Да или нет?

Что за идиотский вопрос. Какая разница, где отдыхать?

Вопрос 211: «Я чувствую, что за мной следят». Кстати, следят ли? Гранцов прислушался и различил редкие ленивые шаги вдоль стены сарая. Да, я чувствую, что за

мной следят. И больше того, я чувствую, что меня хотят убить. И даже еще больше — меня уже убивают. Причем уже почти убили.

Он скользил взглядом по строчкам, иногда останавливаясь на забавных опечатках. Два вопроса не могли оставить его равнодушным.

Вопрос 440: «Вы связаны с органами разведки (контрразведки) в настоящем или в прошлом».

Вопрос 530: «Вы служили в организациях с высокой секретностью».

«И не лень им было придумывать и писать остальные 898 вопросов? — подумал Вадим Гранцов. — Для маскировки хватило бы и сотни. Отбрасываем шелуху, читаем «да», «да» — и начинаем разработку. А бедные простаки мучаются, стараются предельно честно отвечать, снятся ли им пришельцы...»

Часы остановились, и он мог следить за временем по смене охранников. Голод прошел сам собой, осталась только жажда. Он подумал, что где-нибудь под крышей могла накопиться дождевая вода, и полез на чердак, хромая на все четыре конечности.

Воды он не нашел — к сожалению, крыша сарая была в идеальном состоянии. Зато нашел расчищенное место перед слуховым окошком, отпечатки чужих кроссовок на пыли и сигаретный пепел. Из окошка он увидел охранников у ворот и на крыльце штаба. Видны были сектанты, сидящие на берегу, и Первая, которая прохаживалась за их спинами.

«Вот, значит, для чего рыли подкоп, — догадался Гранцов. — Кто-то следит за базой. Сектанты вырубили сигнализацию, и теперь любой может пробраться из леса в сарай и отсюда спокойно наблюдать. За чем наблюдать? За купанием голых придурков?»

Оглядывая дощатый пол, он заметил, как что-то блеснуло в углу. Там оказался обрывок какой-то целлофановой обертки. Сигаретная? Непохоже. Что же могло быть внутри? Он расправил обрывок, прикидывая первоначальный размер. Небольшая коробка конфет?

Нет. Видеокассета.

Отсюда не просто наблюдали, а еще и снимали на видео. Причем совсем недавно. Ни окурки, ни целлофан еще не покрылись пылью.

Он услышал, как внизу один охранник сказал другому:

— Пойду посмотреть бесплатный стриптиз.

— Надоело, — сказал второй. — Были бы телки приличные, а то набрали доходяг. А чего они в небе видят, не знаешь?

— Ну, ты даешь, — сказал первый. — Надо ждать, пока в небе не появится крест. Как только увидишь крест, значит, готов, можешь начинать возрождение. Ты что, еще не видел? Так пошли, постойшь поближе, увидишь. Лично я уже раза три видел.

— Крест? И какой он?

— Разный бывает. Сначала не врубился, думал, самолет. Такой маленький, сверкающий. В другой раз как будто дымом нарисованный. Пойдешь?

— А этого партизана охранять?

«Иди, иди, — подсказывал ему Гранцов, напрягая всю свою телепатическую силу. — Иди искать знамение небесное, в нем твое спасение».

— Нет, не пойду. Если что, мне Второй матку вывернет, — сказал охранник, и Гранцов еще раз убедился, что телепатия просто фокус.

Он спустился к своим бревнам и снова разложил на них ушибленные места, чтобы вздремнуть. Прошло еще часа четыре, и низкое солнце уже запустило свои косые лучи в полумрак сарая, когда, наконец, заскрипела дверь.

— А тут довольно мило, — сказал сектант, которого Гранцов раньше не видел, голубоглазый брюнет с холеными усиками, в алой тенниске и длинных белых шортах. Казалось, он только что с корта. — Для карцера так слишком мило. Слишком сухо, слишком светло. Никаких крыс, наверно. Одни белки прыгают. Очень мило, очень.

— Вадим Андреевич, вы не хотите встать, когда с вами говорят? — спросила Восьмая.

Гранцов отвернулся.

— Ну, как хотите, — сказала она. — Ваше поведение только подтверждает

первоначальную характеристику. Вы опасная личность. Мы вас проверяли и убедились в этом. Вы опасны для людей. Нам просто придется вас изолировать, чтобы вы не мешали нам работать.

— Собирайтесь, — сказал «теннисист». — Вас отвезут домой. Я приношу свои извинения от лица Института за этот неприятный конфликт. Вам будет выплачена компенсация. Пятьсот долларов.

Гранцов не собирался разговаривать с ними. Но дело приняло неожиданный оборот, и он поднял голову.

«Наверно, они нашли новых исполнителей, — подумал он. — И хотят меня убрать где-нибудь по дороге. Очень хорошо. Я готов. Вот только котомку прихватчу».

— Один я не уеду, — сказал Гранцов. — У вас осталась женщина, ее зовут Регина Казимировна. Она поедет со мной.

— Не надо ставить нам условия, — мягко попросила Восьмая. — Вы уедете, а Регина... Она сама сделала свой выбор. Можете спросить у нее. Мы позволим вам проститься.

«Проститься? Спасибо и на том. Мне больше от вас ничего и не требуется. Только подпустите к ней, а дальше я сам все сделаю», — подумал Гранцов.

— Где ваши личные вещи? Вам их принесут.

— Не надо, я сам схожу за вещами, — сказал он. — А когда я смогу получить обещанную компенсацию?

— Когда вам будет удобно, уважаемый Вадим Андреевич, — сказал «теннисист». — Созвонитесь с бухгалтерией института, вам все объяснят.

Гранцов прыгнул с поленицы и повертелся на месте, разминая затекшие мышцы.

— Я готов. Только котомку прихватчу.

— Вы так и поедете, голый? — насмешливо спросила Восьмая.

— Что поделаешь, пришлось отдать последнюю рубаху. Вы уж позаботьтесь, чтоб Регина у вас голая не ходила, — попросил Вадим. — А то в прошлый раз просто какие-то эротические сцены наблюдались...

— Не волнуйтесь, — перебила его Восьмая. — Она не будет нуждаться ни в чем. Ваша Регина оказалась замечательным медиком. Она верит, что нужна людям, и больше ей ничего для счастья не требуется. Но вам этого не понять.

— Где уж мне, — согласился он. — Дайте полчаса на сборы. Вы не забыли, что я могу с ней попрощаться? Где мне ее найти?

— Она сейчас с больными, — сказал «теннисист». — Но нам придется пойти с вами. Без сопровождения вы теперь не сделаете ни шагу.

— Это называется не сопровождение, а конвой, — поправил его Гранцов.

Они дошли до бункера, причем охранники вытягивались перед ними, и Гранцов понял, что щеголеватый «теннисист» и есть тот самый «Второй», которого все боятся.

— Дальше я пойду один, — сказал Гранцов. — Там у нас такой бардак... Честное слово, я вернусь. Даю гарантию.

— Никаких гарантий в наше время, — сказал Второй, изучая дверь. — У вас ключ? Или есть код?

— Нет. У нас, как в сказке про Красную Шапочку. Помните? Дерни, внученька, за веревочку, дверь и откроется.

— Не вижу никакой веревочки. — Второй уступил Гранцову место у двери.

Запертую дверь бункера можно было открыть только изнутри. А снаружи среди веток засохшего куста висел неприметный тросик. Потянув за него, Гранцов раскрутил запорный маховик и открыл дверь. Это было одно из изобретений Керимова.

«Надо будет приспособить кодовый замок, — подумал Гранцов. — Хорошая идея, между прочим. Наверно, у них там все примерно так же, только с кодовым замком».

Второй вежливо придержал его, как только дверь открылась, и первым перешагнул порог. Люк, ведущий в КП-2, Второй открыл самостоятельно. За что и был награжден неожиданным подарком.

— Димка! Ты где шляешься! — закричал Добросклонов и швырнул во Второго пустую бутылку.

Тот присел, уклонившись, и бутылка разбилась об стену. Гошка бессильно уронил голову на стол.

— Я не успел вас предупредить, — сказал Гранцов.

— Ничего, ничего. Есть еще люди на объекте?

— Больше никого.

Гранцов оттащил брата от стола и уложил на койку. Бросил взгляд на электронные часы, мигающие над пультом, и завел свои, выставив, наконец, точное время. Не выдержав, он запустил ложку в банку с тушенкой и отломил ломоть хлеба.

— А что это за аппаратура? — спросил Второй, оглядываясь. — Приемники древние. Кажется, 323-я модель? Магнитофончики проволочные, черт побери, каменный век! И вы на этом работали?

— Мы и сейчас работаем, и неплохо, — сказал Гранцов.

Он с сожалением оглядел дно опустевшей банки и метнул ее в ящик, который стоял между стеллажами с аппаратурой. Пока банка летела, кувыркаясь, Вадим провожал ее взглядом и думал.

Военные приемники, установленные на стеллажах, были похожи на что угодно, только не на радиоприемники. Но этот «любитель» их сразу распознал. И в каком таком радиокружке мог встречать он военный магнитофон, в котором вместо обычной ленты была тончайшая проволока? Возможно, в армии он был связистом. В какой армии? Черт возьми, Регина же ясно говорила, что этот «Второй» — американский психолог. Хорошо. Сейчас он американский психолог. Но, допустим, родился в Союзе. Отслужил. Потом эмигрировал с родителями, допустим, в Израиль. Перебрался в Штаты. Стал психологом. Но любовь к советскому радио оказалась неистребимой. Ну что? Что будем делать с этим радистом-любителем, майор?

Банка со звоном провалилась в ящик.

— Собирайте вещи, — сказала Восьмая, поглядывая на часы. — Наверно, будет лучше, если второго товарища мы отправим вместе с вами. На этой же машине. Помогите ему собраться. Надеюсь, сборы не слишком затянутся?

Они ушли, оставив у открытой двери бункера двоих охранников.

Глава 23. Прерванное прощание

Гранцов потерял Гошку за нос, и тот моментально открыл глаза и приподнялся на койке.

— Т-т... Ты ж-жи-живой! — с трудом выговорил он.

От него так несло, словно он не пил коньяк, а купался в нем. Гошка яростно растер уши и сел на койке, встряхиваясь всем телом.

— Я-то живой, — сказал Гранцов. — А ты вот — не очень. Чего это ты так расслабился? Давай собираться, у нас только полчаса.

— Расслабился? Я? Да я поминки по тебе уже справил! Ясное дело, тебя грохнули! И ты лежишь вместе с остальными, кого тоже... А следующим — меня! Они убьют всех, понимаешь? Всех нас!

— Умойся, — попросил Вадим. — Ты мне нужен за рулем. Сейчас поедem домой.

— А Регина?

— С нами поедет.

Гранцов забрался под стол и вытянул оттуда спрятанную котомку с автоматом. Сектанты не оставили ему выбора. Забрать Регину можно только силой. Вполне возможно, что ее придется скрутить и насильно затолкать в машину. Для этого ему понадобится напарник, который будет держать сектантов на мушке. Если они так стремятся к выживанию, то один лишь вид оружия должен их просто парализовать. Вот только можно ли доверить

Гошке ружье, даже незаряженное?

Добросклонов шумно плескался над раковиной, обливаясь холодной водой и нещадно растирая виски. Он повернулся, приглаживая всклокоченные волосы:

— Ты извини. Я свинья. Я последняя свинья. Но пойми...

— Уже понял. Ты свинья. Ну-ка закрой глаза. Вытяни руки вперед. Пальцы расставь.

Добросклонов послушно, хоть и немного заторможенно, выполнил команды. Пальцы дрожали, но все же он не терял равновесия.

— Дим, я справлюсь, — тихо говорил он, не открывая глаз. — Думаешь, я никогда не ездил пьяным? Ты только помоги сесть за руль, и я поеду на автопилоте. Даже лучше, чем трезвый, потому что гаишников буду бояться.

— Посмотрим. Давай, собери, что тебе нужно отсюда. Мы сюда не скоро вернемся.

Гранцов оглядел стол, собрал разбросанные листки, бегло прочитал записи. Судя по всему, Гошка добросовестно следил за эфиром, пока избыток коньяка не свалил его.

— Ну, прости меня, — не унимался брат. — Думаешь, мне легко? Я же просто убить себя готов, такая я свинья. Это я во всем виноват. Из-за меня того поляка убили, с комендантом. Все из-за меня.

— Причем здесь ты? — Гранцов почти не слушал его. Финку в ножны, складной нож в карман, фонарик, патроны для двустволки... — Скажи лучше, куда флягу подевал?

— Да вот она, твоя фляга. Нет, ты не представляешь, как я перед тобой виноват...

— Набери воды, и я все прошу.

Гошка подставил горлышко фляги под кран:

— Помнишь, я рассказывал тебе, как Регина познакомила меня с этими «академиками»? Они хотели просто арендовать у меня часть офиса. Ну, а между делом говорили о возможных совместных проектах. Искали подходящую заброшенную деревушку или остатки военного городка для того, чтобы построить там центр реабилитации наркоманов. Понимаешь, за ними чувствовались большие деньги и большие связи. Я же посредник, я всегда вижу, где пахнет солидным процентом...

— Набрал? Прицепи к поясу, — приказал Гранцов. — Пускай вода будет у тебя. Скоро понадобится.

— Подходящей деревушки у меня не было, — продолжал Гошка, неловко продевая ремень в петлю на чехле фляги. — Зато был одной брат не какой-то вполне заброшенной «точке» где-то неподалеку. Там, на «точке», и жилые помещения, и хозяйственные постройки, и даже, по твоим рассказам, хорошая большая баня. Вот только добраться туда очень трудно. Никаких дорог. Только вертолетом или вездеходом. А «академики», наоборот, обрадовались. «Нам, говорят, это подходит как нельзя лучше! Скорее рассказывайте, где это место?»

— Ну, и что ты им мог сказать? — спросил Гранцов, заправив тельняшку. — Ты же не знал, где я работаю.

— Я им так и ответил. Мол, не знаю. Но знаю номер телефона, через который с тобой можно связаться. Они опять обрадовались: «Нам больше ничего и не нужно. Скажите нам любое число, просто номер вашей машины, и через два дня мы вам назовем день рождения вашей тещи». Они не шутили. Ну, тут я сориентировался, что владею всеми козырями, и перевел разговор на другую тему. Поговорили о моем проекте «Протеин для Севера». Ты представляешь? За десять минут непринужденной беседы проект превратился в безупречный бизнес-план с подробнейшим финансовым обоснованием. Тогда я *случайно* вспомнил, что до сих пор не сообщил им твой телефон. И... И сообщил. Через несколько дней после этого разговора я уже держал в руках увесистый пакет, в котором лежали шестьдесят тысяч наличными и все необходимые документы для моего проекта. Вот как все удачно получилось...

Гранцов слушал его, неподвижно застыв с робой в руках. Он собирался натянуть ее не плечи, и уже просунул одну руку в рукав, но слова Гошки заставили его замереть.

— Да, удачно... Хорошо, что нас никто не видит, — задумчиво произнес Вадим. —

Понимаешь, за такие вещи ведь морду бьют.

— Ну так бей! — вскричал Добросклонов. — Я не обижусь. Даже спасибо скажу! Врежь мне как следует!

— Поздно. — Гранцов застегнул робу и одернул ее вниз. — Раньше тебя надо было бить. А теперь поздно. Да ты не расстраивайся. Тебя еще стукнут по морде, и не раз. А сейчас ты мне нужен за рулем. Вот тебе ружье. Повесь на плечо. Не на шею! На плечо. Готов? Пошли.

Он еще раз оглядел бункер, мысленно прощаясь со своим домом, и протянул руку к рубильнику, чтобы разом выключить все. Но тут снова зашипели динамики, и заморгали разноцветные значки на центральном мониторе. Система продолжала перехватывать чью-то работу в эфире.

Из динамиков доносились короткие непонятные команды: «Хомут, стоять. Вовчик, пошел. Спортсмены на месте. Хомут, пошел со своими. Андрюха, свет. Андрюха, сука, свет!».

Свет моргнул раз, другой, и погас. В темноте продолжали ровно мерцать мониторы. Через пару секунд загорелись аварийные плафоны.

— Что случилось? — дрожащим голосом спросил Гошка. — Авария?

— Предохранители полетели. Наверно, твои академики неправильно включили генеральскую сауну, — спокойно объяснил Гранцов. — Перегрузка. Сейчас у нас врубится генератор.

Посуда на столе тихонько задребезжала, потянуло горелой соляжкой. Гранцов облегченно вздохнул — он и сам не надеялся, что аварийная система сработает штатно.

Вспыхнул еще один плафон — «Обрыв на линии связи».

— Нам отключили телефон, — сказал Гранцов. — Неужто в узел связи забрались? Что они там вытворяют?

Он закинул за спину котомку с автоматом и подтолкнул Гошку к боковому люку. Добросклонов непонимающе посмотрел на него и потянулся к центральному входу.

— Выход там, я же помню.

— Не для нас, — ответил Гранцов, затолкал брата в узкий туннель и задраил люк за собой.

Редкие лампы на наклонных стенках светили вполне адекватно, помаргивая.

— Опять катакомбы, — проворчал Гошка. — И какой идиот придумал рыть туннель с такими поворотами?

— Тут тебе не туннель, а ход сообщения. Обычный окоп, только прикрытый сверху. А повороты нужны, чтобы директория не простреливалась.

— Спасибо, просветил.

Гранцов остановился у вытяжной трубы и привстал на одну ступеньку, чтобы через щели решетки осмотреть подходы к гаражу. Высокие зеленые ворота оказались приоткрыты, и это Вадиму не понравилось. Возможно, там сейчас кто-то был, а Гранцову не хотелось поднимать шум.

Он повернулся к Гошке:

— Вот что мы сейчас сделаем. Попроberемся в гараж. Сядем в «ситроен». Ты за руль. Подлетаем к санчасти. Ты наставляешь ружье на охранника. Я вытаскиваю Регину, кидаю ее в машину. Ты снова за руль, и мы срываемся. Все понятно?

— Понятно. А ружье заряжено?

— Конечно, — сказал Гранцов, надеясь, что Гошка не догадается проверить стволы.

Он свернул в боковой ход. Гошка послушно хромал сзади, задевая ружьем стенку.

В луче фонаря блеснули ступеньки металлической лестницы. Вадим повернулся к брату, придавил пальцем его губы, и Гошка понимающе закивал.

Над их головой был выход в гараж, но Гранцов не торопился подниматься. Он стоял у лестницы, держа автомат наготове, и прислушивался.

Наконец, решив, что в гараже никого нет, он поднялся вверх и оказался в тесном

закутке, где стояли кислородные баллоны. Приоткрыл дверцу, оглянулся и поманил за собой Гошку.

Вдвоем они быстро перебежали в дальний конец гаража, где стоял «ситроен».

— Садись, — приказал Гранцов. — Пока пообвыкни. Сиденье поправь, зеркала настрой под себя.

— Эх, был у меня «ситроенчик», намучился я с ним. — Гошка повернул ключ и постучал по датчикам. — Бензина маловато.

— Нам хватит.

Вадим, пригибаясь, пробрался за «уазик», от него перебежал к «Уралу» и оказался у самого выхода. Он был уверен, что возле гаража обязательно кто-нибудь околачивается. Расположение постов ему было известно благодаря радиоперехватам. «Но мы их прослушивали ночью, — вспомнил Вадим. — То была ночная схема, а днем они могут размещаться иначе».

Он выглянул в щель между створками ворот. И убедился, что охранники, действительно, разместились совсем не так, как ночью.

Все они стояли вдоль штабной стены, упираясь в нее руками и широко расставив ноги.

Стояли они так не по своей воле, а под прицелом двоих автоматчиков в масках и сером камуфляже.

«Неужели омовцы? — подумал Гранцов. — Железняк решил вмешаться?»

— Ты чего застрял? — спросил Добросклонов, выглядывая через плечо.

— Иди в машину, — приказал Вадим, не поворачиваясь к нему.

Но Гошка и не думал подчиняться. Охранники, действительно, разместились совсем не так, как ночью.

— Ого, кажется, на наших друзей наехала налоговая полиция. Ну что, пошли сдаваться?

— Не спеши, — сказал Гранцов. — Это не менты.

— А тогда кто?

— Тогда? Бандиты.

Он огляделся, не высываясь. Еще трое в сером стояли у крыльца большой бани. К ним от штаба торопливо шагал грузный мужичок в лилово-зеленом спортивном костюме.

Это был Валентин Афанасьевич Ежов, президент крупной компании, который сейчас должен был ждать в Петрозаводске прибытия своей колонны. Видимо, здесь у него нашлись более важные дела.

Добросклонов тряхнул Вадима за плечо:

— Смотри, смотри!

Из бани выбегали голые люди. Они сбились в кучку, окруженные бандитами. Один из налетчиков то и дело вскидывал видеокамеру.

Валька Ежик подошел к оператору и начал что-то объяснять, делая широкое движение рукой.

Голых людей выстроили в шеренгу, и оператор пошел вдоль строя, снимая крупным планом их лица. Женщины закрывались руками, мужчины отворачивались, но Ежик выстрелил в воздух из пистолета, и они послушно застыли.

Вадим медленно попятился и присел, чтобы его не было видно.

— Что там творится? Что за стрельба? — прошептал Гошка за спиной.

Гранцов не отвечал, пересчитывая налетчиков.

Двое караулят охранников, плюс трое, плюс еще четверо — вместе с Ежиком их десять. Из них трое с автоматами, остальные с дубинками (видимо, уже трофейными).

Гранцов не мог отсюда разглядеть, была ли Регина среди пленников. Зато он узнал Лисичку — она стояла крайней, руки за спиной, нога небрежно отставлена. Оператор задержался перед ней, снимая в разных ракурсах.

«Их всего-то десять человек, — подумал Гранцов. — Слишком мало, чтобы удерживать такую толпу».

Со стороны медсанчасти послышались грубые крики, и Вадим увидел еще нескольких бандитов в черных шлем-масках. Они гнали стайку спотыкающихся сектантов к озеру. Среди них ярким пятном алела тенниска американца. Рядом Гранцов различил фигурку в белом халате.

Регина?

«Да, это она, — понял Гранцов. — Они говорили, что она уже кого-то лечит. Вот почему — в халате. Куда же их гонят?»

Внезапно эта группа остановилась, и Вадим смог пересчитать бандитов. Их было шестеро.

«Уже шестнадцать. Семеро в сером камуфляже, двое в черных майках, остальные в спортивных костюмах, из них трое в синих», — запоминал Гранцов.

Красная тенниска вырвалась из круга. Американец решительным шагом направился в сторону Ежика. Но один из бандитов вытянул руку, и щелкнул пистолетный выстрел. Американец пошатнулся, неловко осел и оперся рукой о землю, но рука подломилась, и он завалился на бок. Фигурка в белом халате метнулась к нему.

Гранцов сам не заметил, как в его руках оказался автомат. Он передернул затвор и приложился щекой к неудобному холодному прикладу, ловя на мушку бандита с пистолетом.

Но тот больше не стрелял. Он запихнул пистолет за пояс сзади и первым подбежал к упавшему. Вместе с Региной они подняли его за плечи и потащили к бревенчатой бане, стоявшей над озером.

Когда вся эта группа пленных оказалась запертой в бане, Гранцов поднял предохранитель и закинул автомат за плечо.

— Уходим, — шепнул он.

— Сюда идут! — выдохнул Гошка.

Вадим подхватил его за локоть и потащил за собой. Братья подбежали к спуску в туннель, но Гранцов понял, что вдвоем они не успеют там спрятаться. Он резко свернул к «ситроену», втолкнул Гошку на заднее сиденье, и сам повалился на него, бесшумно прикрыв за собой дверь.

В ту же секунду ворота гаража коротко взвизгнули, приоткрывшись, и по гравию зашуршали шаги.

— Так, значит, это у них автопарк. «Уазик» на ходу, «Урал» и еще «ситроен», — гулко отдавался в просторном гараже голос Вальки Ежика.

Гранцов, низко опустившись на сиденье, поднял перед собой автомат, нацелив на дверь. Но голоса не приближались. Ежик продолжал распоряжаться, оставаясь у входа.

— Ключи в замке, документы в бардачке. Вовчик, подгоняй «уазик» к санчасти, пусть пацаны начинают загружать. Только очень прошу, братан, проследи, чтобы коробки не кидали. За каждую разбитую ампулу сниму сто баксов. Лично с тебя. С тебя лично сниму.

— Да ну, на козле корячиться, — ответил сиплый голос. — Давай, типа, «ситроен» возьмем.

— Не влезет туда все, понял? Не влезут коробки. Заводи давай. Как затаришься, мотай в город, только осторожно, не дрова повезешь. Забросишь ампулы ко мне в офис. Подождешь, к тебе подойдет мужик, отдашь ему кассету. Можешь дома переночевать, а днем дуй на трассу. Там, на нашем месте, все собираемся в районе тринадцати ноль-ноль. Я пораньше поеду, буду ждать за старым финским кладбищем. Там бабло получаем и разбегаемся. Ты все понял? Знаешь, как доехать? На станцию, потом на развилку, через мост...

— Да что я, совсем баклан? Что я, трассы не знаю?

— Ампулы, ампулы не побей, Вовчик! Давай, двигай телом!

Чихая, завелся двигатель. Завыли, открываясь нараспашку, высокие ворота гаража. «Уазик», стреляя по стенкам гравием из-под колес, выкатился наружу.

В наступившей тишине слышались нетерпеливые шаги Ежика и мелодичные щелчки — он набирал номер на мобильнике.

— Алё! У нас все по нотам. Ага. Нет, никто даже не дернулся. Встречай Вовчика в моем офисе. Кассета у него. Ага, первая. Для заказчика другую отснимем. Успеем, успеем. Нет, я не забыл про радиомолчание. Уже молчу. Давай, до связи.

Шаги затихли, удалившись в сторону выхода.

Часть 3. Схватка

Глава 24. В кольцо

Вот и встало все на свои места, вот оно все и объяснилось. Гранцов уже не сомневался, что банда Ежика готовила захват давно. Подкоп и другие следы говорили об этом. Они изучили распорядок дня сектантов и их систему охраны. Автоматы против дубинок. Наглость против самоуверенности.

Что их привлекло? Наркотики среди медикаментов? Не исключено. Но тогда зачем нужна видеосъемка?

Скорее всего, это захват заложников. Видеокассету передадут в институт и потребуют выкуп. При этом захватчики поставят жесткие условия по времени. Никакая милиция сюда не доберется, а если и доберется, то геройски погибнет при штурме базы.

Но штурм не будет. И милиции не будет. Потому что институт не станет поднимать шум.

Да, несложная комбинация — если иметь своего человека внутри института. И конечно, Ежов, майор запаса, еще не забыл основы тактики, планируя атаку и готовясь к возможной обороне.

Непонятно только, зачем надо было устранять гарнизон. Нет, понятно! Мы же всех их знаем! Гранцов чуть не застонал от ярости. Мы же их знаем буквально как облупленных. Все эти андюхи и вовчики могут спрятаться под маской от кого угодно — только не от банщиков. Если часами паришься с людьми в баньке и выслушиваешь их убогие речи, поневоле запомнишь не только лица, но и голоса, и повадки, и наколки...

Вадим Гранцов сменил повязку брату — то есть перевернул бинт на другую сторону и завязал потуже.

— Все равно болит, — признался Добросклонов. — И вроде как жар начинается.

— Пить меньше надо. Ничего, недолго осталось. Ну-ка пошевели ступнями. Нормально. С педалями справишься.

— С какими педалями? Ты дашь мне велосипед? — равнодушно спросил Добросклонов. — Я шучу. Понимаю, что выгляжу идиотом, но это само из меня лезет. Наверно, я тебя раздражаю? Ты меня — тоже. Опять получается, ты герой — я говно. Но это ничего... Если тебе покажется, что я слишком много говорю, дай знать.

— Даю знать, — сказал Гранцов. — Рот не открывай. И делай только то, что я прикажу.

— Но дышать-то я могу самостоятельно? — все-таки спросил Гошка и осекся под взглядом брата.

Гранцов с трудом сдерживался. Гошкино легкомыслие не просто раздражало его, оно казалось оскорбительным. Этот высокомерный интеллектуал не понимал, что находится на волосок от смерти. А может быть, и понимал, но был уверен, что кто-то все равно его спасет. Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете...

— Не высовывайся из машины, — приказал Вадим. — Ложись на заднее сиденье. Вода у тебя есть. Я скоро вернусь.

— Скоро? Опять скоро?

— Как стемнеет, уйдем.

— Будь осторожнее, — дрогнувшим голосом попросил Добросклонов.

Гранцов забрался на стеллажи с инструментом, ухватился за вертикальную опору и, цепляясь за выступающие болты, полез наверх, под крышу ангара. Там он оседлал

поперечную балку и осторожно переполз по ней к другому краю гаража, где между крышей и стеной просвечивали полукруглые вытяжные окна. Вадим двигался медленно, аккуратно, стараясь не поранить руки об острые заусенцы. Руки ему еще пригодятся. Бросив взгляд вниз, он заметил, что задняя дверь «ситроена» прикрыта неплотно. Мысленно обругав Гошку за невнимательность, Вадим понадеялся на то, что в гараж все равно больше никто не сунется. А если и сунется, то за тонированными стеклами «ситроена» ничего не разглядит. Ну, а если разглядит, то Гошке придется пополнить список заложников.

Он добрался до вытяжки и расположился под свисающим краем крыши, оглядывая территорию базы.

Небольшая группа налетчиков сгрудилась у входа в бункер. Трое в одинаковых тренировочных костюмах осторожно выглядывали из-за кустов и направляли почти невидимые лучи своих фонариков в полуоткрытую дверь. Один из них что-то прокричал в сторону бункера, сложив ладони рупором. «Предлагают сдаваться», — догадался Гранцов. Но переговоры не затянулись. К этой тройке уже приблизился невысокий парень в камуфляже. Он был без маски, его лоб туго обтягивала черная косынка с аккуратно заплетенными сзади концами. Свой автомат он держал стволом вверх, упирая приклад в пояс, а в левой руке у него оказалась уже взведенная граната, и он сноровисто запустил ее в черный проем, а сам прижался к наружной стенке бункера, прикрываясь распахнутой дверью.

Трое «спортсменов» бросились наземь, закрыв голову руками. Из проема полыхнуло прозрачным дымом, гулко хлопнул разрыв. Парень в черной косынке двумя длинными очередями перекрестил вход, а потом ловко нырнул в черноту.

«Грамотный боец, — отметил про себя Гранцов. — Надеюсь, он оценит противогранатный щит на входе. Пусть скажет спасибо, что в бункере никого не было».

А ловкий автоматчик выскочил обратно, и почти сразу же вслед за ним потянулись струи густого белого дыма. «Спортсмены» затворили тяжелую дверь, и все они пошли прочь.

«Если дойдет до стрельбы, этого молодца в косынке надо будет обезвредить самым первым», — подумал Гранцов.

Наблюдая сверху, он видел, что на караульной вышке уже маячит фигура пулеметчика — длинный ствол со свисающими сошками отчетливо виднелся на фоне закатного неба. Видел он и свой «уазик», стоявший у крыльца медсанчасти. Задний борт был откинут, и бандиты осторожно подавали внутрь белые коробки.

Институтских охранников Гранцов разглядел не сразу. Они лежали на самом краю обрыва возле причала, а рядом сидел на перилах бандит в черной майке, лузгая семечки. Автомат лежал у него под ногами на дощатом настиле.

«Лопух, — определил Гранцов. — И пулеметчик на вышке из той же породы. Похоже, только мальчики в камуфляже представляют интерес».

Отсюда не было видно, что делается возле бани, и ему пришлось выбираться на крышу. Переползая по скользкой покатой кровле, Вадим спугнул ворону, сидевшую на краю водостока. Она отлетела на другой край и принялась тревожно и злобно каркать. Гранцов понимал, что на нее никто не обратит внимания, но все же огляделся в поисках камешка, чтобы ее шугануть. Ворона отскочила еще дальше и ненадолго замолчала, но потом заорала еще громче, словно издеваясь над глупым и беспомощным человеком, который пытался найти камень на голой крыше. И тогда он повернулся набок, стянул со спины автомат и прицелился. Ворона шумно захлопала крыльями, взлетела и тут же нырнула за обрез крыши, выполнив противозенитный маневр. Больше она не показывалась и не мешала Гранцову.

Голых заложников одевали возле бани. Их разделили на две группы, мужчины слева, женщины справа. Бандит в камуфляже доставал майки и джинсы из большого пластикового мешка и бросал в толпу. Трое других стояли рядом и гоготали, глядя, как женщины тянут руки, чтобы поймать одежду на лету.

Когда все пленники наконец оделись, их погнали в сторону склада ГСМ. Возле бани осталась только одна женщина в окружении бандитов. Вадим узнал свою подопечную,

Лисичку. Оператор стоял напротив нее, ярко высвечивая лампой ее бледное лицо, а двое в масках держали ее за руки. Она вдруг дернулась, пытаясь вырваться, и до Гранцова долетел ее крик: «Волки позорные!»

Ее ударили коленом в живот. Лисичка согнулась пополам. Они поволокли ее на крыльцо и затащили внутрь бани. Оператор следовал за ними, продолжая снимать на ходу.

«Как дойдет до стрельбы, начать с камуфляжей, — сказал себе Гранцов. — Оператора брать живым. Пусть не целым, но хотя бы немного живым. А целых тут не будет».

Возле бревенчатой баньки над озером, куда загнали Регину, прохаживался еще один в камуфляже. Он был без маски. Гранцов отметил, что маски оставались только на тех, кто находился возле оператора и мог бы попасть в кадр. Все остальные уже не скрывали от пленников своих лиц. «Плохой знак, — подумал Гранцов. — Очень плохой».

Его беспокоило то, что он не мог разглядеть Ежика среди бандитов. Возможно, что сейчас находился где-то внутри помещений. В медсанчасти или в штабе.

Вадим быстро прокрутил в голове возможные варианты своих действий. Если Ежик покажется, его можно будет снять отсюда. Бандиты останутся без командира и растеряются. Так?

Нет, не так. Даже без командира они сообразят, что им противостоит всего один стрелок. И у них достанет навыков и патронов, чтобы с этим одиночкой справиться. Да, кое-кто из них получит пулю в лоб. Но остальные тому будут только рады, потому что при дележке добычи доля уцелевших возрастет.

Так что пока стрельбу отложим. Что остается?

Остается связаться с Железняком. Это первое. Второе — выбрать способ отхода. Чтобы поскорее вернуться.

Солнце давно уже спряталось за лес, и воздух над озером сгустился на глазах, размывая границу земли и воды. Часа через два ненадолго стемнеет, и можно будет выбраться отсюда.

Плохо, что Гошка хромает. С таким попугайчиком далеко не уйдешь, тем более не убежишь. Значит, придется воспользоваться транспортом. И придется как-то открыть ворота, у которых уже сидел часовой на скамейке под навесом. Часового можно снять одним выстрелом прямо из машины, но кто-то еще должен и засовы отодвинуть...

Второй вариант прорыва — уходить по рельсам. Вчера ночью вагонетка снесла ворота, и теперь они лежали поперек пути. Сектантам и в голову не пришло их чинить, а налетчики, очевидно, полагали, что в таком положении ворота находились всегда. Бандиты не удосужились выставить пост на этом направлении. Впрочем, ночь еще не наступила, майор Ежов может и усилить караул. А может и, наоборот, ослабить. Кого ему бояться? Пленники надежно заперты, а нападения он не ждет. Следовательно, как раз ночью-то их бдительность понизится. Вот этим мы и воспользуемся. Как? Там видно будет.

Это был не самый лучший план действий, но все же план. И Гранцов пополз обратно по кровле, чтобы через вытяжку спуститься в гараж.

Дверца «ситроена» была по-прежнему не закрыта, но Вадим не стал ругать Гошку, потому что тот безмятежно спал. Во фляге еще оставалась вода, и Гранцов смочил губы. Он только сейчас ощутил, как пересохло во рту, и снова вспомнил, как кричала Лисичка. Да, в тот момент он чуть было не сорвался, кровь уже прилила к лицу, и холодная сухость сковала глотку, как всегда бывало перед боем, и он уже рассчитал, кого положит первым, кого вторым... «Ничего. Ты их еще положишь, — одернул себя Гранцов. — А пока ищи связь. Нужна связь...»

Проще всего было бы снять одинокого часового на причале и захватить его телефон. Если таковой имеется. А вот в этом Вадим не был уверен. Он вспомнил, что «вирусы», перехваченные системой незадолго до захвата, переговаривались не по мобильникам, а по рации. Вот у Ежика телефон был, но Ежика еще надо найти...

Он спустился в подземный ход. Лампы уже не светили, и Гранцов пробирался на ощупь, скользя пальцами по сырой стене. Он не включал фонарик не только из-за того, что берег батарейки, но и потому, что опасался встретить чужаков. Чем дальше он уходил, тем

сильнее становился едкий сернистый запах. Наверно, бандиты взорвали в бункере сразу несколько химических гранат, чтобы выкурить тех, кто мог бы еще оставаться под землей. Да, мальчишки в камуфляже знали свое дело. Посмотрим, как они несут караульную службу, подумал Гранцов.

Колодец, выходящий к причалу, был наклонным, с низкими широкими ступенями, по которым предполагалось выносить раненых и грузы. Гранцов подобрался к самому порогу и осторожно приподнял крышку, заглянув в щель.

Часовой по-прежнему сидел боком к нему на перилах причала, но теперь он держал автомат на коленях. Из ушей свисали тонкие провода, ведущие к поясу. Бандит ритмично покачивал головой, поводя ею из стороны в сторону, и барабанил пальцами по перилам. «Музыку слушает! — возмутился майор Гранцов. — Ну и часовой!»

Он оттянул на себя и поднял крышку люка, одним броском выскочил из колодца и залег в густой осоке дренажной канавы. Ему надо было подобраться к часовому, но будет лучше, если тот сам подойдет к нему. Поэтому Вадим снял часы, прицелился и метнул их к порогу погреба, где чернел открытый проем.

Ему пришлось ждать довольно долго, пока бандит не повел взглядом в нужную сторону. Наконец, часовой заметил открытый люк — и нехотя выдернул наушники. Он спрыгнул с перил и ленивой походкой, неся автомат за ремень, направился к погребу. Наклонился над часами, поглядел и протянул к ним руку. Но выпрямиться уже не успел, потому что кулак Вадима со всего маху опустился на его затылок.

Гранцов живо затащил бандита на ступени колодца. Обыскал, но телефона не нашел. Выдернул пояс из брюк и связал руки за спиной. Отодрав от стены длинный кусок провода сигнализации, связал бандиту щиколотки. Другой конец пропустил через запястья и, натянув, обмотал вокруг шеи. Стащил выгнутое тело вниз и отволоч подальше в туннель. Когда придет в себя и подаст голос, никто его не услышит.

Трофейный автомат Вадим припрятал в канаве рядом с причалом, пометив место надломленным стеблем.

Связанные институтские охранники лежали на песке, и кто-то из них храпел во сне. Гранцов подумал, что можно было бы их освободить. Двенадцать здоровых мужиков, да еще при поддержке двух автоматов — это реальная сила.

Но он тут же вспомнил, как эти здоровые мужики безропотно дали себя связать. И еще он вспомнил, как они били его, лежачего, своими дубинками. «Нет уж, ребята, отдыхайте, — решил он. — Без сопливых обойдемся».

С озера тянуло холодом. Над водой проплывали редкие полупрозрачные волны ночного тумана.

Мечта разведчика — ночь и туман.

Гранцов вывернул карманы брюк, стянул робу, завернул в нее автомат и пристегнул сверток ремнем к животу. Скинул сапоги и босиком вошел в воду возле причала. Ступни скользнули по ледяному глинистому дну. Вадим оттолкнулся от обросшей сваи и бесшумно поплыл вдоль берега к бревенчатой баньке, которая темным треугольником виднелась в тумане впереди над водой.

Над озером разносились тихие неясные голоса. На берегу за туманом желтело пятно костра, возле которого сидели и переговаривались люди Ежика. Гранцову хотелось подобраться к ним поближе, чтобы подслушать, но сначала надо было навестить Регину.

Он подплыл под наклонный желоб и ухватился за перекладину лесенки. Медленно поднялся к люку. Вода струилась с него с тихим плеском. Внутри парилки было тихо. Он вдруг сообразил, что Регину давно могли перевести отсюда и загнать вместе с остальными заложниками на топливный склад.

Он вытянул финку из ножен и осторожно провел клинком внутри дверной щели, подцепив и подняв крючок. Дверцу он распахнул рывком, чтоб не скрипнула. И тут же услышал голос Регины. Она ахнула шепотом:

— Вадим!

— Как ты догадалась? — шепнул он, забираясь внутрь.
— Кто же еще может сюда прийти...
— Много вас тут?
— Найдется место и для вас, — раздался в темноте приглушенный голос американца. — Добро пожаловать, Вадим Андреевич.

Глава 25. Регина

В парилке было еще тепло, и Гранцов живо стянул липнувшие к ногам брюки, выжал их и разложил на горячей каменке. В темноте он нащупал нижний полок и осторожно присел. Кто-то, вздрогнув, отодвинулся от него:

— Неужели нельзя поосторожнее!

Он узнал раздраженный голос предводительницы, Первой. И сразу же заговорила Восьмая:

— Не надо шуметь. Не надо привлекать внимание.

— Как же я могу сдержаться, когда ко мне принимается мокрый мужлан! — свистящим шепотом возмутилась Первая.

— Можете шуметь, — разрешил Гранцов. — Можете даже петь, вас никто не услышит. Здесь толстые стенки и двери, а часовой сидит на берегу, греется у костра.

— Зачем ты пришел? — спросила Регина откуда-то с верхнего полка.

Не отвечая, он повернулся на голос и вытянул руку, пытаясь найти ее в темноте. Он уже различал белое пятно ее халата. Пальцы коснулись шершавой ткани, и теплая ладонь вдруг накрыла их.

— Я пришел за тобой, — ответил он. — Помнишь, как мы купались в озере? Придется повторить.

— Сумасшедший, — проговорила она, и ему показалось, что она улыбается. — Как давно это было... Нет, я не могу.

— Ты опять за свое? — Он сжал ее пальцы. — Милая, у нас мало времени. Пока темно, можем уйти.

— Подождите, Гранцов, — сказал Второй. — Это реально? Если вы можете бежать, то поторопитесь. Надо что-то делать, пока нас всех не убили.

— Никто нас не убьет, — сказала Восьмая. — Мы нужны им живыми. За наши жизни им заплатят, а за трупы они ничего не получают, так что не волнуйтесь.

— Я бы не волновался. Но пуля мешает. Очень мило. У меня между ребрами засела пуля, а меня просят не волноваться!

— Чем раньше они получают деньги, тем быстрее нас отпустят. Не волнуйтесь, — спокойно повторила Восьмая.

— Ничего они не получают! — сказала Первая. — Я не буду ничего просить у руководства. Никаких переговоров с террористами, это международный принцип. Им нельзя уступать ни в чем. Сегодня они захватили нас, а завтра захватят детский сад. Никаких уступок.

— Зря вы так, — сказала Восьмая. — Если бы сразу позвонили шефу, он уже мог бы что-то предпринять. Собрать деньги, например. Приготовиться к их безопасной передаче. Все это требует времени. А он еще даже ничего не знает. Нет смысла сопротивляться. Надо уступать силе. Особенно, если вы хотите выжить.

— Гранцов, вы хотите выжить? — спросил Второй.

— Нет, — ответил Вадим. — Я хочу жениться. А невеста упирается.

— Не говори глупости, — сказала Регина. — Нашел время для шуток.

— Послушайте, Вадим Андреевич, — слабым голосом проговорил американец. — Любым способом дайте знать милиции. Эти люди, которые нас арестовали, они очень торопятся. Они хотят как можно быстрее отсюда уйти. Если сюда приедет милиция, она сможет их тут задержать. И тогда они оставят нас живыми. А если не будет милиции, то к

вечеру не будет живых никого.

— Я постараюсь, — сказал Гранцов. — Но вы все-таки напрасно так переживаете. Здесь слишком много народу. Полсотни душ, даже больше. Кому нужно столько трупов? Ребята хотят содрать с вас побольше денег, вот и все.

— Миллион, — вмешалась Первая. — Миллион долларов. Интересно, они себе представляют, такую гору наличности? Маразм, полный маразм.

— Вам жалко отдать миллион за жизнь своих людей? — спросила Восьмая.

— Жалко! Представьте себе, душечка, жалко! Я и за собственную жизнь не заплачу им ни цента!

Второй вдруг застонал и выругался по-английски:

— О, щит!

— Вам лучше не шевелиться, — строго сказала Регина. — Поправить вам под головой?

— О нет, спасибо. Я только хотел посмеяться, — горько посетовал Второй. — Она не заплатит ни цента. Так и будет. Не заплатит. Никому не нужны ее центы. Потому что этим людям хорошо заплатят за видео. Это будет сенсация. Институт духовной реабилитации совершает массовое самоубийство. Интересно, что они придумают для нас? Цианид с морковным соком?

— Не надо нагнетать ужасы, — попросила Восьмая.

— Ужасы? О нет, обычная конкуренция.

Вадим вспомнил слова Гошки. Если мир ждет сенсации, она обязательно придет.

Мрачные пророчества американца подействовали на всех угнетающе. Никто не шевелился, и даже дышать все стали тише. Гранцов решил как-то встряхнуть унылую компанию и сказал деловито:

— Давайте обобщим информацию. Что мы имеем? Персонал и пациенты оздоровительного лагеря в труднодоступной местности захвачены группой вооруженных лиц. Требования преступников — миллион долларов США. Срок?

— Полдень, — отозвалась Первая.

— Кому конкретно предъявлено требование?

— Никому, — раздраженно ответила она. — То есть, конечно, мне. Но я не ношу с собой таких денег.

— Разумно, — согласился Гранцов. — Но мне надо максимально четко все обрисовать тем, кто станет заниматься вашим освобождением. Понимаете? Максимально четко. Поэтому давайте сосредоточимся и общими усилиями сформулируем все детали нашей проблемы. Договорились? Итак, кто конкретно должен вынуть деньги из тумбочки и отдать их преступникам? Наверно, какой-нибудь ваш сотрудник, ведающий финансами, так?

— Нет, не так. Это может сделать только Ноль.

— То есть ваш самый главный начальник?

— Да, наш босс, — сказала Первая. — А я должна передать ему это требование. Должна позвонить на его сотовый. Все рассказать и попросить привезти сюда деньги.

— И вы, как я понимаю, отказались?

— Нет. Я не самоубийца. Зачем же дразнить гусей? У босса несколько телефонов. Я просто назвала им тот номер, который выключен по ночам. Теперь эти идиоты будут ждать до утра. Телефон включается в десять.

Гранцов был вынужден признать, что предводительница оказалась хитрее, чем он ожидал. Она не стала спорить с преступниками, не стала обострять отношения. И при этом сумела выиграть время. По крайней мере до десяти ноль-ноль.

— Отлично, — сказал он. — Ваши действия войдут в антитеррористический учебник. Как, на ваш взгляд, настроены преступники? Насколько они агрессивны? Можно ли вести с ними диалог?

— Нет, нельзя. Они нас не слушают. Вот у вас перед глазами наглядный пример их диалога. Человек попытался обратиться к их командиру, и его за это едва не убили. Но я бы не назвала это агрессивностью... — Она замолчала, подыскивая нужные слова. — В них

читается тупое равнодушие. Когда мы видим человека с ножом в руках, это еще не говорит о его агрессивности. Этим ножом он может чистить картошку, например. Понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю. Они спокойны. Словно чистят картошку, да?

— Да. Для них все происходящее — не событие. Не происшествие, а часть обыденного бытия.

По голосу Гранцов понял, что предводительница окончательно успокоилась. Ее размеренная изысканная речь и уверенный голос должны были так же успокаивающе подействовать и на Регину, и на всех, кто еще тут находился. В темноте он не видел лиц, но по разным звукам насчитал в парилке шестерых.

— Как они обращаются с вами? — спросил он. — Кроме одного с огнестрельным ранением, есть еще пострадавшие?

— Нас сразу отделили от остальных, — подал голос американец. — Но я видел, как они били дубинками одного нашего охранника. Видимо, он пытался оказать сопротивление.

— Не Сто Седьмой, случайно? — спросил Вадим.

— Мы не раскрываем статус наших работников перед посторонними, — сухо молвила Первая.

— Не так важно, кого они били, — сказал Гранцов. — Важно, что не убили. То есть преступники не настроены на крайние меры, понимаете? Если их не провоцировать, то никто не пострадает. Давайте так и будем строить наше поведение, договорились? Ведите себя спокойно, естественно. Пытайтесь заговаривать с ними на отвлеченные темы. Никаких конфликтов с преступниками. Ваша задача — спокойно дожить до момента освобождения. Если будет штурм, всем лежать и не шевелиться.

— Если будет? А если не будет? — спросила Восьмая. — Думаете, нас могут освободить и без штурма?

— Конечно. Например, если захватчики получают выкуп раньше, чем база будет блокирована. Тогда они отсюда испарятся, и для вас все будет кончено.

«Да, для вас все кончится, — подумал он, — а для Ежика только начнется. Наверно, он рассчитывает получить из этого миллиона достаточно жирный кусок. Ведь ему придется все начинать заново. Менять документы, менять город, а то и страну. Неужто он рассчитывает отсидеться в Африке, в своем сафари-центре? Зачем он все это затеял? Что его не устраивало в прежней жизни? Только-только начал раскручивать легальное дело, так аппетитно подсчитывал будущие доходы... И вдруг вместо солидного грузоперевозчика стать отмороженным террористом?»

— Для нас все будет кончено... когда нас заставят... выпить морковный сок... с цианидом, — еле слышно выговорил американец. — Поторопитесь, Вадим Андреевич. Имейте в виду, если я умру, вы никогда не получите свои пятьсот долларов компенсации.

Вадим повернулся, пытаясь разглядеть в темноте лицо Регины.

— Регина Казимировна, вы готовы спасти своих пациентов? — спросил он.

— Если смогу...

— Тогда пошли. Снимай халат, — приказал он. — А то тебя издалека будет видно. Пошли, через десять минут ты будешь в безопасном месте.

— А другие? — спросила Регина.

— Они тоже будут в безопасном месте, но немного позже. Пошли, милая, времени не осталось на разговоры.

— Не обижайся. Но я так не могу.

Их пальцы сплелись в темноте, и Регина притянула его руку к своему лицу. Он почувствовал, как она целует его пальцы, и погладила ее скулы, мокрые от слез.

— Ты меня понимаешь? — спросила она.

— Да.

Да, он понимал ее. И ведь почти не надеялся получить от нее иной ответ. Она не бросит больных. И чтобы спасти Регину, ему придется выручать всю эту братию.

Он встал и протянул руку к каменке, нащупывая брюки. Они высохли только в поясе, и он с трудом натянул их.

— Ты уходишь?

— Ненадолго.

Зашуршала ткань халата, белое пятно выросло и приблизилось. Регина спустилась к нему и встала рядом. Ее горячие руки обвили его шею.

— Хорошо в темноте, — прошептала она. — Как в кино. Ты помнишь, как ходил в кино с девушками?

— Не было такого. Я всю жизнь смотрел кино в казарме, вместе с ротой.

— Ты неисправимый солдафон.

— Потому и выражаюсь прямо. Выходи за меня.

— Учти, у меня тяжелый характер.

— У меня тоже. Значит, ты согласна?

— Да.

— Спасибо тебе, — сказал Вадим Гранцов. — Кажется, у меня началась новая жизнь.

«У меня началась новая жизнь, — подумал он, — а у кого-то скоро кончится старая. Ничего не поделаешь, ребята. Вы знали, на что шли».

Он снова пристегнул к себе сверток с автоматом и сел над желобом, свесив ноги в люк.

— Не бойтесь. Постарайтесь выспаться, — сказал он. — Завтра у всех нас будет тяжелый день. То есть не завтра, а уже сегодня.

Глава 26. Реквием для Лисички

У костра на берегу сидели двое. Спрятавшись за перевернутой лодкой, Вадим видел их темные силуэты. Солнце еще не выглянуло из-за леса, и плотные низкие облака пока удерживали над землей ночную синеву. Еще полчаса, и станет светло, и надо успеть вернуться в колодец. Но Гранцову хотелось еще хоть немного разузнать о налетчиках, поэтому он и скрючился за лодкой, дрожа от холода в своей мокрой робе, и подслушивал, кося глазом на светлеющую полосу над черной стеной леса.

— Сначала машину куплю, — говорил один. — «Бомбу» пятой серии. Поеду на ней домой. Там продам, куплю дом. Отремонтирую, продам, куплю квартиру в центре. Буду сдавать, а сам поживу у мамы. У нее трехкомнатная. Потом она умрет, буду сдавать трехкомнатную, а сам перееду в центр. А ты, Тайсон?

— В Анталию поеду. Там по кайфу. Спать пойдешь?

— Неохота. Пятая серия самая крутая, скажи?

— Ну.

— Андрюха говорит, желтая «Феррари» есть в отстойнике. Можно недорого взять. Но я отказался. На «Феррари» по нашим дорогам только и гонять, скажи? Раздолбаешь за неделю, потом хрен кому втюхаешь.

Он еще долго бубнил, ковыряя веткой в костре. Второй сидел, опустив голову на колени, и Гранцов уже решил, что он заснул. Пора уходить. Все равно от этих уроков не услышишь ничего толкового. Но бандит вдруг проговорил, не поднимая головы:

— Вот облом, что эта сучка откинулась. Могли бы подняться. А теперь — отсос.

— Тут, Тайсон, ты неправ. Ни хера подобного. Никакой не отсос. Кассета есть? Есть. Папашка на крючке? На крючке. Ты бы стал дергаться, если б тебе такую кассету под нос сунули? Не стал бы. На пленке она живая, здоровая, голос ее, все в натуре. Сразу бы бабки отдал, без базара. Влад с Проглотом и не такие варианты прокручивали.

Гранцов понял, что они говорят о Лисичке. Вот, значит, для чего ее отделили от остальных. Хотели получить деньги с ее отца-миллионера. Значит, она умерла?

Нет. Ее убили.

Ну, что же, придется изменить тактику, подумал Гранцов. В конце концов, лишняя пара автоматов не помешает.

— Афанасьич вонять будет.
— Если сразу не развонялся, значит, не будет. У него своя тема, у нас своя.
— Он не знает. Еще не сказали. А по утруне, как увидит трупешник, как развоняется...
— Не сказали? Ну и не скажем. Скинуть ее поглубже в озеро, всего-то и делов. Типа убежала.

— Ага. Убежала. — Тайсон сплюнул в костер. — Замочит на месте.
— Это точно... И что, она там и валяется? В бане?
— Ну.
— Голая?
— Вроде да. На нее Липкий полез, а она уже не трепыхается.
Бандит бросил ветку в костер и вытянул шею, оглядываясь.
— Тут такое дело, Тайсон... Пока никто не видит... Пока ее не убрали... Пойдем, пощелкаешь меня с ней.
— Хомут, ты чего? — опешил Тайсон.
— Я тут «мыльницу» нашел у психов, надо пленку дощелкать. Пойдем по-быстрому.
— Ты совсем маньяк или как?
— Для дембельского альбома прикольные фотки будут. Пойдем, Тайсон. Пойдем, пока никто не видит.

— Ну ты даешь, Хомут...
Они оба одновременно поднялись и одинаковым заученным движением повесили автоматы на плечо.

Гранцов пошел за ними, почти не таясь. В предрассветных сумерках его пятнистая роба мало чем отличалась от серых курток бандитов. А свой автомат он держал так же, как они. Отличался он только тем, что шел босиком.

Было и еще одно отличие. Они могли принять его за своего. А он точно знал, что любая тень вокруг — это враг. И мог стрелять без раздумий.

На крыльце генеральской бани сидел на ступеньках налетчик в спортивном костюме. Рядом лежало помповое ружье.

— Сменять меня идете?
— Нет, Липкий. Пускай тебя твоя команда сменяет. А мы — спецназ.
— А мне что? Третий час дежурить? Чего тогда шатаетесь?
— Тебя не спросили, — грубо ответил Тайсон. — Чего сидишь на посту?
«Спортсмен» встал, но тут же с независимым видом прислонился к перилам и сунул руки в карманы.

— Набрал Афанасьич молодежи, ни хера доверить нельзя. Почему дверь открыта?
— Так это... Кого запираешь? — «Спортсмен» заискивающе улыбнулся. — Она уже никуда не денется, верно я говорю, Хомут?
— Тебе я не Хомут, а пан старшина.

Громко стуча тяжелыми ботинками, они поднялись мимо него на крыльцо и скрылись за дверью.

Гранцов неспешно подошел к часовому, и тот проворчал:
— Ну, хоть билеты продавай.
— Не спи, Липкий, замерзнешь. Семечек хочешь? — спросил Вадим, запуская руку под полу куртки.

«Спортсмен» охотно подставил пригоршню. Гранцов быстро обхватил его запястье и дернул на себя. Часовой оступился и удивленно охнул, напоровшись животом на финку. Гранцов зажал его голову под мышкой и еще два раза ударил под ребра. Тело часового безвольно обмякло, и он оттащил его за угол.

В бане послышался смех. За полуоткрытой дверью мелькнули сполохи фотовспышки.
Гранцов быстро вытер клинок о песок, потом о траву, и занял место часового на крыльце. Он стоял, прислонившись к перилам, спиной к дверям. Ему хотелось дожидаться тех двоих. Но светало слишком быстро, и кто-нибудь из проснувшихся бандитов мог заметить

его на крыльце. Поэтому он сам вошел в предбанник и плотно прикрыл за собой тяжелую дверь.

Фонарик лежал на полу, расстелив перед собой на клетчатом линолеуме широкое световое пятно. В темном углу белело вытянутое узкое тело Лисички. Вадим увидел это мельком, краем глаза. Он легонько свистнул, и оба одновременно обернулись.

— Я за вами, — сказал он, направив на них автомат.

Если б они дернулись, он бы их уложил одной очередью. Но парни застыли, словно каменные. Гранцов понял, что они умеют себя вести под прицелом.

— Ну-ка, руки на стенку.

— Ты кто такой, дядя? — спросил разговорчивый Хомут, становясь к стене.

— Ноги шире, — приказал Гранцов. — Еще шире. Правую руку опустить. Оружие сбросить.

Два автомата с лязгом упали на пол.

— Тайсон, жить хочешь? — спросил Гранцов.

— Ну.

— Тогда отвечай быстро и четко. Где Афанасьич?

— В больничке спит.

— Где видеокамера?

— С ним.

— А тот, кто снимал, где?

— Бурый? Не знаю.

— Бурый в канцелярии залег, — торопливо вставил Хомут.

— Вот и ладно, — удовлетворенно произнес Гранцов. — а теперь оба на колени. К стенке вплотную. Руки за спину.

Сначала он хотел завести их в парную — оттуда наружу не вырвется ни звука. Но подумал, что самому же потом придется отскребать доски, и отказался от этой затеи. Не будем усложнять, решил Гранцов и выстрелил в затылок Тайсону. Хомут втянул шею, поднял плечи к ушам и задрожал. «Вот тебе и пятая серия», — вспомнил Гранцов о его планах на будущее. После выстрела Хомут повалился набок, рядом с приятелем. Они все делали одинаково. Видно, долго служили вместе.

Гранцов опустил на колено рядом с телом Лисички. Ладонью оттер кровь с холодной щеки. «Что я еще могу для тебя сделать?» — спросил он. «Укрой меня», — подсказала девушка. Он сдернул с вешалки забытую простыню и бережно покрыл тщедушное тельце. «Прости, что они лежат рядом с тобой, — сказал он ей. — Прости, что ничем не помог тебе раньше. А теперь мне надо идти».

У бандитов не оказалось ни телефонов, ни радики. Зато нашлись гранаты. Была в карманах и тонкая сталистая проволока. Видно, налетчики планировали установку растяжек. У Гранцова просто руки чесались заминировать территорию, пользуясь таким роскошным подарком. Но, во-первых, на растяжках могли подорваться и пленники. А во-вторых, на эту несложную, но кропотливую работу требовалось время, которого у него уже не было.

Как он и ожидал, выстрелы, прозвучавшие внутри бани, не потревожили никого снаружи. Гранцов подобрал еще и автомат из канавы, огляделся и спустился в колодец, заdraив за собой вход. Как только он щелкнул задвижкой, щели между досками крышки вдруг засветились, и он понял, что из-за леса поднялось солнце.

Обратный путь по туннелю показался ему гораздо длиннее, потому что он нес на себе изрядную тяжесть — автоматы и ружье, да еще два подсушка с гранатами, да снаряженные магазины в карманах. Вадим еле-еле смог подняться по скобам колодца, чтобы выбраться в гараж.

Гошка спал в той же позе, в какой Гранцов его оставил. И проснулся быстро, от легкого щелчка по носу.

— Подъем, — шепотом скомандовал Вадим. — Проспался?

— А почему шепотом? — громко спросил Гошка, и сам в ужасе зажал рот ладонью.

Гранцов показал ему кулак, а потом прижал палец к губам. Добросклонов закивал с виноватым видом, кряхтя и усаживаясь на заднем сиденье «ситроена».

— Затекло все тело. Засох организм, мумифицировался, — шепотом ворчал он. — Исккупаться бы сейчас.

— Дома искупаешься. Давай приходи в себя и потихоньку двигай к «Уралу». Водил грузовики?

— Да. В детстве. За веревочку.

Вадим загрузил в кузов пару автоматов и свою двустволку, а остальное оружие оставил в гараже, спрятав на дне ящика с ветошью.

— Как обстановка? — спросил Гошка, неловко забираясь в высокую кабину.

— Все спят. Самое время рвать когти. Ты готов? — Гранцов встал на подножку и поглядел в глаза брату, пытаясь понять, насколько тот протрезвел. — Ладно, сойдет. Слушай боевой приказ. Слушай внимательно, потому что я буду в кузове и подсказывать тебе не смогу.

— Что? Наконец-то я буду что-то делать сам! — Добросклонов воздел руки к небу. — Давай, командор, приказывай.

— Заведешь двигатель. Минуту прогреваешь. Плавно трогаешься с места и самым малым ходом едешь до ворот гаража. Стоишь. Прогоняешь мотор на высоких оборотах. Ровно минуту. Потом выезжаешь из гаража. Ворота сами распахнутся, не бойся. Разгоняешься на второй передаче. Ориентир — караульная вышка. Рядом с ней увидишь рельсы и поваленные ворота. Твоя задача — попасть одним колесом между рельсами. И дальше гнать вперед, пока не упруешься в вагонетку. Там встанешь. И получишь новые инструкции.

— Вышка. Рельсы. Понял. Когда едем?

— Прямо сейчас.

— Можно последний вопрос?

— Давай.

— Ты почему босиком?

Гранцов растерянно опустил взгляд и почесал ступню пяткой.

— Купался.

— Завидую, — протянул Гошка. — Полезай в кузов. Как сказал Гагарин, поехали.

Вадим забрался в кузов и передвинул к заднему борту большие снарядные ящики, на которых обычно сидели пассажиры. Так он застраховался от выстрелов вдогонку. Вкрутил запалы в гранаты и опробовал движение броска, сидя на полу и держась одной рукой за борт. С тревогой поглядел на дуги для тента. Если специально целиться в них, ни за что не попадешь. А вот когда метает гранату... Но снимать дуги было уже поздно, потому что Гошка тронулся.

Добросклонов все сделал правильно. Прогрел, выкатился из гаража и погнал в нужную сторону. Мощный рев грузовика сопровождался громкими выхлопами. Гранцов увидел несколько бегущих фигур. Но бандиты бежали не к машине, а к медсанчасти. «Торопятся будить командира, — подумал Вадим. — Правильно, поднимайте его поскорее. Он мне тоже нужен».

Он держал в прицеле крыльцо, но Ежик там так и не появился. А «Урал» уже набрал приличную скорость, под его колесами пробарабанила бетонка вертолетной площадки, и Гранцов развернулся вперед. Он поднял автомат и дал пару коротких очередей по караульной вышке. Попасть в пулеметчика Вадим не надеялся, достаточно было бы его просто напугать.

Глянув вперед, он выругался и кинулся к кабине. Грузовик летел не в проем ворот, а прямо на вышку. Когда столкновение стало неизбежным, Вадим присел и вцепился в доски борта.

«Урал» с треском проломил одну опору и встал, врезавшись во вторую. Мотор замолчал. От сильного удара ящики у заднего борта подпрыгнули и полетели прямо на

Вадима. Он едва успел их встретить босыми пятками. Над головой что-то затрещало, завывало, закрипело — и караульная вышка с грохотом опрокинулась набок, взметнув облако пыли.

Пару раз провизжал стартер, но двигатель не заводился. Гранцов оттолкнул от себя ящики и встал на ноги. К остановившемуся грузовику со всех сторон сбегались бандиты. «Откуда вас столько взялось?» — удивился Вадим, разбрасывая гранаты влево и вправо. Взрывы звучали как-то вяло и неубедительно. Гранцову хотелось бы сейчас услышать что-то посолиднее, чем эти хлопки. Но даже такая канонада подействовала на преследователей, и они залегли.

Пол под ногами дернулся, заревел мотор, и «Урал» медленно тронулся с места, перевалив через обломки вышки. Он подмял под себя лежащую створку ворот и, наконец, выбрался на шпалы.

— Гони! — заорал Гранцов, хотя брат не мог его услышать.

Он увидел, что бандиты снова бросились в погоню. Их фигурки мелькали в пыли, и Вадим послал над шпалами длинную очередь, опустошив магазин.

Грузовик ехал с заметным креном, левые колеса тарахтели по шпалам, правые стреляли щебенкой на невысокой насыпи. Не прошло и полминуты, как «Урал» замедлил ход и встал, упираясь бампером в вагонетку, застывшую на рельсах.

— Что дальше? — спокойно спросил Добросклонов, высунув голову из кабины.

— Дальше — ножками.

Гранцов прыгнул на насыпь, сжимая АКМ и ружье. Второй автомат был ему не нужен, и он выбросил его в кусты.

— За мной!

Он первым отбежал от машины, углубляясь в лес, но остановился, не слыша за собой шагов брата. А тот, оказывается, еще даже не сошел с подножки.

— Ты где застрял?

— Где-где... В Караганде!

Гошка, наконец, показался из-за грузовика и, хромя, спустился по насыпи.

— Далеко еще идти? — спросил он, болезненно морщась.

— По прямой четыре километра, — ответил Вадим. — В общем, часа за два дойдешь. Видишь рельсы? Вот и шагай вдоль них, только из-за деревьев не высовывайся. Дойдешь до бетонки и по ней свернешь налево. Запомнил? Налево. Через пятьсот метров будет поворот, но ты на него не обращай внимания, а так и шагай, как шел. Дойдешь до колючей проволоки. Подставишь ветку, пролезешь снизу. Запоминаешь?

— Рельсы. Налево. От поворота прямо. Потом ветка, — повторил Добросклонов. — А потом?

— А потом — суп с котом. Потом будешь идти так, чтобы солнце все время было слева. Выйдешь на железную дорогу. По ней пройдешь в том же направлении. Солнце слева... Так, пригнись-ка, — попросил Гранцов и поднял автомат.

Далеко над рельсами мелькнула фигурка, и Вадим потратил на нее три патрона.

— Попал? — спросил Гошка, обернувшись.

— Надеюсь, что нет. Слушай дальше. Солнце с левой стороны, ты идешь по шпалам. Примерно через час выйдешь на станцию. Там шашлычная, называется «Марсель». Там сидят наши, ждут нас. Все им расскажешь. Пусть поднимают на ноги всю ментуру и летят сюда. Все запомнил?

— Ох, ты и зануда, товарищ майор. Запомнил, запомнил.

— Вперед.

— То есть как? А оружие? Я не Брюс Ли, чтоб голыми руками воевать.

— Твоя задача не воевать, а добраться до наших. Потому лишняя тяжесть тебе ни к чему. А воевать-то любой дурак сможет, — сказал Гранцов, загоня патроны в двустолку. — Давай, брат. На тебя одного вся надежда.

— Держись тут, — криво улыбнулся Гошка.

Гранцов посмотрел ему вслед. Брат хромал и волочил ногу, но шел достаточно легко.

Ему предстояло пройти гораздо больше, чем четыре километра. Ровно в два раза больше. «Вот и хорошо, что он хромает, — подумал Вадим. — Будет думать, что путь кажется таким длинным из-за ноги».

— Ну, где вы там? — он нетерпеливо развернулся к сверкающей полосе рельсов. — Заблудились на прямой?

Словно в ответ, вдалеке послышались голоса преследователей. Гранцов выстрелил в их сторону из ружья, и сразу же добавил из автомата. А потом ринулся в лес, ломая на пути все ветки, до которых только успевал дотянуться на ходу.

Глава 27. Играем в прятки

Гранцову повезло с самого начала погони, потому что он расслышал крик одного из преследователей: «Проглот, забирай вправо! Они на болото уходят!» После этого со стороны бандитов не доносилось никаких звуков, если не считать хруста веток и пересвиста.

Они даже ни разу не выстрелили в ответ на пальбу Гранцова. И сколько он не вглядывался в сумрак леса, ему не удалось заметить ничего, кроме мелькания неясных теней. Но Вадим только радовался этому. За ним гнались серьезные ребята, которые не отстанут и не успокоятся, пока не получат результат. Их можно водить достаточно долго, а если повезет, то и положить их всех в лесу. Тогда на базе останутся одни лопухи, и освобождать заложников будет легче. Но самое главное — они гнались не за одним, а за двумя. Значит, Гошка дойдет до наших.

Кроме того, услышав о болоте, Гранцов сообразил, что и в самом деле лучше уходить именно туда.

Он дождался очередной тени, мелькнувшей от дерева к дереву, выпустил в ее сторону последний патрон из двустволки и спрятал ружье под замшелой корягой. Огляделся, запоминая место, и подумал, что без труда найдет его по собственным следам.

До сих пор он углублялся в лес, стараясь не оторваться от противника. Теперь же, когда загонщики вцепились в него мертвой хваткой, не было нужды облегчать им поиск. И дальше Гранцов двинулся совершенно бесшумно, огибая кусты и не касаясь свисающих веток. Его босые ступни мягко отталкивались от лесного настила, Вадим скользил по сумрачному лесу без топота и шороха, и только чужой автомат за спиной брнчал неплотно сидящим магазином.

Когда под ногами появилась трава, Гранцов понял, что добежал до границы болота. Впереди за деревьями плотной голубой стеной стоял туман.

«Плохо, — подумал Вадим. — Увидев такой туман, они остановятся. Прочесывать бесполезно, догонять опасно. Остановятся и повернут обратно, пока помнят дорогу».

Но их нельзя отпустить просто так. Он залег за кочкой под ивой, изготовившись к стрельбе. У него два магазина. Полчаса хорошей войны. Но можно растянуть и на час хорошей перестрелки. А дальше? Взойдет солнце, туман поредеет, и можно будет продолжить игру в прятки на болоте.

Он дождался треска шагов и закричал отчаянно, с надрывом:

— Уходи, уходи, оставь меня, говорю! Уходи на озеро, я их задержу!

Справа раздался уже знакомый посвист, и Гранцов разглядел силуэт, пригнувшийся между двумя березками. На этот раз он позволил себе прицелиться. И выстрелил в тот момент, когда бандит начал распрямляться. В ответ с трех сторон защелкали автоматы, и на Гранцова посыпались срубленные ветки и листья.

Он отвечал по вспышкам, после каждого выстрела перекатываясь в сторону. Противники тоже перемещались, но он все-таки сумел их пересчитать. По крайней мере вели огонь шесть стволов.

Пули плюхались в лужи и громко били по толстым стволам старых ив, склонившихся над краем болота. Гранцов понимал, что противник бьет наугад, но и шальной рикошет может дать результат.

Он отстреливался до тех пор, пока не заметил, что они уже взяли его в полукольцо. Пришло время маневра.

Откатившись за кочку, он вставил последний магазин и отполз назад. Пальцы ног вдруг провалились в вязкую лужу.

Пора. Другого шанса не будет.

Он привстал, не разгибаясь, и попятился, бесшумно погружая ноги в холодный вязкий торф. Плотный туман сомкнулся вокруг. Гранцов знал, что если выпрямиться, то можно будет разглядеть верхушки ив на болоте. Но пока ему не хотелось выставлять голову из тумана. Скрючившись, он высоко поднимал колени, с трудом выдергивая ногу и снова опуская ступню носком вниз.

«Когда туман растает, болото напугает вас, ребята, одним своим видом», — подумал Гранцов. Ржавые лужи, кривые стволы, пучки осоки над кочками. Просто пейзаж из фильма ужасов. В кино такие болота поглотили не меньше народу, чем акулы. На самом же деле торфяник вполне безобиден. Если, конечно, не шагнуть в яму. Надо просто знать, куда ставить ногу.

Гранцов это знал, и удалялся от преследователей, которые все чаще пересвистывались за спиной. Их ботинки наверняка уже потяжелели от налипшей грязи, а сбросить обувь ребята не догадуются. Вадим вспомнил, как в учебном отряде старый партизан учил стряхивать сапоги одним движением перед тем, как бежать по грязи. Вот и пригодилась партизанская наука, порадовался майор Гранцов. Он даже похвалил себя за догадливость, хотя на самом деле просто забыл свои сапоги где-то у входа в колодец. Так теперь и придется воевать босиком до победы.

Судя по треску, который раздавался позади, преследователи решили обзавестись палками, чтобы прощупывать болото перед собой. На обламывание деревца нужно не меньше минуты, а это — лишние пятьдесят шагов дистанции. Да и шагать с щупом в руках, хоть и безопаснее, да труднее. Отстае, отстае, ребята, с веселой злостью думал Гранцов.

Он чувствовал себя молодым, могучим и неуязвимым. На этом болоте он знал каждый кустик, и каждое дерево в этом лесу было готово укрыть его от вражеских пуль. А враги брели где-то сзади, отставая все больше, и свистели друг другу все чаще, чтобы не потеряться в тумане.

Вадима тревожило, что иногда свист раздавался не сзади, а справа. Кто-то из бандитов двигался почти с такой же скоростью, как и Гранцов. Наверно, он выдвинулся вперед раньше, во время перестрелки, выполняя охват с фланга. И теперь заходил на него — весьма грамотно, с неудобной для Гранцова стороны. Влево-то стрелять сподручнее...

Выдрав ногу из грязи, Вадим застыл, как цапля, ухватившись за чахлое деревце. Где-то рядом прочавкали осторожные шаги по болоту.

Туман был такой густой, что уже в двадцати метрах нельзя было разглядеть ничего, и только выше человеческого роста проглядывали округлые макушки.

Гранцов медленно погрузил ногу в расступившийся торф и опустил на колено, подняв автомат к плечу. Шаги раздавались прямо перед ним, и он навел ствол по звуку.

Сзади засвистели как-то по-новому, протяжно. А потом послышался гомон и истошный крик. «Провалился», — подумал Вадим, глядя поверх мушки. Он уже не сомневался, что где-то впереди стоит, скрытый туманом, один из преследователей, и точно так же смотрит вперед поверх своего ствола.

И вдруг прямо над головой зашелестели листья, закрипели ветки, раскачиваясь под первым порывом утреннего ветра. Макушки деревьев словно начали подниматься из тумана. Белесые клочья за клубились перед глазами, и за ними Гранцов увидел неподвижную фигуру с нацеленным на него автоматом. Он плавно нажал на спуск, и в это же мгновение ствол противника сверкнул яркой вспышкой. Два выстрела слились в один.

Автомат рвануло из рук, и ствольная коробка больно врезалась в скулу. От удара Гранцов потерял равновесие и осел на бок, навалившись на застонавшее деревце. Он снова нажал на спуск, но автомат молчал. Вадим упал за дерево, дергая непослушный затвор, но

пальцы нащупали искореженный металл.

Впереди что-то с шумом и плеском повалилось в воду. Гранцов отбросил поврежденный автомат и выхватил финку. Но не вскочил, а остался лежать неподвижно, с вывернутыми ногами и неестественно изогнутой левой рукой. Он даже прохрипел и подергался, изображая агонию. Гранцов надеялся, что противник подойдет ближе. Но тот не двигался.

Далеко позади перекрикивались отставшие бандиты. Их голоса становились громче и яснее. Гранцов осторожно приподнял голову. Туман растаял под ветром, словно его и не было. В десяти шагах впереди посреди лужи лежал убитый. Только убитый может так долго и так неподвижно лежать лицом в воде.

Вадим подбежал к нему и потянул за оружейный ремень, видневшийся из-под труп. Ржавая лужа была уже ярко-красной там, где над водой возвышался бритый затылок, и кровь расплывалась, клубясь в воде. Ему пришлось поднять тяжелое тело за ворот, чтобы освободить приклад. Оказалось, бандит стрелял не из автомата, а из «сайги». Но все же исправное ружье лучше, чем загубленный АКМ.

Гранцов добрался до края болота и повалился на траву. В ушах стоял такой звон, что ему не было слышно собственного дыхания. Не слышал он и голосов, но зато успел увидеть своих врагов. От тумана остались только редкие длинные нити, зацепившиеся за кусты над кочками, и все силуэты были видны четко, как на стрельбище.

От такого подарка не отказываются. Но магазин «сайги» оказался пуст. И Вадиму оставалось только смотреть, как четверо уцелевших бандитов расползаются по лужам в разные стороны.

Он подвесил «сайгу» на ветку березы так, чтоб ружье было заметно издалека. «Какой-никакой, а ориентир, — подумал он. — Сюда все равно придется возвращаться за покойником, тогда и ружьецо прихватим».

Теперь он двигался налегке, и никто его не догонял.

«Пора возвращаться, — думал он, поглядывая на часы. — Гошка уже вышел на железную дорогу. Через час будет у Марселя. Через два, ну, через три часа сюда примчится Железняк с нарядом. Надеюсь, они догадаются вызвать поддержку».

Что-то мешало ему моргать. Он протер глаз, и кулак наткнулся на липкий сгусток. Кровь. Ощупав лоб, он выругался от неожиданной боли и увидел кровь на ладони. Встал на колени над чистой лужицей, чтобы разглядеть свое отражение в обрамлении изумрудной ряски. Вся левая половина лица была в кровавых потеках.

Только теперь он понял, что случилось. Пуля, выпущенная в него, угодила в автомат и, наверно, срикошетила по лбу. Но лоб майора Гранцова оказался слишком крепким. Такие лбы пуля не берет. Такими лбами... Он так и не придумал продолжение шутки, потому что стало не до шуток. В ушах уже не просто звенело — стоял колокольный звон. Вадим сообразил, что так отдается его собственный пульс.

Наклонившись над лужицей, он опустил в нее разгоряченное лицо. Его бы не удивило, если б вода при этом зашипела.

Когда он открыл глаза, ему показалось, что прошло несколько секунд. Но над головой уже всюю перекликались птицы, и солнечные лучи косыми клинками пронизывали зеленую глубину леса.

«Надо же так отключиться», — обругал себя Гранцов, неуверенно поднимаясь на ноги. Все лицо оказалось залеплено ряской и прелыми листьями. Но колокольный звон в ушах прекратился, и кровь в глаза больше не натекала.

Он сориентировался по солнцу и через полчаса уже подобрался к ограждению внутреннего периметра. Перекусил проволоку универсальным ножом и, скрываясь за высокими кустами, пополз к неприметному холмику с деревянной дверцей.

Ему пришлось поддеть петли и выворотить их из подгнившего косяка, чтобы вскрыть ход и попасть внутрь колодца. «Могут заметить, что дверца оторвана. Ну и пусть», — подумал он равнодушно. Горячка боя прошла, и ее сменила тупая апатия. Он брел в темноте,

обеими руками ощупывая стены. «Крепко же меня садануло по башке. Будем считать контузией. Частичная потеря слуха. И полная потеря интеллекта. Ничего не соображаю — куда ведет этот проход? Хорошо бы — в гараж. Нет, скорее всего, к бункеры. Сколько у них осталось бойцов? Четверых потеряли за ночь, троих в лесу. Или двоих? Сбился со счета. А было их сколько? Да какая разница... Все здесь и останутся».

Удушливый сернистый запах становился все резче, и Гранцов понял, что приближается к бункеру.

Он шагнул, зажимая нос влажным рукавом.

Босая ступня вдруг зацепилась за что-то.словно тупое лезвие полоснуло по коже. Прозвучал почти неслышный металлический щелчок.

Растяжка!

Он кинулся вперед, снова врезался в выступ стены, свернул в поворот и успел сделать еще несколько прыжков, прежде чем прижаться к полу, и за спиной, наконец, через бесконечные четыре секунды, взорвалась граната.

Оглохший и ослепший, Вадим едва смог подняться на четвереньки и, шатаясь, отползал все дальше и дальше. «Как они узнали про переходы? — подумал Гранцов. И сам себе ответил: — Залезли в бункер, стали соваться во все двери. Думают, мы где-то под землей прячемся. Значит, майор, ищи вторую растяжку. Их тут много должно быть».

За первым же поворотом он наткнулся на леску, натянутую так же низко, от силового кабеля к проводу сигнализации. Осторожно ведя пальцами вдоль лески, Гранцов нащупал гладкий выпуклый корпус РГД.⁸ «Жалко, что не лимонку подвесили. Но и такая хлопушка в хозяйстве сгодится», — рассуждал он, аккуратно перекусывая леску и отдирая скотч, которым граната была примотана к кабелю.

В туннеле слышались голоса:

— Видать?

— Пока нет.

— Да вот он лежит!

— Пусто!

— Может, типа крыса подорвалась?

Вадим разглядел за выступом поворота мелькание света фонариков. Ему жалко было расставаться с только что найденной гранатой, но ситуация того требовала.

Он осторожно вытянул кольцо чеки и разжал рычаг. «Раз и два...» На счет три катнул гранату за поворот и крепко зажал уши.

Горячая волна хлестнула по лицу и рукам. Еще звенели, подсакивая в туннеле, осколки, а Гранцов уже бежал к бункеру, переступив через тела. Он подхватил с пола горящий фонарик и остановился на секунду, пытаясь найти оружие, но ничего не увидел, кроме закопченных оскаленных лиц и блестящих потеков на стенах. Вперед, вперед!

Ход привел его к бункеру. Вадим успел заметить разбитые мониторы и разбросанные консервы на полу. Со стороны выхода слышались крики и торопливые шаги, поэтому он, не задерживаясь, кинулся в боковой ход, закрыл за собой люк и опустил запирающий стержень. Теперь он мог не опасаться погони.

В бункере уже гремела ругань, но Гранцов не стал прислушиваться. Обидно, что не удалось разжиться хотя бы ружьем. Но, может быть, где-нибудь попадется еще одна растяжка? Его не взяла ни пуля, ни граната. Может быть, полоса удач еще не кончилась?

Впереди показалось светлое пятно на стене. Вытяжка. Он уперся спиной в одну стену, а ногами в другую, и так, распоркой, поднялся к решетке, чтобы оглядеться через нее.

Первое, что увидел Гранцов, заставило его забыть обо всех своих удачах. Двери в бревенчатой бане, где он оставил Регину, были распахнуты настежь. Там уже никого не держали.

⁸ РГД-5 — ручная граната

В ярости он ударил кулаком по стене.

Что он мог сделать сейчас? Без оружия. Один. Только ждать. Куда бы бандиты ни перевели заложников, они с ними ничего не сделают. По крайней мере, до окончания переговоров с боссом. А к тому времени на базу уже прибудет Железняк с компанией, и все переменится. Значит, надо набраться терпения и ждать.

Ждать? Спрятаться в темном безопасном подземелье, оставив Регину в руках отморозков?

Вадим вспомнил, что припрятал оружие в гараже. Нет, пока он здесь, у них не будет ни одной спокойной минуты.

Он постарался повернуться и, сколько мог, вывернул шею, пытаясь рассмотреть подходы к гаражу. Но гаража отсюда не было видно. Зато он увидел, что несколько бандитов подгоняют прикладами пару мужчин в сторону склада ГСМ. Фигуры пленников показались ему знакомыми. Когда они остановились у ворот склада и ненадолго развернулись в сторону Гранцова, он их узнал.

Первым в ангар склада затолкали пожилого опера, который допрашивал Гранцова в жилконторе. А вслед за ним высокий порог перешагнул капитан Железняк.

Калитка захлопнулась за ними, и бандиты загнали в проушины ломик, заперев заложников на складе.

Глава 28. Пленных не брать

Никому ничего нельзя доверять. Все надо делать самому. Вадим старался не думать о Гошке, потому что сам был во всем виноват. Отправил за помощью хромого, к тому же городского и штатского. Хорошо, если не заблудился. Хорошо, если они только разминутся. Хорошо, если Гошку не подстрелили по дороге.

Как Железняк оказался здесь, и почему с ним опер? Гранцов отбросил вопросы. Сейчас это не имело никакого значения. Имело значение только одно: теперь ему не надо ждать помощи. Все придется делать самому.

Почему Гранцов бросился именно в этот ход? Ведь он мог шагнуть в любую из четырех дверей бункера. Например, в тк, которая привела бы его в гараж, и там бы он достал припрятанное оружие, и мог бы держать круговую оборону... «Хватит ныть, — приказал себе Гранцов. — Была бы голова цела, а оружие мы раздобудем».

Ход привел его в кладовку медсанчасти. Подобравшись к люку, Вадим с замиранием сердца услышал где-то наверху голос Ежика.

— Обшарьте все дырки! — кричал тот. — Все дырки гранатами забросать! Шмаляйте во все, что шевелится! Пока не принесете мне его башку, отсюда не уйдете! Ну что вылупились?! Выполняйте!

Загремели подкованные каблуки. Когда шаги затихли, голос Ежика прозвучал уже по-иному:

— вот отморозки, ничего доверять нельзя. Никому ничего нельзя доверять. Все самому делать надо. Ну да ладно, не суть. Мамаша, не пора ли побеспокоить вашего обожаемого шефа?

— Звоните, — послышался голос Первой. — Номер вам известен.

— Сама звони.

— Я вас умоляю, — раздался голос Восьмой. — Не тяните время, не затягивайте наших мучений!

«Все в сборе, — подумал Гранцов. — Хоть бы и Регина была с ними...»

Голоса стали звучать глухо и неразборчиво. Наверно, они закрылись в какой-то из комнат, решил Вадим и приподнял крышку люка.

В просвет посыпались осколки стекла, и он едва успел подставить ладони, чтобы они не зазвенели, упав на дно колодца. Он вспомнил, что когда был здесь в прошлый раз, на люк обрушился медицинский шкаф.

Отодвигая крышку, Гранцов подбирал падающие на него пузырьки и осколки и складывал их в карманы робы. Наконец, люк был открыт, и ему оставалось только сдвинуть шкаф, чтобы выбраться наружу. Но он не спешил, прислушиваясь к звукам над головой.

Да, в прошлый раз он нырнул в этот люк, уводя с собой Гошку. Тогда ему удалось справиться с сектантами. Тогда они были его врагами, а сегодня он занимается их спасением.

«Скажите спасибо Регине, — подумал Вадим. — Если б ее не было с вами, я бы и пальцем не шевельнул».

Он отодвинул шкаф и встал с финкой наготове возле наполовину покрашенной стеклянной двери.

Как только Ежик появится в коридоре, он будет захвачен. Финка вопьется ему в горло, но не перережет его, а только напомнит о брэнности тела. Ежик станет хорошим, ценным заложником. Но вот вопрос? Насколько ценят бандиты жизнь своего главаря? Станут ли они выполнять его команды, отданные под угрозой?

«Как бы я поступил на их месте? — подумал Вадим. — Если бы моего командира захватил человек с ножом? Я бы стрелял. И они будут стрелять. Риск? Какой там риск. Ежиком больше, ежиком меньше... Да, этих ребят на эмоциях не сделать. Только силой».

Он пожалел, что так бездарно потратил ночь. Пока темно, можно было вырезать всех часовых. А потом поджечь медсанчасть, где залег Ежик, и расстреливать выбегающих из горящего здания. Война так война.

«В следующий раз так и сделаю», — сказал себе Вадим.

Он подобрал с пола зеркальце на длинной хромированной ручке и поднял его над головой, к некрашеной полосе стекла. Перископ получился не самый лучший, но все же Гранцов смог разглядеть коридор. Он увидел на полу носилки, на которых лежал человек под серым одеялом. Рядом с ним полулежала, опираясь на стенку, Регина в своем белом халате. А напротив них, у другой стенки, сидел на корточках бандит в черной косынке и лужгал семечки.

Снова послышался крик Ежика, приглушенный закрытой дверью.

— Думаешь, я шутки буду шутить? Ты будешь говорить, или нет?

Ответа не было слышно. Через пару секунд ударил выстрел, и пронзительно вскрикнула женщина. Еще выстрел, и еще. Женщина вскрикивала каждый раз все громче.

— Заткнись! — заорал Ежик, и дверь распахнулась.

Гранцов отступил к простенку.

— Султан! Позови своих! — приказал Ежик. — Так, мистер, теперь твоя очередь. Алё, Але! Да-да, мы на связи!

Вадим не выдержал и снова приподнял зеркальце. Ежик расхаживал по коридору, с пистолетом и мобильником.

С шумом ввалились несколько бандитов, и Ежик погрозил им:

— Тихо вы там! Да, я слушаю. Ага, это хорошо, что вы в курсе. Тут с вами хотела побазарить одна девушка, но у нее проблемы с речью. Заикается девушка. Хотите послушать своего заместителя? Вот он здесь, просто вырывает у меня трубку. Соединяю!

Он наклонился над американцем на носилках, передал ему телефон и приставил ствол к голове:

— По-русски говорить, сука!

Американец говорил так тихо, что Гранцову почти ничего не было слышно:

— У нас нет... Нет выбора. Передайте деньги с Третьим. Он знает, что делать. Это входит в его обязанности. Пока у нас все в порядке...

Ежик вырвал мобильник из его слабой руки и принялся распоряжаться:

— Слышал, господин Нулевой? Все слышал? Просек тему? Гони бабло, и получишь своих уродов живыми. Кассету? Само собой, получишь оригинал, само собой. А теперь отдай свою трубу тому уроду, который повезет нам чемодан с бабками. Я ему перезвоню через час. Чао, бамбино!

Коридор наполнился возбужденным гомоном. Гранцов быстро схватил с пола длинные

узкие ножницы и снова прижался к стене. Теперь у него были вооружены обе руки, и он спокойно ждал, когда в эту кладовую кто-нибудь заглянет. Бандиты ликующе матерились, пока, наконец, сам Афанасьич их не успокоил, выстрелив в потолок.

— Кончай базар! Этого дохляка и санитарку тащите на склад, к остальным. Нет, давай их сразу в баню. Потом психов построить в колонну по два, мужикам дать канистры и гнать в баню. Двери досками забьете. Но без команды не поджигать. Султан, под твою ответственность, просек?

— Так точно.

— Косой, заводи ихнюю «паджеру», едем на трассу за бабками. Влад, менты за тобой, понял? Утюг, поможешь Владу. Автомат потом выброси недалеко. Андрюха, остальные на тебе! Встречаемся, как договорились! Все, разлетаемся!

— Куда? — спросила Восьмая. — Без меня? Подождите, я соберу вещи.

— Собери, милая, собери, — весело сказал Ежик и выстрелил.

Снова женский визг. Громко ударила захлопнувшаяся дверь, загремела мебель.

— Добейте ее кто-нибудь, — попросил Ежик. — А то я тут с вами второй магазин кончаю.

— Может, и этих тут кончить?

— Нет. Я сказал, в баню, значит, в баню!

Они зашаркали по полу, завозившись вокруг носилок, и Гранцов услышал голос Регины:

— Пожалуйста, осторожнее.

Шаги затихли, и никто так и не заглянул в кладовку, где затаился Вадим.

Он вытер холодный взмокший лоб и выглянул в коридор. Из-за закрытой двери доносились сдавленные рыдания, и Гранцов вошел в кабинет.

Когда-то здесь размещался класс медподготовки. Сейчас столы и стулья были в беспорядке сдвинуты к стенкам, а на полу лежали несколько матрасов.

Восьмая стояла на коленях над телом Первой и носовым платком вытирала ее окровавленное лицо.

— Зачем... зачем... — повторяла она, качая головой.

Увидев Гранцова, она застыла и хотела что-то сказать, но он приложил палец к губам и прижался к стене рядом с дверью. В коридоре громко застучали каблуки.

Бандит пинком распахнул дверь и заглянул в кабинет.

— Так ты даже не раненая! — сказал он. — Эй, барышня, не бойся! Договоримся по-хорошему!

Он осторожно двинулся к ней. От него изрядно несло перегаром. Восьмая заметалась, сдвигая столы и стулья.

— Да не дергайся ты, — мягко сказал бандит, наводя на нее автомат. — Я же прошу по-хорошему. Здесь никого нет. Раздевайся.

— Зачем?

— Фокус покажу, — засмеялся бандит, положив оружие на пол и торопливо расстегивая куртку. — Ну что ты телишься, раздевайся, тебе сказано. А то убью.

Восьмая стянула джинсы и перешагнула через них, отступая к стене. Бандит скинул куртку. Широко расставив руки и посмеиваясь, он надвигался на побледневшую от страха женщину.

— Майку-то подняла бы, — облизываясь, сказал бандит. — Ух ты, какие сиськи. Есть за что ухватиться.

Гранцов наблюдал за ними из-за двери. Как только бандит схватил Восьмую за грудь, Вадим поднял с пола автомат. Он громко щелкнул предохранителем и передернул затвор. От этих звуков бандит так и застыл рядом с раздетой женщиной.

— Шаг назад, — тихо, но внятно скомандовал Гранцов. — На колени. Руки на голову.

Бандит поспешно выполнил команды, а Восьмая, оцепенев от ужаса, забилась в угол, прикрывая грудь скрещенными руками.

Вадим ударил пяткой в спину, и бандит повалился ничком, сцепив руки на затылке.

— Сколько ваших осталось на базе? — спросил Гранцов.

— Наших четыре человека, остальные залетные. Босс, это ты, что ли?

— Сколько их?

— Ну, трое брянских... Потом Косой, Влад, Проглот, кто там еще... И двое спецов. Ага, два спеца осталось. Остальные... Это ты их завалил, Босс? Ну и правильно сделал.

— Что за спецы?

— Служили в спецназе, говорят. Мы их так и зовем, спецы.

«Не в том спецназе они служили, — подумал Гранцов. — Если он вспомнил всех, то выходит двенадцать штыков. Уже веселее».

— Что приказал Ежик?

— Добить эту сучку.

— Что еще приказал Ежик?

— Босс, ты что? Это же я, Андрюха! Своих не узнаешь?

— Что еще приказал Ежик? — повторил Гранцов и, наклонившись, приставил ствол под лопатку.

— Всех запереть в бане.

— А потом?

— Потом это... Ну, по команде... Поджечь со всех сторон. Только я на это не подписывался. Слышишь, Босс? Я не подписывался!

Бандит рванулся и попытался вывернуться, но Гранцов придавил его автоматом и нажал на спусковой крючок.

Восьмая закрыла лицо кулаками.

— Не убивайте меня. Я ни в чем не виновата.

— Никто не виноват, — сказал Гранцов.

— Я вам не верю! Вы меня убьете! Вы давно следите за мной, с первого часа я это чувствую! Вы все про меня знаете!

— Спрячьтесь куда-нибудь, — сказал он равнодушно, сдувая с мушки грязь.

Гранцов надел камуфляжную куртку убитого бандита. В одном кармане был полный магазин, из другого торчала маска. Он отряхнул и натянул ее. Снял с убитого резиновые сапоги. Надевать чужую, еще теплую, обувь было противно до тошноты.

Зато автомат был что надо. Старый АКМ. Гранцов не поленился разрядить и снова набить рожок патронами, которых оказалось двадцать пять.

Машинально посмотрел на часы. Десять сорок две. Значит, Ежик уехал в десять сорок. На трассу. Вчера он говорил про финское кладбище. Там он будет через час. Если взять «ситроен», его можно будет догнать по просеке. Надо поторопиться. Надо все сделать быстро и аккуратно. Сколько уехало с Ежиком? Как минимум двое. Остается девять. Минус один. Итак, один против восьми? Но ход мой, значит, шансы примерно равны. Быстро и аккуратно.

Трое бандитов спорили о чем-то, прохаживаясь вдоль лежащих на траве охранников. Двое были с короткими ружьями, а третий перекладывал из руки в руку пистолет.

— У тебя же ментовский «макар». Отстреляем, а ствол оставим. Для прикола. Пусть потом «товарищи» попотеют мозгами.

— Да не мудри, Влад, чего тут мудрить?

— Ну не могу я так просто взять и шлепнуть, неинтересно мне это. Давай, начинай с крайнего.

— Сам начинай. Я тоже не могу.

— Это ж менты! — Бандит пихнул ногой лежащего охранника. — Что, сучара, задумался о жизни? Думал, что самый крутой? Фотку в деревню послал, когда форму надел, а? Думал, всю жизнь будешь бабки выколачивать из безоружных трудящихся? А? Разве тебя, сучару, не учили, что бывают ребята и покруче?

— А вон Андрюха идет, — сказал бандит, поворачиваясь к Гранцову, который

спокойно, вразвалочку приближался к ним, держа АКМ на плече. — Что так долго? Мы без тебя не начинали.

Когда до них осталось метров пятнадцать, Вадим Гранцов вскинул автомат.

Тот, которого называли Владом, оказался самым везучим — первая пуля пробила грудь, вторая расколола голову. Двое других кинулись бежать, но столкнулись и получили по пуле в живот. Когда Гранцов наклонился над ними, чтобы поднять пистолет, они еще хрипели и сучили ногами, и поверх серого камуфляжа пузырилась лиловая пена. «Эти-то, может быть, и выживут, — подумал Вадим. — Если ими сейчас кто-то займется. Только — кто? Кому вы нужны? Нет, парни, сегодня вам не повезло. Был тут у нас один специалист по возрождению, да и того вы убили. Так что ничего не поделаешь. А добивать вас некогда, да и патрона жалко».

Один из связанных охранников поднял голову, но, увидев Гранцова в маске, снова уронил ее на траву.

— Лежать и не двигаться, — приказал им Вадим.

Он увидел, что бандиты, перегонявшие пленников из склада к бане, остановились. Они явно слышали стрельбу, но не видели ее результатов. Пленники тоже остановились, сбившись в кучу. Некоторые из них несли тяжелые канистры, остальные были связаны.

Гранцов спокойно заходил вправо, чтобы пленники не попали в сектор обстрела, а бандиты настороженно смотрели на него. Один был с автоматом, другой с пистолетом.

Он уже вышел на удобную позицию, как вдруг один из пленников накинута сзади на бандита с автоматом. «Не выдержал Сто Седьмой, — подумал Гранцов. — Пропадет полковник». Они повалились на землю. Второй бандит принялся их растаскивать.

Остальные сектанты равнодушно стояли на месте.

Гранцов увидел, что со стороны бани к дерущимся бегут еще трое, с такими же короткими ружьями. Он опустился на колено и парой выстрелов заставил их лечь. Двое тут же откатились в сторону и ответили ему выстрелами — пули звучно ударили по стенке штаба. Третий остался неподвижен.

«А ведь автомат-то отменный, — подумал Гранцов. — Пристрелян мастерски. И рукоятка деревянная, не потеет. С таким автоматом мы еще повоюем. Патронов бы найти еще хоть десяток». Он вставил новый магазин и отбежал еще правее. Упал в дренажную канаву и пополз по ней назад. Он услышал еще три басовитых ружейных выстрела. «Конец Сто Седьмому», — подумал Гранцов.

Когда он приподнял голову, все пленники лежали на земле, а бандиты стояли над ними и пинали ногами. «Вставай! Встать!» — орали бандиты, но пленники не поднимались. До них было метров сорок. Удобно лежа на кромке канавы, как на бруствере, Гранцов плотно оперся на локти и, тщательно прицелившись, завалил одного. Остальные успели залечь за пленников. Но он уже знал, как их достать.

На охоте, выцеливая лося, он иногда мысленно становился на его место и оглядывался — не видно ли опасности? Так и сейчас. Он видел поле боя как бы со стороны. Сначала со стороны бандитов, потом немного сверху — там две неподвижные фигурки, там три, вот трое расползаются в стороны, и вот этой фигурке не мешало бы найти укрытие, не то ей грозит перекрестный огонь.

Пригибаясь, он перебежал за штаб. И тут он услышал знакомый и страшный звук. Это был слитный треск пулемета. Песок закипел впереди, и зашелестел воздух. Гранцов успел упасть за угол штаба. Пулемет продолжал бить. Гранцов раздвинул траву и увидел, как в черном проеме окна на крыше дровяного сарая мелькают бледные вспышки.

Пулемет замолчал. В наступившей тишине перекикивались бандиты: судя по голосам, их было трое. Гранцов торопливо отстегнул магазин, вынул и снова вставил верхний патрон, чтобы не было перекоса — он панически боялся, что автомат откажет. Ведь это был чужой автомат.

«Не выдержал, все-таки дернулся, — подумал он о Сто Седьмом. — Так. Пленных не брать».

Остаются еще два союзника — Железняк и опер. Эти-то должны сорваться под шумок.

Он привстал и с колена выпустил очередь, чтобы прижать бандитов к земле. Пленников уже не было видно, они расползались в разные стороны.

В штабе слышались торопливые шаги, снова ударил пулемет, и защелкали, зазвенели разбитые стекла, а в ответ раздалась отборнейшая матерщина. Так мог ругаться только Железняк.

— Пригибаться надо, пехота! — крикнул Гранцов. — Ты чего тут делаешь?

— Гуляю! Вот уроды! В три коня перемать!

Ответ Железняка состоял в основном из мата. Суть же была такова. Когда он позвонил в убойный отдел, его тут же соединили с нужными людьми, которые сами искали серую «Ниву». Оказывается, ее видели под окнами жилконторы в ночь убийства сторожа. Железняк рассказал им некоторые подробности и сослался на свидетеля Гранцова. Нетрудно догадаться, как обрадовалась следственная бригада. Старший опер Петренко и Железняк отправились допрашивать Гранцова. Они успели только выйти из машины, когда на них наставили автоматы, отняли оружие и удостоверения, слегка подбили и загнали к заложникам.

— Гранцов, это точно вы? — спросил опер Петренко.

— Да он это, он, — подтвердил Железняк. — Короче, Димыч, что тут творится?

— Гранцов, в прошлый раз мы с вами не закончили, — напомнил опер. — Вы что думали, мы вас не найдем? Мы вас везде найдем. Так вот, что вам известно про этот нож?

— Какой, к черту, нож? Железняк! Держи свой «Макар»! — Гранцов высунулся из-за угла и забросил пистолет в разбитое окно. — Последи за крыльцом, чтобы с гранатами не подкрались!

— Ясно! — ответил Железняк. — Мы народ уложили по ямкам, по кустикам! Сейчас телефон наладим, вся толпа сюда слетится. Тьфу, черт, ты что мне дал? Это же не мой ствол!

— Это вообще-то мой пистолет, — послышался голос опера Петренко, — но я не претендую... Гранцов, вы еще там? Вы можете говорить?

— Да, — сказал Гранцов, прикидывая дистанцию до пулеметчика.

— Я серьезно, вы можете ответить на пару вопросов прямо сейчас? Это принципиально для всего дела. От ваших показаний все может перевернуться...

— Потом поговорим, — сказал Гранцов. — За крыльцом смотрите.

— Потом? Потом неизвестно что будет, — рассудил опер. — Вы видели нож, которым убили вашего напарника? Обратили внимание на рукоятку?

Гранцов не отвечал. Стрелять бесполезно, пулемет прикрыт дубовыми поленьями. «Отсюда его не достать. А вот он по выстрелам меня запеленгует и уже не выпустит. Придется сближаться».

— Вы еще здесь? — продолжал настырный Петренко. — Там, на рукоятке, свастика, вы заметили? Это эсэсовский нож, он очень характерный. Очень толстое лезвие, заметили?

— Да.

Грохнул пистолетный выстрел, и Железняк злорадно захохотал. В ответ снова заработал пулемет, да так, что оконная рама повалилась внутрь.

— Он что, так и будет садить, пока домик не снесет? — возмутился участковый. — Может, у них и «стингеры» есть?

— И самое главное, — не унимался опер. — Этот нож фигурировал уже в нескольких делах. Он оставляет очень характерные следы. И удар всегда был один и тот же, сзади под лопатку. Несколько убийных дел висело на этом ноже. Вы меня слышите?

— Железняк, попал?

— Спрашиваешь!

— Шмальни еще пару раз, отвлеку урода.

— А если «стингеры»?

— Гранцов, подождите, самое главное! — заторопился Петренко. — С меня бутылка! Этот покойник со своим тесаком в печени, его пальчики у нас в картотеке...

Но Гранцов уже не слушал. Он снял куртку, завернул в нее автомат и пополз вперед. Скоро он оказался в жидкой грязи, которой была заполнена канава, и полз по ней, стараясь не плескаться. Он услышал пистолетный хлопок и ответную очередь. Потом рванула граната, и он застыл — но тут же снова хлопнул «макар», и он погреб дальше. Так он смог подобраться к сараю со стороны леса.

Колючая проволока над подкопом была перекушена и безвольно свисала с опор. Дверь в сарай была распахнута.

Гранцов бесшумно проскользнул внутрь, прижался к стене и замер, напряженно прислушиваясь. Он даже глаза прикрыл, чтобы лучше слышать. Но в сарае стояла мертвая тишина.

Он прикинул, где там, на чердаке, лежит у окна пулеметчик, и поднял автомат. Доски перекрытия пуля прощелкает легко, но Гранцов не хотел стрелять вслепую. А если там уже никого нет?

Внимательно вглядываясь в эти доски, он вдруг заметил, что из щели между ними что-то капает. Капли летели вниз, вспыхивая на миг в луче света, и вспышка была красной.

На полу уже появилась лужица — и это была кровь.

Он не стал подниматься на чердак по лестнице. Забравшись по бревнам вдоль стены, он ухватился за балку, подтянулся, и, затаив дыхание, осторожно выглянул через пролом.

Пулеметчик так и остался лежать у пулемета, и сигарета еще дымилась на полу. Но рядом застыл низкорослый толстячок с каракулевым затылком, бесшумно вытирая длинный нож об куртку зарезанного бандита.

Толстячок был в черном трикотажном костюме и кедах. Над резинкой штанов нависал животик, идеально круглый, словно глобус. Типичный любитель утренних пробежек.

Он ловко опустил клинок в незаметные ножны над щиколоткой и повернулся.

— Спасибо, Марсель, — постарался сказать как можно спокойнее Гранцов.

Глава 29. Расплата

Керимовские собаки не трогали лежащих. Поэтому никто не пострадал, когда они гоняли по базе последних бандитов. Кто-то попытался отстреливаться, но очень трудно попасть в набегающего волкодава, особенно когда он несется на стрелка и при этом даже не рычит, а молча роняет слюну и облизывается. Керимов с трудом смог утихомирить псов и запереть их в загоне, тем самым сохранив для Железняка хотя бы двоих задержанных, способных дать показания.

— Извини, что опоздали, — сказал Поддубнов.

— Вы не опоздали, — ответил Гранцов.

Добросклонов подбежал к озеру, упал на колени и долго пил, зачерпывая воду ладонями. Да так и остался сидеть на песке.

— Воспаление, — сказал седой армянин, осмотрев его раны. — В городе есть один доктор, я записку дам, он поможет. Он нам всегда помогает в таких случаях. Надо быстро ехать. Совсем быстро.

— У нас тоже есть доктор, — сказал Гранцов, разглядев белый халат среди бродящих вокруг людей. — Регина! Регина Казимировна, подойдите, пожалуйста!

Она, запыхавшись от быстрой ходьбы, остановилась рядом с ним и оперлась о его плечо. Другой рукой Регина прижимала к себе охапку измятых простыней.

— Извини, у меня еще трое тяжелых с пулевыми, два шока, еще и с минно-взрывными разобратся надо. Что тут у вас? Игорь?

— Ничего, ничего, — замахал руками Гошка. — Сами, сами...

— Трое тяжелых? — переспросил Вадим. — Ты про бандитов?

— Сейчас они просто раненые. Тяжело раненые. Ну, если сами, то я побежала?

Он вдруг подумал, что должен ей что-то сказать. Что-то хорошее. Подумал, что они могли бы хотя бы обняться на радостях. Все-таки живы остались, да и придулков спасли.

Он очень хотел сказать ей что-то теплое и сердечное, но губы не слушались его. Надо радоваться и веселиться, а она вместо этого уже носится со своими «больными». Понятно, доктор делает свое дело.

— Стой! — он еле успел ухватить ее за халат. — Ты помнишь, о чем мы договорились?

— Да-да. Надо вызвать скорую. И не одну. Здесь никаких условий. Ну что ты на меня так смотришь? Да, я же сказала, да. Я все помню, — она провела пальцем по его бровям. — Не надо хмуриться, товарищ майор. Что у тебя с глазами?

— Ничего.

— Такие красные, и ничего? Ты не ранен?

— Ничего, — повторил он. — Иди к больным.

— Мне страшно на тебя смотреть, — тихо сказала она. — Что с тобой?

— Да ничего, — снова повторил он, и она обиженно отвернулась.

Гранцов спустился в колодец и тут же выбрался оттуда с автоматом и своими сапогами в руках.

— Борис Макарыч, за старшего остаешься, — распорядился он, переобуваясь. — Там, в туннеле, еще один из этой компании. Разберитесь с ним. Я возьму «ситроен», не возражаешь?

— Возражаю, — ответил Поддубнов, становясь на его пути. — Ты куда это, майор? Все кончено, уймись.

— Нет, не все.

Вадим увернулся от его рук и быстро зашагал к гаражу. Поддубнов побежал за ним, на ходу отдавая команды:

— Керимыч, Маро, пленный в колодце! Помогите Железняку, а я скоро вернусь!

Он первым добежал до своего «ситроена» и уселся за руль.

— Куда нам?

— На трассу. К финскому кладбищу, — ответил Вадим, укрывая ватником автомат на задней полке.

— Кто там?

— Ежик.

— Понятно. Давно уехал?

— Полчаса.

— Догоним по просеке, — кивнул Поддубнов. — Держись, майор.

«Ситроен» зарычал, приподнимаясь над дорогой.

— По просеке мы его догоним и перегоним, — приговаривал старшина. — С таким клиренсом мы не только Ежика, мы черта лысого догоним.

Вадим не рассчитывал на помощника, но спорить с мичманом было некогда, да и бессмысленно. Он уже решил, что высадится, не доезжая кладбища, и дальше двинется один. Успеет. По времени все сходится. Ежик будет ждать денег, а деньги привезут не раньше, чем в полдень. Если, конечно, Институт не воспользуется вертолетом.

Машина неслась по лесной дороге, громко встряхиваясь на ухабах. Поддубнов не тратил время на вилание между препятствиями, а просто перелетал через них.

— Эти армяне золотые ребята, — рассказывал он. — Они вообще, считай, не армяне. По-армянски хуже Керимыча говорят. Воевали в Карабахе. Ну, как воевали... Так, вокруг своей деревни в окопах сидели, отбивались от всех. От соседей-азербайджанцев, от наших, даже от своих. Война им поперек горла. Они же все шабашники, строители, всю жизнь по Союзу мотались. Один ветеринар. Один учитель. Один угонщик. Он даже на этой войне отличился — у русских танк угнал. В общем, золотые ребята. Из Армении их свои же выгнали. Не давали жить. Сейчас хорошо устроились. Свой как бы колхоз. Автономный режим. Никакой советской власти. Никакого начальства. Хлеб свой, помидоры свои, зелень своя, даже вино свое, яблочное. А рыбу ты и сам видел. Керимыча к себе переманивают. Детей на компьютере учить. Даже не знаю, как его теперь удержать.

— А смысл? — рассеянно спросил Гранцов. — Пусть уходит. Все равно Базы больше

нет.

— Базу восстановим, — уверенно сказал Поддубнов. — Все можно восстановить. И ребят новых найдем. Гарнизон понес потери, так это дело военное. Убитым — вечный покой, а живым тянуть лямку дальше. Так, Димыч?

— Посмотрим.

Получив такой расплывчатый ответ, старшина обиженно замолчал. Но обиды хватило минуты на три, не больше.

— Мы тебя у Марселя ждали, как и договорились. Вдруг прилетает твой Гошка. Морда в крови, весь ободранный. Так и так, говорит, на Базе война.

— В крови? — переспросил Гранцов.

— Ну, немного нос разбил, когда упал по дороге. Марсель сразу за телефон, народ подтянулся, и мы выдвинулись с двух направлений. Только вот с Железняком неудобно получилось. Как думаешь, не будет он к ним приставать, откуда у них оружие?

— Договорятся.

Старое заброшенное кладбище называлось «финским», потому что в его братских могилах покоился прах солдат, погибших в годы финской кампании. В годы перестройки сюда проложили приличную дорогу, вырубили березовые заросли и даже обновили несколько гранитных плит. Сделали это не спьяну и не из любви к усопшим, а только потому, что сюда должен был заехать какой-то Большой Человек со своими финскими Большими Друзьями и совершить над могилами акт примирения. Однако после наведения порядка выяснилось, что под осевшими холмиками лежат только красноармейцы, и ни одного белофинна в радиусе трех километров. Акт пришлось перенести в какое-то другое место, а дорога осталась. Этим сухим и чистым пригорком стали пользоваться дальнобойщики — для ночевки, и областные бандиты — для деловых встреч. Место было удобное. Отсюда трасса далеко просматривалась в обе стороны, но с дороги нельзя было разглядеть даже большой грузовик, если он стоял в кладбищенской аллее между уцелевших берез.

— Как ты собираешься его взять? — спросил Поддубнов. — Он же там не один.

— Посмотрим, — ответил Гранцов и добавил: — Разведаю сначала. Там видно будет.

Когда впереди показался широкий просвет между соснами, Поддубнов остановился:

— Трасса. Выхать на нее?

— Чуть позже, — сказал Гранцов, открывая дверь. — Схожу, гляну. Через десять минут выезжай на трассу. Только не стой, как памятник. Погоняй туда-сюда, я тебя потом где-нибудь поблизости на обочине поймаю.

— Пошли вместе, — предложил мичман.

— Может, и пойдем вместе, — согласился Вадим. — Но сначала надо посмотреть.

— Ты что, с автоматом пойдешь? — беспокойно спросил Поддубнов. — А если кто увидит?

— Никто не увидит.

Он повесил АКМ на плечо и попрыгал на месте. Что-то брэнчало в кармане куртки. Он вспомнил, что это чужая куртка. Вытащил из кармана связку ключей и закинул в кусты.

— Не увлекайся там, — попросил Поддубнов совершенно безнадежным голосом.

Гранцов кивнул и, оглядевшись по сторонам, быстро перебежал трассу.

Он уверенно поднимался по склону. Короткими перебежками, от одного укрытия к другому. Поваленная коряга. Широкая ель. Высокий куст. Чем выше он поднимался, тем осторожнее становились его шаги. Он внимательно глядел под ноги, чтобы не хрустнуть веткой.

Скоро он услышал, что где-то впереди работает радио. Судя по обрывкам музыки и речи, кто-то слушал рекламу. Вадим опустил на четвереньки и двинулся по-собачьи.

Между белыми стволами берез показался красный силуэт джипа.

«Они уехали на институтском «паджеро», а свой зеленый «чероки» Ежик оставил где-то в другом месте», — догадался Гранцов.

«Разумно, — похвалил он Ежика, вставляя магазин и бесшумно отводя затвор. — Больно приметная машина этот твой «чероки». Второго такого здесь нет. Молодец, позаботился о своем алиби. Радуюсь, наверно. А зря. Об ином надо было позаботиться, Валентин Афанасьевич. О душе. Так ведь и помрешь, не покайся. Ну, извини, ничем помочь не могу».

Ему очень хотелось дождаться того момента, когда Ежик получит, наконец, свой миллион долларов. Хотелось, чтобы тот успел вкусить всю сладость победы, и только потом получил свою порцию свинца. Чем выше взлетаешь, тем больнее падать.

Но выкуп привезут еще не скоро, а у Гранцова было слишком много дел на Базе. Гораздо более важных дел, чем казнь двоих вооруженных убийц.

Он подобрался к джипу с правой стороны. Двери машины были приоткрыты, и звуки радио доносились вполне отчетливо. В проеме двери Гранцов видел бок Ежика. Тот сидел, откинувшись на спинку кресла и расслабленно свесив руку.

Где-то неподалеку фыркнул стартер. Гранцов замер, подняв автомат. Откуда здесь вторая машина? Кто еще приехал?

Но через секунду он понял, что эта машина уезжает. Двигатель работал почти бесшумно, но подвеска поскрипывала на выбоинах, и эти звуки быстро удалялись.

«Проверим фланги», — решил Гранцов и, скрываясь за низкими кустами, перебрался на левую сторону аллеи.

Он раздвинул ветви и увидел Косого.

Гранцов тяжело вздохнул и опустил автомат. Водитель Ежика лежал грудью на рулевом колесе, и лицо его было залито яркой кровью.

Выждав еще минуту, Вадим подошел к «паджеро». У Ежика чернела аккуратная дырка под скулой. Он сидел, откинув голову, и весь подголовник был в красной пене. Стреляли спереди, справа, через опущенное стекло.

Ни миллиона, ни оружия в машине не оказалось. Не было и видеокамеры.

Гранцов спустился к трассе тем же путем, каким поднялся. Раздвинул кусты, чтобы перепрыгнуть кювет, и увидел на другой стороне дороги «ситроен», стоящий на обочине. Поддубнов расхаживал возле машины, заложив руки за спину и пиная гальку.

«Ты почему здесь стоишь? — хотел закричать Гранцов. — Тебе было приказано не останавливаться! Почему ты стоишь!»

Эх, много чего хотел сказать Вадим своему помощнику, но не сказал.

Бесполезно. Никто вокруг не понимал, что идет война. Что приказы надо выполнять. Что за благодущие, за расслабленность, за лень — за каждый свой промах придется заплатить жизнью. Своей или чужой. Нет, никто этого не понимал, кроме Гранцова.

Он молча сел на заднее сиденье, положив автомат на колени.

— Поздно, — проговорил он в ответ на взгляд мичмана. — Поехали домой.

— Вот и ладно, — облегченно выдохнул Поддубнов. — Хватит, навоевались.

Удивительное дело, но Вадим тоже чувствовал, что ему стало легче оттого, что они опоздали. Это было странное чувство. Ему не удалось рассчитаться с убийцами, и легкая досада скреблась в душе — зря гоняли машину, зря подкрадывался, зря читал приговор. Все зря. Твою работу за тебя сделали другие.

Это и злило, и радовало, и пугало одновременно. Напряжение боя медленно отпускало Гранцова, и он понемногу остывал. Он вдруг понял, что не хотел убивать ни Ежика, ни Косого. Понял он и то, что за всей этой бойней стоят другие фигуры. И ему надо бы добраться до них, пока они не добрались до него. Да только не было у него сейчас ни малейшего желания связываться с противником, который пользуется бесшумными машинами и бесшумными пистолетами.

— Домой, домой, — повторил он. — Борис Макарыч, отвезем Гошку к доктору?

— Вот только заправимся, — Поддубнов кивнул и постучал пальцем по приборной панели. — Надо было сразу везти, не гоняться за всякими уродами. Они свое и без тебя получают.

За поворотом на обочине стояла белая легковушка.

— Ага, приехала, красавица? — прокомментировал Поддубнов, сбавляя ход.

Женщина в черных джинсах и красной ветровке неловко возилась с насосом, пытаясь приладить его к запасному колесу, лежавшему на обочине.

Поддубнов притормозил.

— Придется выручать дамочку. Мало того, что заплутала, так еще и без колеса осталась.

— Заплутала?

— Она из самого Петрозаводска тащится. Искала, как с трассы свернуть в сторону Москвы. Заехала аж на кладбище, еле-еле выбралась. Хорошо, меня увидела, я ей показал, куда ехать. Только зря она это затеяла. На новенькой «хонде», да совсем одна? — Мичман скептически покачал головой. — Отчаянная баба.

— Ты видел, как она спустилась по кладбищенской дороге? — спросил Гранцов.

— Димыч, я быстро. — Мичман пригладил шевелюру и расправил усы. — Помогу человеку. На пустой дороге кто еще поможет, как не мы?

Гранцов видел, как девушка в красной ветровке радостно всплеснула руками, приветствуя Поддубнова. Он подсел к заднему колесу «хонды» и принялся качать рычаг домкрата, а девушка стояла на коленях рядом с ним, неумело тыча ключом в колесо. Мичман отмахнулся, и девушка отдала ему ключ. Она встала, держа руки в карманах ветровки.

Отошла на три шага. Оглянулась вокруг, стоя спиной к «ситроену». Она не могла видеть Гранцова за тонированными стеклами. И не могла знать, что он сейчас на нее смотрит.

Он видел ее с заднего сиденья, через приспущенное стекло передней двери. Видел, как правая рука девушки вытягивается из кармана. В руке у нее был черный длинный предмет. Нет, не гаечный ключ. И не отвертка.

Пистолет.

Она еще раз оглянулась и стала поднимать выпрямленную руку, наводя пистолет на широкую спину мичмана.

В голову или в спину?

В спину вернее, решил Гранцов и надавил на спуск.

Красная ветровка вздрогнула и пошла вбок. Вниз. И Гранцов тоже повел стволом вбок, вниз, нажав на спуск, и в салоне едко запахло порохом, и горячая гильза, отскочив от стекла, ударила его в ухо.

Он выскочил из машины, не отнимая приклада от плеча, и медленно шагнул к лежащей неподвижной фигурке, продолжая целиться в нее.

Мичман лежал у «хонды», уткнув лицо в скрещенные руки.

— Отбой, — сказал Гранцов, почти не слыша собственного голоса из-за звона в ушах. Но Поддубнов услышал и поднял измазанное лицо.

Как и ожидал Вадим, под красной ветровкой оказался тонкий бронежилет. Слишком тонкий для старого «калашниковца». Все три пули прошили его сзади, но выйти не смогли.

— Уходим, — скомандовал Гранцов, и Поддубнов, пригибаясь, побежал к своему «ситроену».

А Вадим еще успел заглянуть в «хонду» и вытащить оттуда знакомую видеокамеру и два одинаковых кейса. Он забросил все это в подлетевший «ситроен», а потом вернулся к убитой.

Ему не хотелось оставлять ее здесь на виду. Он оттащил тело к кювету и ногой толкнул вниз. Веткой замел свои следы на песке. Оглянулся. Красная ветровка просвечивала сквозь густую осоку.

— Там мог лежать ты, Макарыч, — сказал он, когда машина рванула с места.

— Понял.

— Ты свидетель. А она профессионал. Она только что убрала Ежика.

— Понял, — кивнул мичман.

— Я же тебе говорил, чтоб ты ездил по трассе туда-сюда, а не стоял на месте. Говорил?
— Да понял я все! — с отчаянием в голосе повторил Поддубнов. — Хватит, майор, хватит!
— Хватит, так хватит, — легко согласился Гранцов и поддел ножом створки кейса.
— Что там? — не выдержал мичман. — Баксы?
— Никаких баксов. Каталог недвижимости, на французском. Еще каталог: пригороды Кейптауна. Бумаги. Ага, вот и главное. Банковские документы. С подписями мистера Ежова. Красными чернилами. А может, он кровью расписался? А, Борис Макарыч?

Глава 30. Море свидетелей

На Базе уже навели порядок. Армяне аккуратно сложили трупы бандитов в ряд вдоль колючей проволоки. Рядом так же в ряд выложили их оружие — без единого патрона.

— Зачем вам патроны? — спросил Гранцов.

— Ара, в хозяйстве даже ржавый гвоздик пригодится, — ответил Марсель.

Первую, Лисичку и Шкипера положили у штаба и накрыли банными простынями. Гранцов подивился, каким богатырем оказался Шкипер, когда застыл на земле, сложив руки на выпуклой широкой груди. В жизни он выглядел невзрачно, словно специально пригнулся и сутулился, чтобы не выделяться. Что пережил он, пока нес канистру с бензином для костра, в котором сам должен был заживо сгореть? Что заставило его кинуться на своих палачей? Он и драться-то не умел...

А вот Сто Седьмой уцелел. И как ни в чем не бывало, продолжал командовать своими охранниками, многим из которых пришлось сменить штаны.

Из медсанчасти доносился требовательный голос Регины. Она командовала сектантами, которые вставляли стекла и разносили чистое белье по палатам, где уже разместили раненых.

В штабе теперь хозяйничали опер Петренко с Железняком. Они раздобыли где-то пачку бумаги и сажали всех сектантов писать свидетельские показания.

— Димыч, где тебя черти носят? — возмутился Железняк. — У нас вагон работы, писанины — «Война и мир» отдыхает, а ты где-то катаешься!

— С деньгами разобрались? — спросил Гранцов.

— С какими деньгами? Тут у меня море крови! Еще только денег не хватало!

— Я про миллион. Про выкуп. Связались с Институтом?

— Нет пока. Нет связи. Эти уроды раздолбали все коробки, и кабель перебили в нескольких местах, — уже спокойнее пояснил Железняк. — И ни один мобильник не работает, как назло.

— Отправь армян на станцию, — предложил Поддубнов. — Пусть хотя бы милицию вызовут.

— А вы разве не вызвали до сих пор?!

— А зачем? — спросил мичман. — Чего зря людей беспокоить? Мы и сами все уладили, как видишь.

— Ну, партизаны! — Железняк от негодования даже забыл все матерные слова. — Ну, браконьеры!

— Меня все-таки беспокоят эти деньги, — сказал Гранцов. — Что-то здесь не сходится. Вот смотри, капитан. Ежик захватил заложников и требует миллион. Институт моментально соглашается.

— Постойте, Гранцов, не так быстро, — попросил Петренко, стоявший в проеме выбитого окна. — Откуда информация?

— Я сам слышал, как они договорились. Дальше происходит вот что. Как вы думаете, сколько времени нужно, чтобы собрать миллион наличными и доставить сюда? Тут только одна дорога до города — два часа езды, так? Но что делает Ежик? Сразу после звонка он уезжает на финское кладбище. Как будто деньги туда ему переведут по почте.

— Что ж ты молчал?! — заорал Железняк. — Где я теперь найду этого урода?!

— Я же сказал. На финском кладбище, — Гранцов пожал плечами. — Самое подходящее место для покойника.

Он достал из мешка пистолет, держа его за спусковую скобу.

— А это я нашел неподалеку. Отдашь следователю.

Участковый Железняк был не просто рад. Его лицо светилось неподдельным счастьем. Гранцов не ожидал, что известие о гибели Ежика вызовет такие чувства.

— Я думал, ты ругаться будешь, капитан, — признался он. — Даже боялся тебе сообщать такие новости. У тебя и так вон, гора трупов.

— Да разве это гора? Это же просто дело, раскрытое по горячим следам. Свидетелей — море. Подозреваемые — задержаны. Доказательной базы — целый вагон! Короче, картина такая. Две группировки затеяли захват. Потом что-то не поделили и друг друга перебили. Это не дело, а песня! А вот господин Ежов — это дело отдельное. Типичная заказуха. Причем наверняка никаких улик, кроме орудия убийства. Короче, чистый висяк, черное пятно на всех показателях, — он злорадно ухмыльнулся, потирая руки. — Этот твой Ежов сделал в жизни хотя бы одно доброе дело. Помер в нужном месте. Как хорошо, что финское кладбище не на моей земле! Это же другой район!

Опер Петренко не разделял энтузиазма своего коллеги. Он позвал к себе в канцелярию Гранцова и, укладывая в папку исписанные листки, озабоченно сказал:

— Свидетели-то у нас неважные. Показывают все хорошо, да только никто не подписывается. Ставят номерок вместо подписи. А двое вообще меня послали. В смысле, за адвокатом. Американец раненый и эта дамочка, которую вы от изнасилования спасали. Она здорово все расписала, просто жесткое порно, а не показания. Что вы об этом скажете, Вадим Андреевич?

— Не было там ничего. Он ее только заставил раздеться. И сразу умер.

— Да я не о ней, — Петренко брезгливо поморщился. — Я об этих людях. Они же нам не помогают. Они что-то скрывают. И вообще, в каком таком институте может лежать миллион долларов наличными? Это что, Институт мировых финансов? Что скажете, товарищ Гранцов?

— Скажу, что им верить нельзя. Деньги там наверняка есть, и наверняка укрытые от налогов. Поэтому они и будут молчать, пока не приедет их адвокат.

— Что вы предлагаете?

— Все упирается в их босса, — решил Гранцов. — Вот с кем бы вам поговорить. Если он им прикажет — они все подпишут, как полагается, и у вас будут настоящие свидетели.

— Разумно, — кивнул Петренко и крепко завязал тесемки еще одной пухлой папки. — Прощупаем босса. Его-то показания тоже нужны. Он и есть главный потерпевший, если деньги выбивали из него. Очень меня интересует этот миллион долларов. Сколько людей из-за этих денег полегло.

«Прощупайте, прощупайте, — подумал Гранцов. — Этих ребят и не такие щупали».

Он нашел брата там же, где и оставил, на берегу озера. Гошка сидел на перевернутой лодке и бросал камешки в воду. Вадим пощупал его лоб и скомандовал:

— Подъем, больной. Поехали к доктору.

— Никуда я не поеду, — вяло отмахнулся от него Добросклонов. — Ты девочку видел убитую?

— Да.

— Совсем ребенок. Ты знаешь, кто ее...

— Их уже нет. И хватит об убитых. Займемся живыми. И полуживыми, — сказал Гранцов и за плечи приподнял брата.

Он затолкал Гошку на заднее сиденье «ситроена». К машине подошел опер Петренко с двумя папками под мышкой.

— Вы в город? Подбросите меня? Хочу прощупать последнего фигуранта. Пока он тепленький. Сами понимаете, завтра они будут говорить иначе.

— Подбросим до метро, — предупредил Гранцов.

— И на том спасибо. Знаете, — Петренко смущенно улыбнулся, — очень хочется посмотреть на миллион долларов. Вот бы его к делу приобщить!

— Какой миллион? — спросил Керимыч, поднося канистры с бензином. — Где миллион?

Поддубнов вставил воронку в горловину бака и скомандовал:

— Твое дело бензин заливать. Лей, Керимыч. Эх, чует мое сердце, последний раз заправляемся.

Они залили бензин, и Керимов невозмутимо уселся рядом с опером в машину, хотя его никто не приглашал.

— Поехали, Борис Макарыч, — попросил Гранцов. — Чего ты теперь-то ждешь?

— А вон, девушка нас ищет, — Поддубнов кивнул на зеркало.

Гранцов оглянулся, ожидая увидеть Регину. Но к машине бежала Восьмая. Она успела привести себя в порядок — новые джинсы, белая вязаная кофта, черная кожаная сумка.

— Извините, следователь здесь? — спросила она, наклоняясь к окну.

— Вообще-то я не следователь, — ответил Петренко.

— Все равно. Вы в институт? Я с вами.

— К чему такая спешка? — проворчал Гранцов, но встал, освобождая ей место на переднем сиденье.

— Спасибо. Я вам дорогу покажу. Адрес это одно, а дорога — совсем другое.

— Керимыч, может, останешься? — с надеждой спросил Гранцов.

— Э, когда шашлык делать, меня зовут. А когда на миллион долларов посмотреть — меня не берут. Некрасиво получается, — проговорил Керимов и немного подвинулся, тесня опера и Гошку. — Садись, тут еще два таких поместятся.

Он втиснулся на краешек и захлопнул дверь. И только теперь заметил, что на крыльце медсанчасти стоит Регина и смотрит им вслед. Вадиму сразу захотелось все бросить и остаться с ней. Зачем он едет? Неужели Поддубнов не может доставить Гошку в больницу? Петренко хочет посмотреть на миллион — ну и черт с ним, с миллионом!

Но в следующий миг Регину окружили волонтеры, она спустилась с крыльца и повела их к складу, перебирая связку ключей.

«Делайте свое дело, доктор, — подумал Гранцов. — А я буду делать свое. Хотел бы я знать, какие еще дела предстоит сегодня переделать...»

Все молчали, пока машина летела по узкой дороге между высоких сосен. Мотор завывал на подъемах, а на спусках «ситроен» цеплял железом за бетонку, раскачиваясь, как на волне.

— Я просто хотела оторваться от своих, — заговорила Восьмая. — Есть вещи, которые нельзя обсуждать в их присутствии.

Она повернулась к сидящим позади и спросила:

— Гранцов? Вы хотите знать правду?

Вадим пожал плечами, и за него ответил опер Петренко:

— Хочет, хочет. Мы все хотим. Почему вы спрашиваете его одного?

— Его это касается больше других. Да, Гранцов, если бы вы оказались на своем рабочем месте в ночь на 12 июня, вы бы погибли. А если бы вы погибли, никто не спас бы меня сегодня. Значит, вы спасли не только себя, но и меня. Поэтому я все должна рассказать именно вам.

— Так рассказывайте, — попросил ее опер.

— Так вот, — сказала Восьмая. — Все это придумал один человек... Нет, он не человек. Он сам всегда говорил, что он лучше, чем человек. В структуре его статус — Третий. Я думаю, что он бывший военный. Это видно по его манере говорить, по некоторым фактам биографии. Иногда он называл себя майором. Неважно, кто такой Третий на самом деле. Он сам по себе. Если Бог есть, и если дьявол есть, то Третий — он дьявол.

— А можно без метафизики? — спросил Гошка. — Хотели что-то рассказать, так

рассказывайте конкретно, приводите факты, фамилии, даты, эпизоды. А всю эту вашу словесную шелуху оставьте для своих гавриков.

— Конкретно? А что вам это даст? Вам будет легче от того, что я назову фамилию Третьего? Я ее узнала случайно, нашла у него браслет с группой крови. Он всегда держал его в машине. Впрочем, я не уверена, что это его настоящая фамилия — Вязинскас.

— Везунчик, — удовлетворенно сказал опер Петренко. — Ваш Третий — это Везунчик. Вязинскас, майор, десантник. Обычная карьера — увольнение, охранная контора, рэкет, контрабанда. Очень серьезная фигура. Все сходится. Жалко, что капитан Железняк с нами не поехал.

— Вот только его здесь не хватало! Ну, хорошо, Везунчик задумал комбинацию. Мы-то здесь с какого боку? Зачем надо было нас убивать? — спросил Гранцов.

— По принципу полной изоляции, — спокойно пояснила Восьмая. — Чтобы предотвратить малейшие утечки информации. О том, что Институт проводит выездную сессию на вашей точке, не должен был знать никто. Просто никто.

— Бред, — снова подал голос Добросклонов. — В этой стране все всегда всё знают.

— Да, но не сразу, — ответила Восьмая. — Когда-нибудь и вы, Игорь, узнаете, куда делись ваши машины с концентратами. Но сейчас вы этого не знаете. Кстати, их перехватила команда Дикобраза. Это тоже комбинация Третьего.

— А я знал, что вы все сами подстроили, — сказал Добросклонов.

— Так, — сказал Гранцов. — Третий сейчас в офисе? Деньги у него?

— Не знаю, — сказала Восьмая. — План был такой. Захват вашей точки. Шантаж руководства. Кассета, угрозы убийства, моя истерика — это безотказные аргументы. Второй связывается с боссом и просит отдать выкуп. Босс отправляет выкуп через Третьего и одновременно организует контроль за передачей денег. Но никакой передачи не будет, потому что Третий исчезает вместе с миллионом.

— А почему вы были так уверены, что ваш босс доверит такое дело именно Третьему? — спросил Гранцов.

— Потому что ни Второго, ни Первой рядом с ним не было. В этом и была вся суть операции. Кроме того, сумма-то не очень большая. Так вот. Получив деньги, Третий должен был позвонить Дикобразу, и бандиты снимают блокаду. Потом Дикобраз исчезает, а мы разными рейсами вылетаем из страны и встречаемся в Риме. Но все получилось по-другому. И я сама не знаю, почему он решил от меня избавиться.

— Не захотел старик ехать в Тулу со своим самоваром, — заметил Поддубнов.

Незатейливая шутка вызвала неожиданно бурную реакцию. Добросклонов и Керимов заржали и обменялись ударом по подставленной ладони.

— Спасибо, что рассказали про мой товар, — сказал Гошка. — Кажется, теперь я ваш должник. Могу расплатиться той же монетой.

— В каком смысле?

— Вы мне дали информацию. Я тоже дам вам информацию. Вы удивлены, что вас не взяли в Рим? А я нет. Я удивлен, что вы до сих пор живы. Дикобраз, насколько я понял, это бывший хозяин охранного предприятия «Невский Атаман». Вам не странно, что он согласился сотрудничать с вами? Ведь именно вы отняли у него это предприятие, вы заставили его покинуть город, вы сломали всю его жизнь. А он, вместо того, чтобы ненавидеть вас, вдруг начинает с вами работать.

— Эти люди непредсказуемы, — Восьмая пожала плечами.

— Наоборот. Люди, которые заняты серьезным бизнесом, должны быть как раз предсказуемыми. Иначе с ними не будут иметь дела другие бизнесмены. И ваш Дикобраз — не исключение. Он хотел отомстить Институту, и он ему отомстил.

— Вы так говорите, Игорь, потому что тоже, наверно, хотите отомстить?

— Не просто хочу. Я уже отомстил, — спокойно улыбнулся Гошка. — Ведь фактически это я все устроил. Ох, боюсь, что мне еще достанется от старшего брата... Димка, обещай, что не будешь бить по голове.

— Не обещаю, — сказал Гранцов.

— Ну и черт с тобой. Все равно мне легче признаться, чем скрывать такую операцию возмездия, — вздохнул Гошка и попытался отодвинуться подальше. — Так вот, миссис Восьмерка, слушайте, как все было на самом деле. Когда случилась эта история с пропавшими протеинами, я сразу понял, что это ваша работа. Вы дали мне время, и я его использовал. Я поднял все свои старые связи, я не вылезал из Интернета и библиотеки. Думаете, я искал деньги, чтобы рассчитаться с вами? Фигушки. Я искал информацию. Наверняка вы уже проворачивали такие аферы и раньше, вот мне и хотелось знать, чем все кончалось.

— Узнали?

— К сожалению, узнал. Узнал, что вы всегда добиваетесь своего. Любой ценой.

Керимов неожиданно хлопнул себя по коленке и воскликнул:

— Слушай, помнишь микроавтобус в Давосе? Восемь человек один раз убили, чтобы дело замять, э! Восемь человек!

— Они убили больше. И я не хотел пополнить количество трупов. И тогда вот что я придумал. Я просто составил список всех, кого вы обидели. Всех. Там были наши «атаманы» и польские спекулянты, мунисты и хаббардисты, и даже буддисты, у которых вы отсудили храм в Норвегии.

— Откуда буддисты в Норвегии? — пренебрежительно отмахнулась Восьмая. — Что вы несете, Игорь?

— Я продолжаю. Так вот, я составил этот список. В нем было тридцать восемь потерпевших. Против каждой позиции я указал суть их претензий к Институту. Указал координаты потерпевших. И указал нынешние адреса Института вместе со всеми его филиалами. Кстати, напомнил всю цепочку его переименований. После чего мне оставалось разослать этот список в тридцать восемь адресов. И надеяться, что хотя бы десяток из этих обиженных придурков сможет объединиться для возмездия.

— Ты всегда был ябедой, — неожиданно заметил Гранцов.

— Нет. Я всегда любил вскрывать пороки и наблюдать торжество справедливости, — парировал Гошка.

— Ну, спасибо тебе, братишка, удружил, — Вадим нащупал рукоятку под боком и приспустил стекло, впуская в салон струю холодного ветра. — За что ж ты нас-то подставил? Нельзя было разборки эти где-нибудь подальше провести?

— На Новой Земле, например? — спросил Добросклонов. — Извини, Дим, так уж получилось. И потом, я ведь предлагал тебе пересидеть у меня в офисе, не забыл?

— Был бы ты не раненый, я бы тебе сейчас ответил, — сказал Гранцов, постукивая кулаком по колену.

Но Доктор Керимов, сидевший между братьями, поднял обе руки и спросил:

— Можно один вопрос? Деньги где? В Рим летят? Каким рейсом? Может быть, нам лучше в аэропорт сейчас ехать, а не в этот проклятый институт?

Опер Петренко ответил:

— В аэропорт можно будет и позвонить. Предупредить пограничников. Позвоним из института.

— Он заказывал билеты через нашу службу перевозок, — сказала Восьмая. — Рейс мы узнаем легко.

— Одну минуту, товарищи, — вмешался Поддубнов. — Что-то я не понимаю, куда мы едем?

— В Институт! — в один голос ответили Петренко, Керимов и Гошка.

Глава 31. Миллионеры в обносках

Центральный офис Института Духовного Возрождения располагался в старинном особнячке. Здание охранялось государством как исторический памятник, о чем сообщала

стандартная табличка. Впрочем, табличка сильно преувеличивала степень государственной заботы.

Восьмая уверенно провела их через темный холл, по узким коридорам со стреляющим паркетом, по мраморным лестницам с зыбкими перилами на верхний этаж.

На стенках были заботливо вывешены многочисленные указатели со стрелочками. «Коррекция кармы, кабинет 240». «Трансцендентальная медитация. Просьба приходить со своими подушками». «Подсектор валеологии и уринотерапии». «Астральная Тантра». «Творческая лаборатория каббалы и нумерологии». Видимо, здесь не брезговали никаким способом духовного возрождения.

Сотрудники института все как один были в джинсах и выцветших майках, с бирками на груди. Они выглядывали из кабинетов, откуда доносились индусские мелодии.

Впервые в жизни Гранцов почувствовал отвращение к музыке. В его ушах еще стоял шум боя. Звон осколков, скачущих по коридору. Треск пулемета. Рыдания освобожденных сектантов — они неплохо держались под прицелом, но как только все кончилось, началась массовая истерика... А здесь, в Институте Духовного Возрождения, звенели сладкозвучные струны, как будто ничего не случилось.

Впрочем, у них-то и в самом деле ничего не случилось. Какое им дело до Лисички? Какое им дело до тех парней, которых пришлось убить Гранцову? Какое им дело? Все приветливо улыбались вошедшим, но смотрели будто сквозь них. Некоторые почтительно здоровались с Восьмой, но она никого не замечала, стремительно пробираясь вперед. Она толкнула стеклянную дверь, и они оказались в просторном светлом зале. Вдоль стен выстроились старинные столы под зеленым сукном. Рядом с компьютером на каждом столе можно было увидеть то чернильницу из малахита, то бронзовый канделябр.

В дальнем углу зала находился самый большой стол. На стене над ним висел портрет хитрого старика в капитанской фуражке. Под портретом сидел, положив ноги на стол, человек в майке с надписью «босс». Он бегло говорил в телефонную трубку по-английски, искоса поглядывая на вошедших.

— Меня предупредили, что будут люди из милиции, но не сказали, что вас так много. Я буду говорить только с начальником. Или ждите, пока придет наш юрист, — сказал он, прикрыв трубку ладонью. — О кей?

— Вот я и есть начальник, — сказал опер Петренко, раскрывая перед боссом свое удостоверение.

— Вы начальник, и я начальник. Пусть ваши люди подождут где-нибудь, — приказал босс. — Я позвоню в буфет. Там будет бесплатный кофе и все такое. О кей?

В буфете им подали растворимый кофейный напиток и черствые бутерброды с сыром.

— Смотри, чашки все разные, прямо как у нас, — заметил Керимов. — А еще институт. Не могут сервиз купить, что ли?

— Собрали с миру по нитке, — сказал Поддубнов. — Беднота. До чего довели себя с этим возрождением. Тетки все замученные, ни сиськи, ни письки... Я извиняюсь.

— Здесь все очень старинное, — объяснила Восьмая. — Все эти вещи собраны из комиссионных магазинов, со свалок, с чердаков. Здесь не может быть ничего нового. Все возрожденное, понимаете? Принцип возрождения распространяется на все. Видите, в чем мы ходим? Это секонд-хэнд.

— Обноски, — перевел Добросклонов. — А в буфете у вас объедки?

— Вы хотели зайти в отдел перевозок, — напомнил Гранцов.

— Зачем? Есть компьютер, — сказала Восьмая.

Даже в буфете у них стоял компьютер. Она постучала по клавишам, подождала минутку и подхватила лист, выскочивший из бесшумного принтера.

Третий заказал четырнадцать авиабилетов: Рим, Хельсинки, Франкфурт и так далее, вплоть до Каира. Все на одну фамилию — Гофман, и на одно число — на сегодняшнее.

Кроме того, он заказал билеты на московский поезд — на сегодня, на завтра и еще на три дня. Одно место в плацкартном вагоне.

«Все это ложный след, — подумал Гранцов. — Если даже кинутся его искать, сразу поставят засады на вокзалах и в аэропорту, и он это прекрасно знает. Нет, если и ловить Везунчика, то иначе».

— Так, — сказал он. — А что мы, собственно, здесь делаем? Гошка, ты чего молчишь? Неужели нога прошла?

— Какая нога? — Добросклонов махнул рукой. — Тут о башке думать надо. Ты что, не видишь, куда нас заманили? Думаешь, нас выпустят отсюда? Это называется «вход свободный — выход платный». Сейчас включают свои психотронные генераторы, отзомбируют всех, переоденут в обноски и отправят на выездную сессию.

— Ну да, — сказал Поддубнов, дожевывая четырнадцатый бутерброд. — Разнесем по кирпичику.

— Они этого даже не заметят, — сказал Добросклонов. — Завтра же купят себе новый особняк. Что такое для них миллион долларов? Ну, примерно тридцать средних квартир. Ты видел, сколько тут народа? Это же все бомжи. Они свои квартиры отдали. Они все отдали. А сколько таких лопухов еще осталось... Вроде меня. В общем, месяц работы, и этот миллион к ним вернется. Это только по городу. А сколько таких городов в России? А сколько во всем мире?

— Насчет мира не беспокойся, — сказал Керимов. — В нормальных странах им не дают химичить.

— Люди приходят сюда добровольно, — сказала Восьмая. — Я тоже не имею квартиры. Она мне не нужна. У меня и так все есть.

— Было, — поправил Гранцов. — Вряд ли вас оставят в структуре после всего, что вы нам рассказали.

— Не беспокойтесь, — сказала Восьмая. — Я рассказала только вам. А вам никто не поверит. У меня все будет хорошо.

— Возможно, — сказал Гранцов. — Пока Везунчик не узнает, что вы живы.

— Вот именно, — она наклонилась к нему и посмотрела прямо в глаза. — Что вы хотите? Что сделать для вас, чтобы вы убили его?

Поддубнов закашлялся и расплескал свой кофе на стол. Гошка с Керимычем одновременно оглянулись по сторонам.

Восьмая положила свою ладонь поверх руки Вадима и сжала ее.

— Вы сумеете это сделать. А я сделаю для вас все, чего вы потребуете. Например, дам вам денег. Много денег, но это мелочи. Я сделаю для вас все.

Он выдержал ее взгляд, и это оказалось непросто. Она смотрела не в глаза, а как будто сквозь них. «Таким же стеклянным был взгляд Первой, когда та только появилась на базе и принялась командовать, — вспомнил Вадим. — Гипноз, опять гипноз. Вам бы, девушка, в цирке выступать».

— Я не собираюсь никого убивать, — сказал он. — И не стоит бросаться такими словами при свидетелях.

— Это не свидетели, а компаньоны, — сказала она. — Или соучастники, все равно. Итак. Что вы хотите?

— Вы обратились не по адресу, — сказал Гранцов, заметив, что в буфете появился опер Петренко. — Можете писать заявление. Все равно вам всем придется писать заявление. «Прошу принять меры к гражданину Гофману, в девичестве Вязинскасу, который такого-то числа обманным путем похитил у меня...»

— Не надо никаких заявлений, — сказал Петренко. — Ваш босс никому не давал никаких денег. Никакого шантажа тоже не было. Он еще не знает, что именно случилось на выездной сессии, но погибшие не имеют никакого отношения к Институту.

Он устало опустил на свободный стул, без спросу взял чашку Восьмой и залпом выпил ее кофе.

— Я могу от вас позвонить? — спросил Добросклонов Восьмую. — У меня есть еще пара приятелей на нашем телевидении. Завтра об Институте будет знать весь мир. Это будет

бесплатная реклама.

— Никакой рекламы не будет, — сказал опер. — Считайте, что мы ничего не видели. И здесь нас тоже не было.

— Считайте, что я вас не слышал, если вас здесь не было, — высокомерно ответил Гошка. — У меня есть еще приятель в Норвегии. Он, между прочим, работает на Рейтер. Так что держитесь, ребята. Да я и звонить не буду. Вот сейчас как сяду за компьютер, как залезу в Интернет, как закричу на весь мир... Кстати, а как насчет таблеток, которыми пичкают бедных наркоманов? Откуда в институте наркотики? Тут можно так хорошо копнуть, такое выйдет дело...

— Ничего не выйдет, — сказал Петренко. — Я своими глазами видел подпись на очень красивой бумажке. Первый раз в жизни видел правительственный бланк. Никто не тронет Институт, пока у них есть такая бумажка.

— Интересно, сколько она стоит? — спросил Керимов.

— Наверно, пару чемоданчиков, — сказал Гошка.

— Зря мотались, — проворчал Поддубнов. — Только бензин пожгли...

— Ах, так, — сказала Восьмая. — Поехали.

Глава 32. Везунчик. Последняя баня

Везунчик был на отдыхе за границей один-единственный раз, провел там всего неделю, и то, не выходя из отеля. И вообще, какая ж это заграница — Греция? Ездил он туда просто, чтобы отсидеться, и ту неделю можно было бы вычеркнуть из жизни, если б он не встретил в ночном отеле эту дуру. Дура подсказала ему сладкую тему, так что хоть какая-то польза от той заграницы все же была. Но с того раза он зарекся, и уже никогда не пересекал госграницу ради отдыха.

Его не задевало то обстоятельство, что людишки, которые были в сотни раз беднее его, свободно перемещались по миру — Канары, Таиланд, Майами... Какие там Канары? Он привык отдыхать в Карелии или в Сочи, а когда надо было отлежаться, находил приют у кавказских друзей. Правда, в последнее время он предпочитал Таджикистан. Во-первых, там у него были свои дела, а во-вторых, уж в Таджикистане-то его точно никто не мог бы достать. Да, там не было аквапарков и стриптиза. Там много чего не было. Ну и что? Человеку нужно немного — чистая вода, свежий воздух, просторное небо и здоровая пища. Вот и все. Не считая, конечно, бани.

Без бани Везунчик не мог. Лучшая банька была в его доме на Чудском озере. Веники хранились там особым способом — в стогу. Слой сена, слой веников, слой сена, слой веников... Запустишь руку в мягко-колючее сено, нащупаешь ручку, обмотанную бинтом, и плавно вытянешь благоухающий плоский веничек, любовно связанный из трех сортов веток. Ветки срезали в особой рошице в строго определенное время, после Троицы, на растущей луне. Таких веников нигде не найдешь.

В московской квартире у него была сауна. С маленьким бассейном, который все время протекал, из-за чего пришлось купить другое жилье соседям снизу.

Киевская квартира находилась в двух шагах от замечательной старой бани, где топили по старинке дровами. Эх, давно он не был в Хохляндии...

Везунчик перевернулся на спину, блаженно растянувшись на просторном полке. Сегодня он хотел напариться как следует, впрок — там, у басмачей, будет все, кроме такой бани. Ничего не поделаешь, издержки производства.

На этот раз он собирался исчезнуть надолго. Может быть, и придется перебираться за кордон. Осеть, успокоиться, жениться на простой русской бабе — их там много. Вложить деньги в чисто легальный бизнес. Например, в косметику. Алюминий он не считал полностью легальным, хотя и оформил акции на свое имя. И «нефтянка» не была на сто процентов чиста от криминала. Да если разобраться, до сих пор Везунчик не занимался никаким чистым, абсолютно законным бизнесом. Надо попробовать хотя бы с косметикой...

Он отогнал деловые мысли. В бане нельзя думать, в бане надо потеть.

Везунчик вышел из парилки в душевую и надавил на стеклянную полку возле высокого овального зеркала. Раздался мягкий щелчок, и зеркало сдвинулось в сторону, открывая проход в бассейн.

Ради этого прохода он и держал за собой все здание. Прибыли от частного бассейна не было и быть не могло, и все считали, что Везунчик просто балуется дорогой игрушкой. Никому и в голову не приходило, что кроме бани, у него был еще один «пунктик»: запасные выходы. Из любой своей квартиры он мог исчезнуть незаметно для гостей и так же незаметно вернуться. В его офисах было несколько пожарных, служебных или аварийных входов-выходов. Но тайный выход из абсолютно замкнутого пространства бани — это была вершина.

Он обижался, когда его называли Везунчиком, потому что никакого везения не было, а был только предельно подробный расчет. Расчет каждого шага — своего и чужого. Если он так, то я так. Эти «если-если» постоянно щелкали в его мозгу. Довольно утомительное существование, но зато самое безопасное. Среди людей он ощущал себя, как зрячий среди слепых.

В жизни рассчитывать ходы проще, чем в шахматах. Потому что в шахматах разные фигуры, дебюты, стратегии — а с людьми проще. Все люди — пешки. Их ходы примитивны. Они просто хотят жить, жрать и не иметь проблем. Пешка шагает только вперед, пока ее не снимут. А себя Везунчик видел то изворотливым конем, то дальнобойной ладьей, то всемогущим ферзем. Правда, в шахматы сам он никогда не играл. Боялся проиграть.

Подумаешь, шахматы. Слишком примитивная игра для него. Все ходят только так, и не иначе. Ему нравилось, что пешка может превратиться в ферзя. Но это слишком примитивно. Вот если бы черная пешка могла превратиться в белую — это другое дело! А еще лучше, если бы среди черных и белых фигур действовал, к примеру, золотой ферзь. И чтоб никто не знал, какая у него подкладка — черная, или белая, или золотая. Вот это была бы игра так игра!

В такую игру он сыграл с несчастным Дикобразом. Поначалу, когда Ежов связался с ним по старым, еще армейским, каналам и начал жаловаться на жизнь, Везунчик подумал, что это провокация. Ведь он сам по поручению Института выдавил Ежова из города, чтобы захватить его безупречно оформленное и старое охранный предприятие. И вдруг бывший хозяин «Невского Атамана» приходит к новому хозяину — и жалуется на жизнь! Черная пешка пришла к белому ферзю.

Белый ферзь быстро сообразил, как использовать слепоту пешки и накинуд чернуд маскхалат. Везунчик подбросил Ежову пару доходных наводок, и тот оказался благодарным компаньоном. Однажды Дикобраз пришел на встречу чрезвычайно возбужденный. Он выложил на стол пачку толщиной в десять тысяч долларов. Это был только задаток. Но дело могло стоить в сотни раз дороже.

Какая-то могущественная структура раскрыла ему глаза и указала конкретного врага. Таким врагом оказался Институт Духовной Реабилитации. И его надо было примерно наказать. И если Ежов сможет это сделать, то таинственная могучая структура ему щедро заплатит. Но без помощи Везунчика Дикобраз боялся браться за такое дело. Он хотел подстраховаться. И Везунчик обещал подстраховать.

Для начала он научил бывшего сослуживца, что делать с этой пачкой. Дикобраз открыл валютный счет в одном из скромных коммерческих банков и положил на него тысячу долларов. Тайну вкладов и операций гарантировал сам Везунчик, который был наполовину владельцем этого банка. Остальные деньги ушли на текущие расходы: сбор информации и подбор исполнителей.

Он расписал Дикобразу весь сценарий, и тот показал его представителям структуры. Структура одобрила сценарий, перевела на счет Дикобраза первые сто пятьдесят тысяч и назвала сумму — пять миллионов долларов. Точнее, четыре миллиона восемьсот сорок тысяч пополняют его банковский счет, как только видеокассета с записью самосожжения

«возрожденцев» окажется в руках представителя структуры.

Услышав о такой сумме, Везунчик сначала немного огорчился. Институт не стоил таких денег. За него могли заплатить тысяч двести, не больше. Значит, это подстава. Значит, представитель структуры, получив кассету, просто шлепнет Дикобраза на месте со всей его охраной, будь там хоть батальон. Кассету он тут же, скорее всего, и уничтожит, потому что она никому не нужна. Структуре надо, чтобы Институт исчез, и он исчезнет сам собой, если Дикобраз все сделает правильно. Итак, Везунчик огорчился, потому что сценарий был хорош, и потому что отступать было некуда. Но он сумел придумать выход и вставил в сценарий еще один сюжетный поворот.

Структура хочет получить кассету? Она ее получит. Это будет отчет о подготовке к массовому самоубийству: ритуалы сектантов, хороводы в голом виде по воде, их экстатические крики, обращенные к небу. Затем все они, как обычно, толпой набьются в баню. В следующих кадрах баня будет пылать ясным пламенем, а финал украсит панорама с обугленными развалинами и горой скрюченных трупов. Такая кассета вполне устроит структуру. Но сначала оператор снимет другой материал, и этот видеофильм просмотрит Ноль, хозяин института. Там не будет никаких спецэффектов, банальный захват заложников. Вряд ли он станет торговаться, когда ему назовут цену. Он выложит миллион, не колеблясь.

И тогда Везунчик в любом случае останется в плюсе. Один миллион, конечно, хуже, чем пять. Но целая шкура гораздо лучше порченой, с пулевыми отверстиями.

Доплыв до конца бассейна, он вылез по трапу и закутался в халат, лежавший на шезлонге. В случае тревоги он мог пройти в особую комнатку с магнитным замком, переодеться, изменить внешность и через подвал пройти в соседний дом. Предусмотрено абсолютно все. Даже жалко бросать такую налаженную систему.

Нет, бросать все-таки придется, вздохнул Везунчик, оглядев бассейн. Сектанты быстро вычислят, куда делись деньги в железном чемоданчике. Их сеть разбросана по всему миру, и от них не скроешься в каком-нибудь Риме. А вот на Памире они бессильны.

Между прочим, а почему бы ему не открыть где-нибудь недалеко от Памира, в Сибири или на Дальнем Востоке, филиал Института? Там же есть большие города. Там живут толпы непуганых идиотов. Армии пешек, ни черных, ни белых, просто бесцветных.

А что? Нанять десяток демагогов, арендовать пару кинозалов для бесплатных сеансов чудесных исцелений. Какой-нибудь писака состряпает «учение», пара-тройка психологов построит воспитательный процесс. Запустим рекламную кампанию. Он же видел, как это делается. Ничего сложного, были бы деньги. А деньги у него были. И не только в железном чемоданчике.

Его охватила легкая тревога. От таких денег нельзя отлучаться даже на минуту. Кстати, в следующий раз надо просить больше — в чемоданчике осталось еще много свободного места.

Ему приятно было вспомнить, как суетился Ноль, пересчитывая и укладывая эти ровные пачки. Босс был готов заплатить сразу же, как только услышал о происшествии. Но Везунчик специально потянул время, нагнетая атмосферу. Целых два часа он якобы оборудовал чемодан, маскируя в нем радиомаяк. Потом еще какое-то время ушло на «организацию двойного кольца милиции вокруг предполагаемого места передачи денег». Конечно, не было никакого маяка, и двойное кольцо существовало только в воображении Ноля, парализованного ужасом. Когда же Везунчик взял, наконец, не слишком тяжелый чемоданчик и повернулся к выходу, Ноль, заикаясь, спросил: «Надеюсь, вы надели бронежилет?».

Везунчик чуть не расхохотался в ответ.

Бронежилет надо было надеть этому придурку Дикобразу. С вероятностью девяносто девять процентов его сегодня же не будет в живых. Если же Ежову невероятно повезет, и он получит свой фантастический гонорар — то и в этом случае Везунчик не прогадает. Пять миллионов прекрасно впишутся в его годовой баланс, а как потом избавиться от Дикобраза — это не проблема. Тому было обещано надежное убежище после операции: сафари-центр в

уютной африканской стране. Никто не будет особо удивлен, если богатый русский турист однажды выпьет слишком много виски и поперхнется слишком большой дозой кокаина.

Он услышал резкий звук удара где-то внизу, на первом этаже. То ли дверь хлопнула... То ли выстрел? На входе дежурила тройка охранников, на втором этаже у сауны были еще трое. Но мужики все новые, к тому же без оружия: первый день на работе — для прежних он уже давно улетел. Никто не знал, что он еще в городе.

Везунчик прислушался. Какие-то странные звуки доносились снизу. Он осторожно придвинул шезлонг к стене и встал на спинку, чтобы через высокое окно выглянуть на улицу. У зеленого забора рядом с его «волгой» стоял запыленный «ситроен».

Тошнотворная слабость накатила на него. Шезлонг задрожал под ногами, и Везунчик свалился на пол, больно ударившись коленом. Эту грязную машину он уже где-то видел. Не вспомнить, где и когда. Но это вражеская машина.

Бежать! Он сбросил неудобные шлепанцы и босиком, путаясь в халате, побежал к незаметной двери подсобки в дальнем конце бассейна. За пять минут он переоденется, спустится на улицу, остановит такси и через полчаса будет на другом конце города, в своей тайной квартире. И никто его не догонит, никто не найдет.

Он уже открыл дверь в подсобку, как вдруг сообразил, что чего-то не хватает. Да, не хватало небольшой детали. Чемодана с миллионом баксов.

Донесся новый звук. Кто-то стучал металлом об стенку. «Ломятся в сауну», — догадался Везунчик.

Враги ломятся в его сауну, куда он никого не водил. Только самых изысканных женщин. Враги ворвутся в его уютное гнездышко, будут топтать его одежду. И будут хватать грязными лапами его серебристый чемоданчик...

Эта картина была настолько невыносимой, что Везунчик застонал от ярости.

Он подобрал полы халата и взбежал по железной лестнице на площадку под самым потолком. Там изгибалось оцинкованное колено вентиляции. Везунчик отодрал неплотно прилежавшую решетку и запустил руку в трубу.

За стенами бассейна вдруг стихли удары, и Везунчик понял — враги взломали дверь в сауну. Но он злорадно усмехнулся, представив, как они удивятся через несколько минут, когда пройдут из сауны в бассейн.

Здесь, в тайнике, он держал последний пулемет из тех, которые когда-то украл со склада собственного полка. Да, таким был его первоначальный капитал: три пулемета, автомат убитого часового, форма и пистолет мента, который помогал ему в том деле. Все эти железки давно превратились в деньги, недвижимость и уважение большинства людей. И только этот РПК до сих пор лежал без дела. Но настал и его час.

Везунчик расставил сошки, установил пулемет на поручнях площадки и встал за ним. Сейчас откроется дверь, и на сверкающий кафель выбегут люди в ненавистой ему форме. Наверно, они, как всегда, будут в шлемах, в бронежилетах. Они будут уверены в своей неуязвимости. Но он быстро убедит их в обратном.

Не достанутся мои деньги ментам, радостно подумал Везунчик.

Он был уверен, что за ним пришли именно менты. Но он ошибался.

Если бы Везунчик выглянул в окно хотя бы парой минут раньше, он увидел бы странную компанию. Из «ситроена» выскочили четверо. Великан с рыжей бородой и перебинтованной грудью, на которой не застегивалась камуфляжная куртка. Небритый кавказец в кургузом пиджаке поверх тельняшки. Седой мужик с синяками на лице. Единственный приличный человек в этой компании был в поношенном костюме и стоптанных туфлях, но он не имел никакого отношения к этим троим.

Этих троих, если верить записной книжке Везунчика, уже не было на свете. Книжка врал. Седого мужика не зарезали ночью в жилконторе. Гиганта-мичмана не убили, когда он отлучился на тренировке в туалет. И азербайджанец не был застрелен в дежурке в тот день, когда Везунчик убил коменданта базы и управляющего. Все они были живы. И это была главная ошибка Везунчика.

Глава 33. Гарнизон идет на штурм

— Вы уверены, что это здесь? — еще раз переспросил Петренко, с сомнением оглядывая высокий зеленый забор и стальные ворота с красной звездой.

— Да, уверена. Он привозил меня именно сюда. Правда, это было ночью, но я прекрасно запоминаю ориентиры. Это здесь.

В маленьком окошке зеленой будки белело лицо часового, который разглядывал подъехавшую к воротам машину, но открывать ворота явно не собирался.

Опер Петренко поправил галстук.

— Всем сидеть в машине и не высовываться. Пойду организую проникновение.

— Каким образом? — поинтересовался Гранцов. — Хотите снять часового? Это военный объект. Видите звезду?

— Покажу удостоверение. Свяжусь с начальством. Скажу, что приехала оперативно-следственная группа, — он перечислил: — Водитель. Два опера. Следователь. Эксперт.

— А если они заглянут в машину?

Опер Петренко крикнул от досады, оглядев своих попутчиков, небритых, грязных и перебинтованных.

— Не волнуйтесь, — сказала Восьмая и вышла из машины.

Она уверенно направилась к будке часового и скрылась за зеленой дверью. Через две минуты ворота вздрогнули и со скрежетом поползли в сторону, освобождая проезд. Поддубнов кивнул и без лишних раздумий въехал на территорию военного объекта.

Восьмая вернулась на свое место.

— Как вам это удалось? — спросил Петренко.

— Как всегда. Пятьдесят рублей, и никаких проблем. Подъезжайте вон к тому длинному зданию.

Черная с золотом табличка, висевшая у входа, информировала входящих, что они вступают во владения ООО «Гидродинамическая лаборатория института материаловедения имени маршала Баграмяна». При внимательном рассмотрении можно было обнаружить, что табличка изготовлена еще при социализме, а новые хозяева просто добавили к надписи три одинаковые буквы и кавычки, выделявшиеся своим блеском.

Еще не так давно в это здание можно было попасть, только имея особый пропуск, безупречную анкету и достойное происхождение. В техническом бассейне лаборатории производились различные эксперименты, очень ценные для гидродинамической науки маршала Баграмяна. Например, здесь разрабатывались и испытывались взрыватели для подводных мин, патроны и снаряды для подводного оружия, защитные доспехи для боевых пловцов и многое другое. Когда же у армии и, особенно, у флота почему-то пропала потребность в новых минах, патронах и пловцах, все это здание вместе с оборудованием, бассейном и коммуникациями было выкуплено неким частным лицом. Лицо это добавило не только буквы ООО к черной с золотом табличке. В бассейне появилась французская система очистки и подогрева воды, а рядом возникли всякие подсобные помещения, предназначенные для полноценного отдыха этого частного лица — сауна, бар, бильярдная и массажный кабинет.

Здесь частное лицо могло чувствовать себя в полной безопасности, потому что находилось под двойной защитой. Снаружи от внешнего мира его надежно ограждал зеленый забор со стальными воротами и бдительным караулом. Внутри же здания постоянно дежурили молодцеватые сотрудники охрannого предприятия «Невский Атаман».

На них удостоверение опера Петренко не произвело никакого впечатления.

— Частная собственность, — лениво проговорил из-за толстого стекла один из «атаманов». Двое других даже не оторвались от телевизора. — Хотите войти, предъявляйте ордер. Нет ордера, нет и разговора.

«Следственная группа» потопталась на крыльце, о чем-то посовещалась, после чего

опер снова постучал своей красной книжкой по стеклянной двери, а Керимыч с Гранцовым подошли к пожарной лестнице. Она в три пролета изгибалась на кирпичной стене. На верхней площадке рядом с дверью зияли вентиляционные раструбы. Поправив кепку, Керимыч ступил на узкие ступеньки и неспешно зашагал вверх.

— Эй, мужики! — крикнул из-за стекла «атаман». — Чего вы там бродите?

— Свяжите меня с вашим начальником, — попросил опер Петренко.

Стеклянная толстая дверь плавно откатилась в сторону, выпуская охранника. Его насупленные брови не предвещали ничего хорошего нарушителям границ частного владения. Оттеснив плечом опера и оттолкнув Гранцова, «атаман» в два прыжка настиг Керимыча на пожарной лестнице и ухватил его за ногу.

— А ну слазь! — приказал он.

Керимыч вцепился в поручни и затрепыхался, как червяк на крючке. Но охранник не успел расправиться со своей добычей. Гранцов подкрался к нему снизу, несильно ударил кулаком под колено сзади и дернул за ремень. В следующую секунду он прижался к поручню, чтобы пропустить «атамана», который с воплем пролетел мимо него вниз.

Двое других охранников кинулись на выручку своему товарищу. Но мичман Поддубнов успел схватить их сзади, после чего они изменили направление своего движения и закружились вокруг него.

Гранцов прыгнул прямо на спину поверженному «атаману», сорвал с его пояса наручники и живо соединил его руки на поясице с помощью нехитрого механизма.

— Макарыч, только не убей никого! — попросил он, пробегая мимо схватки.

— Скорее, скорее, — торопил его опер.

— Он где-то здесь, — сказал Гранцов. — Из вентиляции тянет мятой. Кто-то парится в бане.

— Хорошо бы еще знать, где она, эта баня, — опер остановился посреди просторного вестибюля. — И спросить-то не у кого.

— Вот здесь вы ошибаетесь, — сказал Гранцов.

В вестибюль ворвались еще трое охранников, и в руках у них были дубинки.

Гранцов успел схватить стул и кинулся навстречу, подставляя его под удар. Тут же, на ходу, выбросил вперед ногу. Попал не в пах, а в бедро, но и этот удар подействовал. Охранник ахнул и схватился за стул, вместо того, чтобы орудовать дубинкой. Ну и держись за него, пожелал ему Гранцов, вторым ударом ноги отбрасывая оппонента вместе со стулом к стене.

Он перепрыгнул через стол дежурного, уклонившись от удара, и дубинка с треском хлестнула по стеклу столешницы. Вадим наткнулся спиной на тумбочку с телевизором, развернулся — и телевизор полетел в голову нападающего противника. Тот проявил отменную реакцию и подхватил дорогую технику, да так и повалился вместе с ней на пол.

— Да сколько вас тут? — прогудел удивленный бас Поддубнова. — Димыч, занимайся своим делом, а этих я принял.

В руках мичмана сверкал длинный хромированный шест с диском на одном конце и с рогами на другом. Шест вращался, как невиданное шаолиньское орудие, и Гранцов, только отбежав в коридор, понял, что Поддубнов действовал обычной вешалкой.

Опер Петренко, хромая, бежал за ним.

— Вы в порядке, Гранцов? — спросил он, доставая из-под пиджака пистолет. — Везунчик — серьезный человек. Хорошо, если мы возьмем его в голом виде. Потому что иначе нам придется вызывать сюда целую армию.

— Так куда же мы лезем с одним стволом? — на бегу спросил Вадим, поднимаясь по лестнице.

— Да и ствол у меня без патронов. Только вы никому не говорите. Ну, где же тут сауна? Вы хотите найти ее по запаху?

Сауну найти было легко — к ней вела ковровая дорожка. Дверь была заперта изнутри, но это не имело значения, потому что рядом располагался прекрасно оснащенный пожарный

щит, а уж ломиком-то Гранцов владел не хуже, чем Поддубнов вешалкой.

Опер Петренко выставил перед собой пистолет и сказал:

— С легким паром, пан Вязинскас! Выходите на свежий воздух, сеанс окончен.

Никто не ответил ему, только телевизор бормотал что-то по-английски.

— Одевайтесь и выходите, надо поговорить, — сказал опер, оглядывая комнату.

На диване валялись брюки и майка, туфли стояли в углу, скомканная простыня лежала на полу.

— Не мог он уйти, — сказал Петренко. — Вот же вещи лежат. Он здесь. В парилке, что ли?

С ломиком наперевес Гранцов подобрался к парилке. За дверью из толстого темного стекла были видны янтарные полки и почерневшая кадушка с вениками.

— Пусто.

— А я кой-чего нашел, — весело проговорил опер, ползая на коленях и вытягивая что-то из-под дивана. — Ух, и тяжелы же американские денежки!

Увидев в его руках серебристый кейс, Гранцов схватил опера за плечо:

— Не вздумайте открывать! Думаете, там только деньги?

— А что же еще?

— Что еще? Грамм сто тротила. На всякий случай. Наберете неправильный код — и готово.

— Не надо утрировать, товарищ Гранцов. — Петренко ласково погладил кейс. — Здесь не тот случай.

— Тот или не тот, а рисковать незачем.

— Неужели вам не хочется увидеть миллион?

— Мне хочется видеть вас живым и здоровым.

— Понимаю, — Петренко улыбнулся. — Пока я живой и веду ваше дело, вас не посадят. А новому человеку пришлось бы все заново разгрести. Слушайте, Вадим Андреевич, а почему вы тогда сбежали из жилконторы? Испугались, что вас и в самом деле задержат?

— Да сам не знаю. Рефлексы сработали, — неохотно ответил Гранцов, обыскивая вещи, лежавшие на диване.

В кармане рубашки он нашел права на имя Гофмана. А когда поднял брюки, они показались ему странно тяжелыми. К поясу брюк Везунчика была приложена мягкая кобура, а в ней оказался «стечкин».

— Ого, — с уважением протянул Петренко, увидев пистолет в руках Вадима. — И не лень ему было таскать такую дуру?

— А он и не таскал. Наверно, надел сегодня, когда ему дали чемодан с выкупом, — объяснил Гранцов, вынимая и снова вставляя магазин. — И, наверно, невзначай продемонстрировал ствол своему боссу. Чтобы поднять свой статус.

Он направил пистолет на спинку дивана и несколько раз отвел затвор назад, потом собрал вылетевшие патроны и снова снарядил магазин.

— Хорошая машина. Ухоженная, — сказал он, протерев пистолет краем простыни и вложив его обратно в кобуру. — Может, ваш Везунчик и в самом деле таскал ствол с собой все время. Как допинг. Чтоб настроение приподнять.

— Но сегодня-то мы ему настроение подпортим! — Опер встал, держа в одной руке кейс, в другой свой ПМ. — Не мог же он испариться. Осталось только бассейн осмотреть. Может, он там плещется и не догадывается, что у него гости.

— Так давайте подождем его здесь, — предложил Гранцов.

— Хорошая мысль. Только понятых пригласим. — Петренко набирал номер на радиотелефоне, который лежал на столе среди бутылок с минералкой и фруктов. — Дежурный? Дай-ка мне кого-нибудь из группы Петренко... Так, поднимай орлов, и всей командой летите ко мне. Записывай координаты...

Вадим Гранцов еще раз заглянул внутрь сауны. В колючем сухом жаре он распознал

знакомые запахи березовых листьев и мятной настойки. Но едва заметный тяжелый душок пота говорил о том, что здесь совсем недавно кто-то парился.

Значит, здесь есть еще один проход, кроме того, через который они вошли.

Гранцов провел руками по кафелю стены, осмотрел душевую. На деревянной решетке еще блестели капли воды. «Вот здесь он ополоснулся после сауны», — подумал Гранцов. Он перевел взгляд по полу дальше и увидел темное пятно на ковре перед большим зеркалом. «Вот здесь он стоял, причесывался. Интересно, а что там, за стенкой?»

— Через пять минут здесь будут работать мои орлы, — сказал Петренко. — Так что давайте больше ничего не трогать. Эксперт будет доволен. Пальчики на стакане, поддельные документы, ствол с номером.

— Вот еще пальчики. — Гранцов показал на стеклянную полку под зеркалом. — Наверно, поскользнулся, схватился...

— И испарился, — закончил опер. — Далеко не уйдет. На его месте я бы даже предпочел сдаться властям. Лучше сидеть в хорошей камере, чем бегать от бывших компаньонов. И все-таки... Пойду гляну, что там у нас в бассейне.

— Лучше подождать здесь, — возразил Гранцов. — Он вернется за деньгами. И войдет через ту же дырку, через которую вышел.

— Логично. Вот вы и ждите.

Петренко положил чемодан на диван и вышел в коридор.

Вадиму не давала покоя мысль о потайном выходе. Он снова вернулся в парилку и попытался приподнять полук. Нет, прибито. Может быть, пол? Задрал сырую решетку, он ощупал шершавый кафель. Но стыки между плитками были плотными, без зазоров.

Гранцов и сам умел устраивать схроны и тайники, поэтому неудача еще больше раззадорила его.

Зеркало! Большое зеркало, в полный рост. Вполне может служить дверью. Что там у нас за стенкой? Бассейн. Выход к нему было бы естественно сделать именно в этом месте, чтобы нырять прямо из парилки.

Он встал перед зеркалом и провел пальцами по его обводам.

За стеной послышался голос Петренко, гулко отдававшийся под сводами бассейна:

— Сюда, орлы! Мы здесь!

Вместо ответа раздался оглушительный раскатистый удар. Зазвенели осколки, и кто-то болезненно ахнул.

«Что-то свалилось, — подумал Гранцов. — А звук такой, будто винтовочный залп». В следующий миг удар повторился, и был он дробным, и вой рикошетов смешался с пением осколков.

«Что такое? Неужели...»

И не успел он поверить, что слышит звук пулемета, как зеркало перед его глазами взорвалось, и страшная сила толкнула Вадима в глубь комнаты...

Что-то жгло грудь. Он ощупал окровавленную тельняшку и осторожно вдохнул. Дышать было больно, но воздух не свистел, вырываясь из раны, как это было с ним когда-то. Значит, жить можно.

Что за стрельба по безоружным людям? Он с трудом приподнялся и на четвереньках добрался до дивана. Яркие кольца расплывались перед глазами, но он смог нащупать кобуру и вытащить неимоверно тяжелый пистолет.

Еще одна пулеметная очередь с грохотом и визгом пронзила пространство бассейна, и в комнате зазвенела разбитая дверь сауны.

Гранцов протер глаза и выглянул в проем. Там, где только что блестело зеркало, сейчас зиял проход, обрамленный кривыми зубьями невыпавших осколков.

«Опять пулемет, — подумал Гранцов. — Никуда не деться от этих пулеметов. Да чего же противно его слышать. Особенно когда ему никто не отвечает».

В груди пекло все жарче, он скомкал тельняшку и придавил, сжимая рану.

«Что-то опер молчит. И орлов его не слышно. Попрытались, как суслики. Одно слово,

пехота», — ворчал про себя Гранцов, стаскивая с дивана тяжелый чемодан.

Он чувствовал, что не может встать на ноги. Но этого от него и не требовалось.

Чемодан с грохотом свалился на пол, и новая пулеметная очередь принялась крошить стены комнаты.

— Ага. За нами наблюдают, — сказал Гранцов, облизнув сухие губы. — А нам это не нравится.

Он выстрелил в люстру под потолком. Хрусталь брызнул во все стороны, но две лампы продолжали светить, раскачиваясь и роняя сверкающие капли. Это разозлило Гранцова, и он выстрелил по выключателю. Свет в комнате погас, а пулемет разразился двумя короткими очередями, и пули кромсали ковер в неприятной близости от Вадима.

Он с трудом поставил тяжелый чемодан перед проемом и перекатился за него. Теперь у него было надежное укрытие. Самый дорогой бруствер в мире. Отсюда ему был виден только бортик бассейна и стена. Но этого было достаточно. Опираясь на расставленные локти и держа пистолет на двух руках, он стал бить по выключателям.

Пулеметная очередь загрохотала в ответ на его скромные хлопки, и пара ударов пришлась по чемодану, но Гранцов успел погасить освещение бассейна.

— А вот теперь пощупаем, кто там балуется, — приговаривал он, набираясь сил перед рывком.

Противник находился на другом конце бассейна, где-то наверху. Гранцов пальнул в его сторону и спрятался за чемодан, следя за вспышками. Он уже знал, что пулеметчик бьет короткими очередями, в три-четыре патрона. Это был хороший, грамотный и меткий пулеметчик. Но он был стеснен в маневре. А Гранцову никто не мешал выброситься через проем и откатиться в сторону, а потом ползти по холодному липкому кафелю. «Что за дрянь тут разлита?» — удивлялся он, пока не сообразил, что сам же и оставляет за собой кровавый след, в котором пачкает локти и колени.

Новая очередь, и бабочка вспышек озарила площадку под самым потолком. Гранцов понял, что не доползет до конца. Сил оставалось немного, совсем немного. Только на то, чтобы пристроить локоть на бортике бассейна, навести пистолет на эти вспышки, а левой рукой изо всех сил зажать пульсирующую дыру в груди.

Он стрелял, и ему казалось, что он видит противника. Почему-то ему казалось, что там женщина. В длинном платье.

Вспышки давно погасли, и пулемет молчал, но Гранцов посылал пулю за пулей туда, где привиделась ему эта странная фигура...

Он очнулся на руках у Поддубнова.

— Кто там стрелял? — спросил Вадим, еле шевеля непослушным языком.

— Везунчик.

Голос Керимова добавил:

— Ты из него дуршлаг сделал.

— Петренко жив?

— Да уж поживее тебя, — сердито пробурчал Поддубнов. — В ногу ранен.

— Это хорошо. Пусть живет, — сказал Гранцов. — Пока он живой, меня не посадят.

* * *

«Дневник Партизана № 14. Страница 1. 1 июля.

На Большой земле — среда. У меня в госпитале — приемный день. Приходила Регина. Новости с базы — там высадилась новая толпа гостей. Они гордо именуют себя следственной группой Военной прокуратуры. Посмотрим, чего нарасследуют.

Всех разместили в гостинице, БМП будет кормить их остатками сектантских припасов. Одна беда — снова зарядил дождь, и значит, никакой рыбалки, никакой охоты. Так и будет гарнизон целыми днями разгребать завалы и заполнять протоколы.

Уже точно известно, что хозяйство переходит в другие руки. Это будут чистые руки. И очень длинные. Одна тянется от горячего сердца, а другая — от холодной головы. Сами же хозяева уверяют, что у них всегда должны быть чистые стаканы, холодные напитки и горячая закуска. Обеспечим.

БМП, похоже, снова станет начфизом. Меня попросили написать мемуары, а потом зачитывать их вслух любознательным слушателям. ДК отправится на курсы «Выхлоп», чтобы получить звание. Без этой формальности он не сможет занять обещанную должность старшего хакера.

Получается, что погром пошел на пользу гарнизону.

Здоровью моего драгоценного родственника ничто не угрожает. Жар у него был с перепою. Фуры с его канадскими протеинами стоят на штрафной стоянке в Петрозаводске, и он умчался их вызволять.

Плакали мои пятьсот долларов. И должников моих теперь не отыскать.

Опустевший особняк Института показали по телевизору. Мельком по какому-то из новых каналов. В передаче, посвященной зажиму демократии, правам человека и мракобесию госчиновников. Злые дядьки из Министерства юстиции признали недействительной регистрацию ИДР, и на следующий же день цепные псы тоталитаризма в омоновской форме произвели изъятие документации, а также другие следственные мероприятия в московском офисе института. Прогрессивная общественность потрясена произволом властей. А руководство ИДР, заблаговременно смывшись куда-то в Бенилюкс, грозит оттуда России Гаагским трибуналом. Мелькнула на экране и Восьмерка. Она рассказала, какой огромный вклад вносил институт в дело реставрации архитектурных памятников, лечения наркоманов и раздачи одноразовых шприцев. Большие мы об ИДР ничего не услышали. И, похоже, никогда больше не услышим.

Продолжение записи. 29 августа.

Об ИДР ничего не слышно. Хотя следы его еще долго будут мешать нашей нормальной жизни.

Жена только сегодня согласилась поесть немного мяса. Надеюсь, под воздействием кулинарных усилий Керимыча и Маро она все же отречется от зловерной еретической диеты. А то придется провести остаток жизни бок о бок с вегетарианкой.

Меня поражает, сколько энергии дает ей эта растительная пища. Человек съедает чашку риса и две морковки в день — и сутки напролет носится по базе, гоняя гарнизон и наводя повсюду стерильную чистоту.

Пойду помогу, пока сама не позвала. Да и чем еще заниматься в лесу, когда идет дождь?»